

• АУРЕЛ МИХАЛЕ •

НОЧНОЙ
ЭЩЕЛОН

АУРЕЛ МИХАЛЕ

НОЧ

НОЙ

ЭШЕ

ЛОН

ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА
ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА · 1988

И (Рум.)
М69

Aurel Mihale
Cronică de război

Михале А.

М69 Ночной эшелон. Военные повести. Перевод с румынского Андрианова Б. А. и Жарикова Ф. П. М., Воениздат, 1968.

288 с. 65 000 экз. 91 коп.

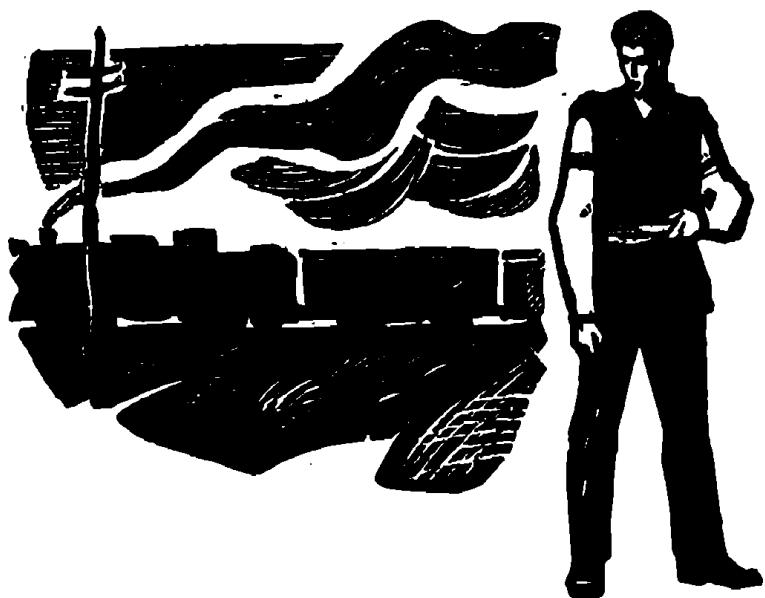
В книге рассказывается о событиях в Румынии в августе 1944 года. В эти дни Советская Армия разгромила фашистские войска под Яссами и Кишиневом. Создались благоприятные условия для вооруженного восстания, в результате которого румынский народ под руководством коммунистов сверг диктатуру Антонеску.

В ярких эпизодах повествуется о том, как румынская армия, повернув оружие против гитлеровской Германии, плечом к плечу с Советской Армией сражалась на равнинах и в горах Румынии, Венгрии и Чехословакии.

7-3-4

221-68

И (Рум.)

НОЧНОЙ ЭПЕЛОН

Рассказ кочегара

Вечером 23 августа 1944 года мы прибыли на вокзал в Текучи с пятьюдесятью вагонами, груженными боеприпасами. Согласно путевому листу, полученному утром в Плоешти, нужно было доставить эти вагоны к фронту, в Молдову, и, быстро разгрузившись, успеть затемно отправиться обратно.

Уже целую неделю мы подвозили боеприпасы к фронту из Плоешти. Грузились в темноте, а с рассветом трогались в путь, в сторону Молдовы. Ночью мы всегда стояли — или в Яссах, или в Николине, или в Плоешти. Днем же всегда были в пути. Иногда за нами увязывались самолеты. Поэтому мы не сводили глаз с неба. Остановки полагалось делать только в лесу или там, где железнодорожная линия была скрыта высокой насыпью или зарослями акации. Но машинист дядя Нику, услышав жуж-

жание самолетов, останавливал состав где придется, и вся наша паровозная бригада скрывалась в кукурузе или подсолнечнике. Солдаты из охраны, обычно дремавшие в деревянных будках вагонов, ошалело вскакивали и, перепуганные, кричали, чтобы мы вернулись и отвели состав в безопасное место.

Однажды за нами прибежал сам начальник эшелона — длинный как жердь, тощий лейтенант. Он начал уговаривать нас ехать дальше, не обращая внимания на самолеты, но машинист заявил решительно, что не горит желанием умирать за немцев и что поднимется на паровоз только после окончания налета. Лейтенанту ничего не оставалось, как приказать солдатам оставить вагоны и спрятаться вместе с нами в бурьяне. Офицер и солдаты тоже были сыты этой войной по горло. Мы хорошо поняли друг друга и теперь при малейшей опасности вместе бежали от эшелона в поле, пережидая, пока самолеты скроются из виду.

— Говорил я твоему отцу потерпеть до осени, — сказал мне как-то дядя Нику, когда мы лежали на поле, — но он не послушался...

— Ничего, дядя Нику, — ответил я. — Мне надо учиться... Отец советовал поработать кочегаром до призыва в армию... Может, оставят на паровозе, и спасусь от фронта...

— Что правда, то правда, — согласился машинист, глядя в небо. — Только и фронт начинает шататься... долго не продержится.

На паровозе я работал всего лишь несколько недель. Отец мой был стрелочником на вокзале в Плоешти и знал дядю Нику давно, лет двадцать. Мне он тоже был хорошо знаком. Я всегда носил отцу обед — миску с фасолевым или картофельным супом. Частенько в будку стрелочника заглядывал и дядя Нику. Пока они ели, я бегал на вокзал за свежей водой или табаком. Если выпадал день получки, дядя Нику посылал меня за бутылкой. Они выпивали всегда по одной-две рюмке, не больше.

Отец мой хоть и был человеком необразованным, но любил пофилософствовать. Одиночество стрелочника со временем сделало его молчаливым, и только с дядей Нику он охотно делился всеми своими думами. Дяде Нику нравилось слушать отца. Иногда он вставлял два-три слова, но отец будто не слышал их и продолжал говорить.

— Орел с обшипанными крыльями не может взмыть вверх! — сказал как-то отец, когда дядя Нику завел речь о немцах.

— Я вижу, тебе их здорово жаль, Петре? — испытующе спросил машинист.

— Как бы не так! — пробормотал отец.

Отца и дядю Нику объединяла не только дружба. Машинист всегда заходил в будку стрелочника с окрашенным в черный цвет сундучком железнодорожника. Сначала я думал, что в этом сундучке он носит еду и прочие вещи, необходимые в поездке. Но однажды в будке мне на глаза попался еще один сундучок, точно такой же, как у дяди Нику. У меня блеснула догадка, что машинист заходит в будку к отцу, чтобы поменять сундучки. Когда же я стал работать на паровозе, мои предположения оправдались: подъезжая к Плоешти, дядя Нику остановил паровоз вблизи будки моего отца, сошел с сундучком в руках и через некоторое время вернулся, но уже с другим сундучком. На подножке дядя Нику оглянулся, а потом зарыл сундучок в тендере под углем.

Ночью мы прибыли в Николину. Пока солдаты разгружали вагоны, а я обтирал паровоз, машинист извлек сундучок и передал его какому-то человеку. Взамен дядя Нику получил другой, такой же черный, сундучок.

Мне стало ясно, что за всем этим скрывается какая-то тайна. В Яссах процедура с сундучками повторилась. Из нескольких слов, которыми машинист перебросился с незнакомцем, я понял, что речь идет о листовках и что их необходимо как можно быстрее распространить среди солдат на фронте. Я сразу же подумал об отце, но тут же успокоил себя: ведь отец только и делал, что помогал обменивать сундучки, которые другие приносили в его будку.

Но на этот раз, 23 августа, по прибытии в Плоешти дядя Нику не сошел, как всегда, с паровоза с сундучком в руках. Он стоял на подножке. Когда мы поравнялись с маневровым паровозом, который подавал короткие свистки, машинист бросил взгляд на пути, а потом, повернувшись ко мне, приказал:

— Пускай пары, Манолаке...

Я нажал на клапан, и тут же оба паровоза обволокло густыми белыми облаками пара. Из маневрового паровоза быстро сошли трое или четверо рабочих, под прикры-

тием пара и дыма буквально в считанные секунды перетаскивали в тендер своего паровоза длинные и низкие ящики с патронами. Эти ящики дядя Нику получил от рабочих ночью на складе во время погрузки.

Маневровый паровоз вскоре отъехал в сторону депо. Один из рабочих поднялся на наш паровоз, пожал руку дяде Нику и прошептал:

— Нам еще нужно, Никулае.

— Послезавтра, когда снова встанем на погрузку, попытаюсь достать еще.

— Это поздно... сейчас нужно... этой ночью!

— Посмотрим,— задумчиво ответил машинист.

В это время к паровозу подошел мой отец.

— Может, договориться с начальником эшелона и солдатами,— предложил он,— или с товарищами в Николине во время разгрузки.

— Если нужно, попытаюсь,— сказал дядя Нику.

— Нужно,— подтвердил отец.— Собака убегает не от пса, а от дубины!

Машинист приложил палец к губам в знак большой тайны, так как к паровозу подходил начальник станции, чтобы дать сигнал отправления.

— Немые понимают друг друга по губам,— прошептал отец, улыбаясь.— Привозите больше.

Весь день нашему эшелону давали «зеленую улицу». Военные коменданты станций торопили нас, сообщая, что фронт в Молдове разваливается из-за отсутствия боеприпасов. Но в Мэрэсешти вдруг нам было приказано остановиться. Дядя Нику почему-то обрадовался этому. Им овладело какое-то внутреннее беспокойство и нетерпение.

Наш состав загнали в тупик, далеко от вокзала, где мы простояли до вечера.

За это время в сторону фронта не проследовал ни один эшелон, но зато от фронта один за другим шли составы с ранеными.

Вечером начальника нашего эшелона вызвали к телефону. Вернулся он перепуганный: начальство из тылов, которое, по-видимому, уже потеряло связь с Бухарестом, угрожало ему военно-полевым судом за пятичасовую задержку в Мэрэсешти. Мы тронулись дальше. Когда переезжали мост через Серет, наступили теплые летние сумерки. В Текучи нас вновь остановили. Дядя Нику вместе с тощим лейтенантом пошли на вокзал, к телефону. Те-

перь их спросили, откуда они получили предыдущий приказ, и еще строже пригрозили военно-полевым судом и расстрелом: оказывается, не надо было следовать дальше к фронту. На этот раз приказ был достаточно ясным:

— Остановитесь в Текучи и защищайтесь от немцев!

Начальник эшелона не сразу разобрался во всей этой путанице и спросил машиниста: «Что все это может значить?»

— Значит, мы поднялись против немцев! — напрямик ответил ему дядя Нику.

Сначала на лице лейтенанта отразилось недоумение, затем промелькнула плохо скрываемая радость. Все еще боясь поверить в услышанную новость, он испытующе посмотрел на машиниста. Наконец решившись, начальник эшелона объявил солдатам приказ — защищать поезд от немцев.

Дядя Нику оставил меня поддерживать топку, а сам стал задумчиво прохаживаться около паровоза, не выпуская из рта сигарету. Только те, кто его плохо знал, считали машиниста довольно спокойным человеком. Таким он казался с виду. На самом же деле дядя Нику просто умел сдерживать себя. Но в этот вечер даже он не мог скрыть охватившего его волнения.

— Поднажми, Манолаке! — крикнул он мне.

Я начал подбрасывать уголь в топку, время от времени поглядывая на машиниста. Погруженные в темноту вокзал и железнодорожные пути казались пустынными. Только на перроне бесшумно мелькали тени беженцев, напрасно ожидающих поезда. Изредка над линиями, покачиваясь, проплывал синий огонек или с грохотом и воем, не обращая внимания ни на какие сигналы, в сторону Мэрэсешти с бешеной скоростью проносился воинский эшелон.

Через некоторое время дядя Нику бросил сигарету, растер окурки и решительно повернулся к лейтенанту:

— Я беру пять-шесть вагонов и возвращаюсь в Плоешти...

— Может, подождем немного, — посоветовал ему начальник эшелона, потому что теперь уже не в его власти было запретить что-либо машинисту.

Дядя Нику задумчиво провел рукой по глазам и лицу, будто вытирая пот. Затем достал новую сигарету. В это время звук репродуктора разорвал тишину. Торжествен-

ным и в то же время дрожащим от волнения голосом диктор начал читать официальное сообщение: режим Антонеску свергнут, Румыния объявляет войну гитлеровской Германии.

— Все решено, уезжаю, — сказал дядя Нику, прослушав сообщение до конца.

Вместе с лейтенантом они пошли вдоль эшелона. Дядя Нику интересовался, какой груз находится в каждом из вагонов. Офицер карманным фонариком освещал номера вагонов, смотрел в бумаги и охотно отвечал на вопросы машиниста.

— Пулеметы и винтовки... винтовочные патроны... пулеметные ленты... гранаты... снаряды.

Дядя Нику отцепил первые пять вагонов. Но не успел машинист вернуться к паровозу, как на станцию ворвались сотни две немцев. У некоторых из них за спиной болтались ранцы, у других — скатки, кое-кто тащил в руках сундучки. Оружие было у кого за спиной, у кого — в руках. Гитлеровцы лихорадочно спешили на чем-нибудь уехать. Послышалась резкая команда, и немцы выстроились на первом пути. Затем одна группа гитлеровцев бросилась на перрон, чтобы очистить его от толпы, другая побежала к нашему эшелону.

— Ударяют, — заметил машинист, поднимаясь на подножку паровоза.

Несколько немцев нетерпеливо постучали прикладами в стенки вагонов, потом плотным кольцом окружили машиниста и начальника нашего эшелона, словно боясь, как бы те не убежали. Немецкий офицер, такой же длинный и тощий, как наш лейтенант, спросил:

— Was ist das? ¹

— Боеприпасы, — ответил начальник эшелона и показал рукой в сторону Ясс: — Для фронта...

— Nein, — набросился на него немец. — Front kaput! Lokomotive... Wir... ²

Затем медленно, с трудом подбирая румынские слова, он объяснил, что надо отцепить паровоз, собрать вагоны, стоящие на разных путях, и сформировать состав, в котором они могли бы уехать.

— Бы-стро!.. Бы-стро!.. — торопил гитлеровец на ломаном румынском языке.

¹ Что это такое? (нем.)

² Нет, фронт капут! Паровоз... Мы... (нем.)

Дядя Нику повернулся и хотел было подняться на паровоз, но немец схватил его за руку и с силой потянул вниз. Выхватив из кобуры пистолет, фашист приставил его к груди машиниста и, почернев от злости, прорычал:

— Verstanden? ¹

От неожиданности дядя Нику вздрогнул, руки его сжались в кулаки, глаза холодно и резко сверкнули. Кажалось, он вот-вот набросится на гитлеровца. Но машинист принял другое решение. Отстранив рукой пистолет, он пробормотал:

— Jawohl... verstanden... ²

Немецкий офицер махнул рукой, и серая толпа гитлеровцев бросилась к нескольким разбитым и обгоревшим при последней бомбардировке вагонам, одиноко стоявшим на путях в разных концах станции. Фашист с пистолетом в руке не отходил от машиниста. По приказу немца дядя Нику отцепил паровоз от вагонов с боеприпасами и медленно подвел его к четырем вагонам, набитым немцами.

— Цепляй, — глухо сказал он мне.

По голосу машиниста я понял, что у него есть какой-то план.

Я прицепил вагоны с гитлеровцами, и мы направились на соседний путь за другой группой вагонов. В этот момент машинист сбавил ход и, перегнувшись через окошко, спросил стрелочника, вышедшего из будки:

— Свободная линия есть?

— Нет... закрыто на мосту, в Мэрэсешти.

— А на Галац?

— Свободно.

— Смени быстро стрелки...

Паровоз толкал впереди себя только что прицепленные мною вагоны. Но вдруг машинист остановил паровоз, взял у меня лопату и начал яростно подбрасывать в топку уголь. Немец был явно доволен его старанием.

Дядя Нику велел мне обтереть фонарь паровоза и шепотом добавил:

— Отцепи их вагоны...

Я быстро спустился вниз и, сделав вид, что вытираю фонарь, незаметно отцепил вагоны с немцами. Когда я вернулся, дядя Нику мягко тронул паровоз с места, но

¹ Понял? (нем.)

² Да... понял... (нем.)

тут же развил бешеную скорость. Около перрона машинист резко затормозил, отбросив четыре вагона с гитлеровцами далеко вперед к остальным вагонам. От толчка я упал на уголь. Немецкий офицер, стоявший на подножке, сильно покачнулся, но удержался, уцепившись за дверцу. Дядя Нику толкнул его плечом, сбросил на рельсы и дал полный ход назад.

Теперь мы толкали впереди себя наши вагоны с боеприпасами. Вслед нам неслись проклятия фашиста, корчившегося на земле. Раздалось несколько коротких очередей из автомата. Пули рикошетом отскочили от паровозного котла.

— Halt! Halt! — орал разъяренный немец.

Дядя Нику продолжал набирать скорость. Вагоны и паровоз с лязгом перескочили стрелки. Мы устремились к Галацу.

Стояла тихая, теплая ночь. Все небо было усыпано звездами. Бегущие впереди вагоны закрывали путь, и дядя Нику напряженно всматривался вперед через окошко, чтобы не пропустить поворотов. Только изредка он поворачивался ко мне и глухо бросал:

— Угля... подбрось угля, Манолаке!

Я еще крепче сжимал лопату и не переставал подбрасывать в топку. От пыли и пота я стал таким же черным, как уголь. Паровоз клочкотал и мчался на всех парах, будто он тоже вырвался на волю.

Приближаясь к какой-нибудь станции, мы издали давали продолжительный гудок и с грохотом пролетали мимо, не сбавляя хода и не обращая внимания ни на закрытые семафоры, ни на всевозможные знаки дежурных по станциям. Остановились только на пятой или четвертой станции — в Лиешти. Начальник станции и дежурный бежали по путям, крича и отчаянно жестикулируя. Машинист спустился на последнюю подножку и поздоровался с ними за руку.

— Никулае, за нами по пятам гонятся немцы... Блокируй линию позади нас и попроси, чтобы дали свободный путь впереди, до Галаца... Нам нужно как можно быстрее быть в Плоешти, — объяснил дядя Нику.

— А что это у вас в вагонах?

— Боеприпасы, — многозначительно сказал машинист.

Теперь мы чувствовали себя спокойнее и увереннее: путь нам будет везде открыт. Станции встречали нас с

поднятыми семафорами и зелеными огоньками, а дежурные по станциям стояли на перроне, приложив руку к форменным фуражкам.

Дядя Нику не скрывал своего удовлетворения. Взглянув на стрелки манометров, дрожавшие возле красной линии, он повернулся ко мне. Я был весь перемазан углем. По лицу и груди струился пот. Машинист улыбнулся уголками губ:

— Как дела, Манолаке?

— Все в порядке, — ответил я, довольный, что принимаю участие в таком деле.

— Ничего, — добавил дядя Нику. — Не побыв кочегаром, не станешь машинистом. А ты ведь хочешь стать машинистом?

— Да, — признался я.

Так мы мчались до полуночи. Наконец остановились в Барбоши. Ехать дальше до Галаца не было никакого смысла: на Брэилу и Бузэу можно было повернуть и отсюда. Кроме того, Галац горел как свечка. На горизонте росли огромные черные столбы дыма и копоти. То здесь, то там к небу поднимались грязно-белые облака пыли, сопровождаемые глухим грохотом, от которого дрожала земля. Заминированный фашистами город взлетал на воздух. Галац и раньше был забит гитлеровскими войсками, а в этот вечер его наводнили сотни, тысячи обезумевших от страха немцев, чудом вышедших из окружения на юге Бессарабии.

Увидев зарево над Галацем, машинист нахмурился. Он молча сошел с паровоза и направился в диспетчерскую, чтобы получить разрешение отправиться на Бузэу.

Нам нужно было запастись водой, чтобы добраться до Плоешти. Оглянувшись, я увидел совсем рядом водоразборную колонку. На станции стояли десятки и сотни разбитых вагонов. Их черные силуэты растворялись в ночи. Возле многих вагонов сустились чьи-то тени. Это были гитлеровцы. В ту же минуту от перрона к нам подбежали семь или восемь немцев. Подняв автоматы, они окружили паровоз. «Наверняка им позвонили те, из Текучи», — подумал я.

Унтер-офицер с железными галунами на погонах и двое здоровенных солдат с надвинутыми на глаза касками поднялись ко мне на паровоз.

— Lokomotive... zurück... zum Güterzug¹, — приказал мне унтер-офицер, молодой блондин с бесцветными глазами. Он все время показывал на линию вагонов позади нас.

«Этим тоже нужен паровоз», — догадался я.

— Nicht mechanik!² — сказал я, пожав плечами, наивно полагая вот так просто от них отделаться.

В это время на перроне появился дядя Нику. Увидев около паровоза немцев, он на мгновение остановился. «Лучше бы ему убежать, — подумал я, — без машиниста гитлеровцы все равно ничего не сделают... В конце концов все равно их схватят или наши, или русские, и фашисты ответят за все зверства...» Однако дядя Нику почесал в затылке и спокойным шагом подошел к паровозу. Догадавшись, что это и есть машинист, немцы навели на него автоматы. Дядя Нику сделал мне знак бежать. Он, видимо, тоже подумал, что эти гитлеровцы предупреждены из Текучи. Но тут один из немцев стал объяснять машинисту, что нужно прицепить к составу их вагоны. Лицо дяди Нику немного прояснилось. Он отвел рукой направленные на него автоматы и с притворной благожелательностью начал объяснять на пальцах, почему мы не можем ехать:

— Kohle nicht... Wasser nicht...³ Паровоз поломан...

— Hinauf!⁴ — крикнул один из фашистов и подтолкнул машиниста пистолетом.

Пришлось подавать паровоз к водоразборной колонке. Дядя Нику старался оттянуть время: он дергал паровоз то вперед, то назад, так что прошло, наверное, с полчаса, пока тендер не установился рядом с колонкой. Гитлеровцы что-то кричали, угрожали нам автоматами, но дядя Нику продолжал хладнокровно заниматься своим делом.

— Не набирай полный, — шепнул он мне, когда я опустил шланг в резервуар.

Но наблюдавший за мной немец не дал закрыть крышку люка до тех пор, пока вода не пошла через край. Около колонки мы простояли почти час: кто-то догадался перекрыть воду на вокзале.

Та же самая картина повторилась и при загрузке угля.

¹ Паровоз... назад... на товарную (нем.).

² Не машинист! (нем.)

³ Нет угля... Нет воды... (нем.)

⁴ Наверх! (нем.)

Мы не спеша бросали уголь по неполной лопате. Унтер-офицер, стороживший нас с пистолетом в руке, не выдержал нашего темпа и послал за помощью. Вскоре пришли около двадцати гитлеровцев. Они как воронье забрались на кучу угля, и менее чем за час тендер был нагружен с верхом.

Дядя Нику медленно стал подавать состав к вокзалу, так что шедшие рядом с паровозом немцы без труда поспевали за ним. Гитлеровцы сначала хотели отцепить наши вагоны, но, узнав, что там боеприпасы, обрадовались. Один из офицеров даже признательно похлопал дядю Нику по плечу:

— Gut... sehr gut!¹

— Видишь, — ворчал на себя дядя Нику, — даже боеприпасы им доставил!

Гитлеровцы набились в вагоны и расположились на крышах. Унтер-офицер ни на шаг не отставал от машиниста и следил за каждым его движением. Двум солдатам он приказал сесть по обе стороны тендера, так что я бросал уголь между ними.

К паровозу подошли начальник станции и рабочий с синим фонарем в руках. Под настороженными взглядами немцев они шепотом перебросились несколькими словами с машинистом.

— Сообщите вперед, в каком положении мы выехали отсюда, — с мрачным видом сказал дядя Нику. — Нам во что бы то ни стало надо добраться с боеприпасами в Плоешти...

— Немцы ведь тоже спешат в Плоешти, — сообщил рабочий... — Южный вокзал в их руках. Они хотят сконцентрироваться в нефтеносном районе и вблизи от Бухареста.

— И тогда? — спросил дядя Нику в замешательстве.

— Они не должны попасть туда, — ответил рабочий сквозь зубы. — Вы же с боеприпасами — обязательно!

— Хорошо, но...

— Я говорил с военным комендантом станции... Указания получите в пути.

Дядя Нику на мгновение задумался. Лицо его помрачнело. Он хотел еще что-то сказать, но унтер-офицер потерял терпение и начал кричать. Машинист получил путе-

¹ Хорошо... очень хорошо! (нем.)

вой лист и крепко пожал руку рабочему и начальнику станции, который ответил ему по-военному, приложив руку к форменной фуражке.

Паровоз вздрогнул, будто очнулся от сна. Вокзал скрылся в темноте. Нам вслед донесся протяжный жалобный звук сирены, словно предупреждая об опасности.

Брэилу мы проезжали на заре. Паровоз пыхтел и несмотря тащил бесконечно длинную цепочку вагонов. Выползая из редющей ночной темноты, состав, будто серая змея, извивался среди неказистых станционных домиков на окраине города. Небо было чистое, густо-синее, восход еще не окрасил его своими лучами. Время от времени я оглядывался на вагоны, набитые немцами, и меня пугала мысль, что теперь нам легко не отделаться. Ночью гитлеровцы установили на крышах вагонов пулеметы с заправленными лентами. На платформах стояли мелкокалиберные автоматические зенитные орудия, черные дула которых были направлены в разные стороны. Около орудий постоянно дежурили солдаты в серых касках. По очереди они осматривали в бинокль постепенно светлевшее небо и расстилавшуюся перед нами пустынную равнину.

Немцы, что наблюдали за нами на паровозе, не давали мне долго глазеть по сторонам. Они заставляли меня опять и опять подбрасывать уголь. Огонь в топке бушевал. Котел гудел, казалось, он вот-вот взорвется. И если бы дядя Нику захотел, мы буквально летели бы по рельсам. Но машинист то и дело открывал клапаны и выпускал пар. Видя, что меня подгоняют немцы, он не мог приказать мне не бросать уголь. От напряжения и бессонницы унтер-офицер еле держался на ногах. Но он не спускал глаз с дяди Нику, злился, что пропадает пар, но ничего не мог поделать, так как машинист с озабоченным видом все время показывал на стрелки манометров. Я догадался, что дядя Нику хочет как можно скорее оставить паровоз без воды и, если удастся, то в поле. Именно поэтому ночью на пути из Галаца к Брэилу он открыл под тендером кран, через который вытекла почти половина резервуара.

В Брэиле к нам подошли начальник станции и рабочий со сдвинутой на затылок шапкой. Они разговаривали открыто, не таясь немцев. Из их слов я понял, что вовсе не плохо, что гитлеровцы набились в вагоны. Нужно теперь где-то в определенном месте устроить им западню.

— Не беспокойтесь, — сказал нам рабочий. — Нам передали, чтобы вы ехали как можно медленнее... Указания получите своевременно...

Потом рабочий оглядел состав и спросил, сколько здесь немцев.

— Два батальона, — шепнул ему уверенно дядя Нику.

Машинист сообщил рабочему такие сведения, что я только удивлялся, откуда он все это знает: восемьсот — девятьсот человек... сорок вагонов, из которых двадцать шесть платформ с машинами и еще шесть с орудиями... боеприпасов мало: только то, что есть при солдатах...

— И они хотят добраться именно до Плоешти?

— Да, к вечеру хотят быть там...

— Этого нельзя допустить ни в коем случае, — решительным тоном заявил рабочий. — В Плоешти еще идут тяжелые бои с ними... Южный вокзал в их руках...

Наш состав тянулся очень медленно. Но сознание, что с каждой секундой мы приближаем немцев к их цели, причиняло нам душевную боль. Мы понимали, почему гитлеровцы избрали именно Плоешти: они надеялись соединиться там с фашистами, удерживающими вокзал, и овладеть этим важным железнодорожным узлом. Объединившись, немцы могли занять город, нефтеочистительные заводы и весь нефтеносный район, а также развернуть наступление на Бухарест или же отступить по долине Праховы в Ардял.

— Если бы передо мной сейчас была река, — признался дядя Нику, когда над горизонтом появилось солнце, осветившее Бэрэганскую степь, — я бы закрыл глаза и пустил состав прямо в воду: в одну минуту отправил бы их на дно...

Мы начали затягивать время на стоянках. Нам помогали железнодорожники, которые знали, что нашему составу нужно двигаться как можно медленнее. На станции Лаку Сэрат по приказу начальника нас поставили на запасный путь. Мы долго стояли, пуская пары. Наконец немцы потеряли терпение. Их унтер-офицер заставил дядю Нику несколько раз подать свисток, но начальник станции не появлялся. Из окон вагонов высунулись офицеры и стали орать, требуя отправки.

То же самое повторилось в Траяне и Урляске. Но в Янке немцы решили уже больше не полагаться на волю начальника станции. Они сразу же послали офицера с

несколькими солдатами в диспетчерскую и под дулами автоматов вывели дежурного. По охватившему их нетерпению и беспокойству я понял, что гитлеровцы утратили свою тевтонскую самоуверенность.

— Горит земля у них под ногами, Манолаке! — шепнул мне дядя Нику. — Они сейчас все равно что в топке под котлом...

На следующей станции немцы опять бросились за дежурным, потому что и здесь нас «забыли» на линии. Но дядя Нику никак не мог стронуть паровоз с места. Он с ожесточением крутил какие-то краны, поворачивал ручки, но все напрасно: паровоз пыхтел, колеса проворачивались на месте и останавливались. Дядя Нику почесал в затылке и спустился вниз. Вслед за ним спрыгнул и немец. Дядя Нику обошел паровоз, подтянул какие-то гайки и поднялся в будку. К возмущению унтер-офицера, который буквально выходил из себя, дядя Нику еще несколько раз спускался вниз и вновь поднимался в будку. Вокруг паровоза собралось семь или восемь немецких офицеров. Они стали угрожать машинисту. Протянув таким образом время, дядя Нику соизволил тронуть состав.

Волочась, словно раненый зверь, к полудню состав прибыл в Фэурей. Пролязгав по стрелкам, наш поезд встал на отдаленном запасном пути... «Здесь тоже хотят продержаться нас как можно дольше, — подумал я, — но они не знают, что немцы уже доведены до бешенства и не потерпят этого».

И на самом деле, как только эшелон остановился, унтер-офицер тут же схватился за рычаг и дал несколько протяжных гудков, тревожно огласивших окрестность.

Дядя Нику с мрачным видом слегка оттолкнул немца в сторону и, с трудом сдерживаясь, процедил сквозь зубы:

— Herr Unteroffizier... Сигнал подает рабочий класс!

Унтер-офицер начал кричать в сторону перрона, но отправиться дальше мы не успели. По путям к нашему составу бежали сотни две немцев. Из оружия у них были только винтовки да несколько автоматов. Гитлеровцы беспорядочно, разрозненными группами навалились на платформы с машинами и орудиями, некоторые устроились на подножках. Видимо, это были жалкие остатки немецких частей, разгромленных в Молдавии. Обезумев от

страха, фашисты спешили удрать как угодно и куда угодно, лишь бы подальше от разваливающегося фронта.

— Что будем делать, дядя Нику? — спросил я испуганно.

— Ничего, — пробормотал он невозмутимо и, подумав, добавил: — Пусть себе садятся... больше добычи прихватим с собой!

Видя мое беспокойство, дядя Нику взъерошил мой чуб:

— Тебе страшно, Манолаке?

— Нет... Мне не страшно, но я начинаю бояться, — признался я.

— Не бойся, — шепнул он, заглянув мне в глаза. — О нас заботятся, Манолаке, ты что думаешь, могла бы вся страна подняться на такое дело, если бы некому было руководить этой борьбой?

Меня удивила уверенность, с которой он произнес эти слова. Казалось, дядя Нику действительно знал тех, кто занимается нами и всем происходящим в стране... И буквально тут же я получил подтверждение этому. К нашему паровозу подошел молодой рабочий. Он был высокого роста, стройный, с живыми голубыми глазами и припухлой верхней губой.

— Не беспокойтесь, — шепнул он машинисту. — Распоряжение вы получите... возможно, в Чилибии!

Дядя Нику нагнулся, пожал ему руку и спросил об обстановке в Бухаресте.

— Повсюду идут бои с этими! — ответил молодой парень с гордостью в голосе... — И в Бухаресте, и в Плоешти, и в Констанце — по всей стране... Армия вместе с нами...

— Хорошо, — произнес дядя Нику с просветлевшим лицом.

Молодой рабочий с деланным равнодушием, подбирая такие выражения, чтобы стоявший рядом немец ни о чем не мог догадаться, рассказал, что ночью и все утро через станцию нескончаемым потоком шли колонны гитлеровцев. Фашисты, видимо, искали спасение на юге, в Бэрганской степи, чтобы пробиться к Бухаресту или к Дунаю, а потом в Болгарию. Однако румынские части перерезали путь немцам, завязав с ними бои в Урзичени, Слабозии и в Кэлэраши.

— Ни один из них не должен добраться до Бухареста или Болгарии. Такова обстановка!

— Wohlan... Wohlan! ¹ — закричал унтер-офицер, разозлившись, что ничего не понял из их разговора.

— Постой, — дядя Нику задержал руку рабочего. — Что делать, у меня воды не очень-то много осталось.

— Добирайтесь как-нибудь до Чилибии... Там наберете... Здесь вам не нужно задерживаться. Через станцию бегут немцы из Молдавии. Нельзя допустить, чтобы у вас их собралось слишком много...

И, к удивлению гитлеровцев, начальник станции подал сигнал отправления. Некоторые из немецких офицеров высунулись из окон и, обеспокоенные, с недоверием спрашивали:

— Плоешти?.. Плоешти?

— Jawohl, — ответил начальник станции.

— Dankel! Dankel! ² — закричали они.

Немцы совсем успокоились, когда через другие станции мы проезжали на полном ходу, не останавливаясь. Начальники станций встречали наш состав, приложив руку к козырьку форменной фуражки, и давали нам «зеленую улицу». Приставленный к дяде Нику унтер-офицер все время похлопывал машиниста по плечу и, довольный, произносил:

— Gut... sehr gut!

Солдаты, изнуренные дорогой, сонно клевали носом в своих углах и только изредка, с трудом продирая глаза, следили за моей лопатой.

Подъезжая к Чилибии, дядя Нику резко затормозил: путь был закрыт. Задрожали вагоны, глухо заскрежетали тормоза, резко лягнули буфера. Немцев потрянуло и сбилось в одну кучу. Сидевшие на крышах гитлеровцы чуть не слетели вниз.

— Was ist das?

Дядя Нику показал на закрытый семафор и сошел на землю. За ним неотступно следовал унтер-офицер. Видя, что местное железнодорожное начальство не спешит нас принимать, дядя Нику с напускной озабоченностью обогнул паровоз, вновь поднялся в будку и показал немцу на низкий уровень воды.

¹ Поехали... поехали! (нем.)

² Спасибо! Спасибо! (нем.)

Мы отцепили паровоз и черепашным шагом подъехали к водоразборной колонке. Я вскочил на тендер и под пристальным, подозрительным взглядом одного из солдат опустил в резервуар шланг, но вода не шла. К колонке подошел немецкий офицер. Этот гитлеровец подсел где-то перед Фауреи и на всех станциях, размахивая пистолетом, заставлял дежурных давать нам сигнал отправления. Узнав, что нет воды, он стал орать на дядю Нику. Несколько солдат привели начальника станции. Взмешенный немецкий офицер показал ему, что в колонке нет ни капли воды, и начал угрожать пистолетом. Начальник станции, молчаливый и сдержанный человек, сначала всем своим видом выражал недоумение, будто не понимал, о чем идет речь, и не обращал внимания на угрозы. Потом он громко позвал рабочего и приказал пустить воду. Рабочий, не торопясь, направился в водонапорную башню. Вскоре вода полилась, но такой тоненькой струйкой, что на быстрое заполнение резервуара нечего было и рассчитывать. Дядя Нику протянул начальнику станции путевой лист.

— Вы прибыли слишком рано, — сказал начальник станции, глядя на часы. — Теперь вам нужно простоять здесь по крайней мере часа два, — шепотом добавил он. — В Бузэу вы должны быть не раньше семи...

Несмотря на скандал, поднятый немцами, вода быстрее не потекла. Но все же через час резервуар наполнился, и надо было подавать паровоз к вагонам. Дядя Нику, как мог, тянул время, но деваться было некуда — пришлось отправляться. Но только мы тронулись, как вдруг снова остановились: линия оказалась блокированной сошедшим с рельсов подъемным краном. Немцы поняли, что это саботаж, и совсем взбеленились.

Офицер с группой солдат побежали на вокзал. За несколько минут они собрали возле красной кирпичной стены всех, кто оказался в это время на перроне: начальника станции, дежурных, нескольких рабочих с их женами и детьми и около семидесяти беженцев. Немецкие солдаты с автоматами в руках окружили всю эту пеструю толпу. Женщины потеряли всякую надежду, перепуганные дети плакали. Подталкивая прикладами, пиная ногами и кулаками, гитлеровцы погнали мужчин, женщин и детей к упавшему поперек рельсов подъемному крану и приказали поднять его. Подгоняемые страхом, люди ухвати-

лись за кран, начали его тянуть, толкать, но все бесполезно: кран не трогался с места. Наконец немцы поняли, что все эти голодные оборванцы ничего не смогут сделать, и притянули на помощь своих солдат из вагонов...

Когда мы отправлялись из Чилибии, на перроне стоял начальник станции. В руках он держал часы, а на лице его играла чуть заметная усмешка. Мы задержались на станции более двух часов и теперь должны были даже торопиться, чтобы в семь часов быть в Буэзу.

Случай в Чилибии насторожил немцев и усилил их подозрительность. Те немцы, что находились с нами на паровозе, теперь не выпускали из рук автоматов и следили за нашим малейшим движением. В вагонах солдаты сгрудились у дверей и окон, готовые в любую минуту открыть огонь. Теперь и на лице дяди Нику можно было прочесть озабоченность. Временами он так задумывался, что, казалось, забывал и о паровозе, и о том, куда мы следуем. Он безотчетно сжимал рукоятку своей дрожащей рукой.

В Буэзу по перрону и вокруг вокзала, в районе депо и складов прохаживались румынские патрули и были устанавлены пулеметы и несколько орудий. Дядя Нику повернул ко мне горящий взгляд. У немцев немного побавилось спеси, но они не отошли ни от окон, ни от пулеметов. Тот офицер размеренным шагом стал прохаживаться вдоль состава. Было слышно, как поскрипывает гравий под его тяжелыми шагами. Два слесаря с молотками в руках начали обходить наш эшелон, будто проверяя колеса. Дежурный, записывая номера, исподтишка рассматривал груз каждого вагона. От него мы узнали, что в Плоешти все еще идут бои и что даже здесь, в Буэзу, в аэропорту Зиляштя и на дороге, ведущей в Ардял, наши схватились с немцами.

Машинист хотел было пойти на вокзал, но унтер-офицер силой остановил его. Дойдя до нас, один из слесарей шепнул, что в офицерском вагоне, первом после вагонов с боеприпасами, он видел, что немцы с наушниками сгрудились вокруг рации.

— Видишь, они связаны с теми, что в Плоешти, — пробормотал дядя Нику.

Я думал, что в Буэзу наш путь окончится и что наши, удерживающие в руках вокзал и окружившие издали состав, навалятся и разоружат немцев. Но я ошибся: на-

ши части приняли все эти меры для того, чтобы не дать гитлеровцам выйти из вагонов. Наши хотели избежать боя с фашистами на вокзале или в городе. Значит, западня для немцев была приготовлена в другом месте, а где именно — мы пока не знали.

И я, и машинист с недоумением смотрели на начальника станции, который шел по путям с зеленым диском в руках, чтобы дать нам отправление на Плоешти. Слева от начальника станции так же спокойно шагал рабочий в фуражке, почерневшей от масла и копоти. Время от времени они внимательно всматривались в состав с немцами.

Начальник станции взял наши бумаги и начал их рассматривать; потом стал писать какие-то цифры, будто делал бог знает какие расчеты. Не отрывая глаз от бумаг, он тихо, так, чтобы немец ничего не расслышал, сказал дяде Нику:

— Будь внимателен на участке между Инотешти и Албешти... Увидишь издали ветки на насыпи... Вы должны быть там, когда начнет темнеть. Примерно через час!

Дядя Нику посмотрел на часы и быстро повернулся ко мне:

— Манолаке, давай подбрось угля в топку...

Начальник станции, перелистав наши бумаги, передал их рабочему. Тот тоже стал внимательно изучать их и сделал карандашом какие-то пометки на полях. Как бы между прочим, он шепнул:

— Там вас ожидают наши части... Они позаботятся о них, но с этими, что на паровозе, вам нужно как-то разделиться самим.

Рабочий задумчиво повертел бумаги и, протянув их машинисту, улыбаясь, тихо произнес:

— Смотри, наши друзья в Плоешти ждут вас с боеприпасами... у заставы, возле нефтеочистительного завода!

Машинист получил путевой лист, поднял руку к фуражке и на мгновение застыл в этом положении. Потом повернулся, взялся за рукоятку и сразу стал спокойным. Паровоз пустил пары и плавно тронулся с места. Мы быстро набирали скорость, так как меньше чем за час нам нужно было проехать более пятидесяти километров. Это была довольно трудная задача с таким составом, как наш.

Немцев опять охватила радость, унтер-офицер с упоением смотрел на мелькавшие телефонные столбы и кукурузные поля и, довольный, опять похлопывал машиниста по плечу. Немец даже достал из кармана плитку шоколада, разломил ее и протянул нам обоим.

— Бери, — сказал мне дядя Нику глухим голосом...

Я съел шоколад, не переставая подбрасывать уголь. Немец извлек еще одну плитку и пакет длинных тонких сигарет в голубой пачке.

— Brot, — спросил он, — hast Brot?¹

— Нет, — пожал плечами машинист. — Да и откуда он будет, вы же выкачали.

— Was?² — вспыхнул немец.

— Все выкачали... и теперь хотите, как волки, заглотить нас в Плоешти!

Ничего не понимающий немец глупо осклабился и показал на живот, давая понять, что он хочет есть. Затем он успокоил себя:

— Плоешти... хап-хап!

— Да, да! — прошептал дядя Нику, задумчиво глядя на рельсы. — Выбьем вас из Плоешти... и из всей страны!

В степи машинист довел рукоятку до конца, паровоз помчался на всех парах. Вагоны будто летели по воздуху, и только частый перестук колес напоминал, что мы едем по рельсам. В ушах свистел ветер. Быстро мелькали телеграфные столбы, заросли ивняка и кукурузные поля. С правой стороны приближались холмы с виноградниками. Слева сонно простиралась опаленная дневным зноем пустынная степь. На землю опускались сумерки. Железная дорога извивалась у подножия холмов. Впереди сверкали рельсы.

Машинист не сбавлял хода даже на поворотах, где насыпь со скрипом подавалась под тяжестью нашего состава. Не останавливаясь, мы проскакивали станции одну за другой. Дядя Нику исподволь и напряженно всматривался в наступающие сумерки. На бешеной скорости мы влетели в Мизил. Мимо промелькнули силуэты наших товарищей. Они стояли на перроне в застывших позах, приложив руки к фуражкам, будто провожали поезд, который больше уже не вернется. У меня мелькнула мысль:

¹ Хлеб? (нем.)

² Что? (нем.)

может быть, дядя Нику нарочно гонит с такой скоростью, чтобы где-нибудь на поврежденном участке слететь с рельсов. Ведь говорил же он, что, если мог, направил бы поезд прямо в воду. «Конечно, именно этого он и добивается, — думал я. — Сначала взлетит на воздух паровоз, потом вагоны с боеприпасами, а на них нагромолятся вагоны с немцами...»

Но как только мы снова вышли в степь, машинист вдруг со всей силой налег на рукоятки и резко затормозил. С резким скрежетом вагоны остановились. Я упал возле топки, унтер-офицер налетел на дядю Нику, а двое солдат растянулись на полу. Сзади донеслись перепуганные крики немцев. Многие из них полетели с крыш и платформ.

Машинист быстро спустился с паровоза и, прежде чем гитлеровцы разобрались, в чем дело, стал отбрасывать камни, лежавшие на насыпи. Когда унтер-офицер пришел в себя и подбежал к нему, дядя Нику показал ему камни и объяснил знаками, что все это якобы было нагромождено на рельсах.

Затем машинист быстро вернулся на паровоз, а унтер-офицер с подножки прокричал вдоль вагонов:

— Fertigl.. fertigl!

Состав тронулся дальше, и снова мы развили бешеную скорость. Небо над холмами и горизонтом потемнело. Воздух стал серым, на землю опустился вечерний туман.

Дядя Нику вдруг оглянулся и как-то странно посмотрел на меня. В его взгляде были и радость, и тревога, и озабоченность, и скрытое удовлетворение. Только теперь я догадался, что машинист останавливал состав на полной скорости только для того, чтобы проверить тормоза. Может, он выяснил, на каком расстоянии ему надо начинать тормозить, чтобы задние вагоны не налетели на передние и не сбили нас с рельсов.

— Порядок, Манолаке, — улыбнулся он мне.

С такой же скоростью мы мчались от Инотешти. Дядя Нику подал мне знак не подбрасывать больше в топку и снова замер на своем посту у окошка. Сумерки, будто редкое черное покрывало, уже покрыли холмы и степь.

Железнодорожный путь вдруг круто повернул, и наш состав, изогнувшись, въехал в выемку, откосы которой

¹ Готово!.. готово! (нем.)

поросли ивняком. Насыпь шла с некоторым уклоном и терялась в еще не плотной темноте. Наш состав опять резко остановился, словно уткнулся в стену. Паровоз некоторое время скользил с оцепеневшими колесами, издавая пронзительный металлический скрежет. Сзади с перестукиванием и скрипом набегали вагоны. Немцы на паровозе снова сбились в одну кучу. Гитлеровцы в вагонах кричали и ругались.

Дядя Нику быстро повернулся к унтер-офицеру, но тот наставил на него пистолет. Я тоже не успел поднять лопату, и какое-то мгновение все стояли в оцепенении. Первым пришел в себя машинист и рукой показал на рельсы, заваленные кучей ивовых веток. Унтер-офицер подтолкнул дядю Нику пистолетом. Машинист позвал и меня. Спустившись на насыпь, мы стали отбрасывать ветки в сторону и тут заметили, что полотно железной дороги повреждено: в каких-то восьмидесяти шагах от нас были сняты два рельса. Увидев это, немец набросился на дядю Нику. Тот, защищаясь ветками, которые были у него в руках, попятился назад и уткнулся спиной в паровоз.

В то же мгновение заросли ивняка вспыхнули ярким светом. Оттуда затрещали густые очереди автоматов и пулеметов, раздались винтовочные выстрелы. Это были наши солдаты. Они залегли в зарослях по обе стороны железной дороги.

Унтер-офицер вдруг пошатнулся и на секунду застыл на месте, но этого было достаточно, чтобы он выстрелил в нашу сторону. Машинист схватился руками за живот, как-то весь переломился и упал лицом вниз рядом с немцем. Я бросился к дяде Нику и оттащил его с линии.

Гитлеровцы на паровозе не успели сделать ни одного выстрела. Пятеро наших солдат, выбежав из зарослей, быстро поднялись в паровозную будку и разоружили их. Немцы в вагонах быстро очухались, бросились к винтовкам и пулеметам и, подгоняемые страхом, открыли яростный огонь. Но они стреляли наугад, а наши настигли их в узком и темном коридоре между откосами насыпи. Некоторые гитлеровцы, выпрыгнув из вагонов, пытались укрыться в зарослях. Но как раз оттуда буквально в упор застрочили несколько пулеметов, и немцы попадали возле вагонов. Поняв, что бежать некуда, уцелевшие фашисты вернулись в вагоны и на платформы и открыли ответный огонь. Они стреляли теперь с расчетом, целясь по

обрезу откоса, затененному ивняком. Наши тоже стали стрелять.

Вдруг с платформ заговорили немецкие автоматические пушки. Наступил решающий момент. Наши забросали платформы гранатами и подожгли некоторые вагоны. Воспользовавшись замешательством среди фашистов, наши солдаты спустились по насыпи к паровозу и устремились вдоль состава, яростно стреляя на ходу и бросая гранаты в окна вагонов. Вот они ворвались в офицерский вагон и под конвоем вывели оттуда офицеров. Немцы на крышах вагонов стали тоже поднимать руки. Вскоре прекратили сопротивление и гитлеровцы в вагонах.

Все это время я смотрел за машинистом. Вместе с одним из наших солдат мы оттащили его в сторону и перебинтовали. Дядя Нику собрался с силами, позвал меня и сказал:

— Отцепи быстро вагоны с боеприпасами, а то загорятся.

Солдат побежал за своими товарищами, чтобы уложить на место рельсы, а я бросился отцеплять вагоны с боеприпасами. Языки пламени лизали вагоны, в которых ехали немцы. Машинист снова позвал меня и торопливо, но твердо шепнул:

— Нужно добраться до Плоешти, Манолаке...

Он решительно потребовал поднять его на паровоз. Мы посадили дядю Нику спиной к стенке. Он все время держался за живот. Через повязку проступала кровь. От боли у него перехватывало дыхание, но железная воля этого человека не была сломлена. На бескровном бледно-желтом лице дяди Нику промелькнула слабая улыбка. Эта улыбка испугала меня: я понял, что жить ему осталось недолго.

— Ты поведешь паровоз, Манолаке, — прошептал машинист. — Берись за рукоятку! Взгляни на линию... Так. Что ты видишь?

— Рельсы уже уложили, дядя Нику. Путь свободен.

— Дай свисток... Так... Еще разок! Назад не смотри... Наши займутся немцами! Нам нужно ехать дальше, нас ждут... товарищи у заставы... Теперь потяни рукоятку... Слегка... Еще... Так!..

Паровоз дернул вагоны и тронулся с места, набирая скорость.

— Не отпускай рукоятку! — потребовал машинист. — Так... Теперь смотри на линию. Дальше. Вперед. Прямо!..

С пятью вагонами боеприпасов мы без остановок мчались к Плоешти. Я подбросил в топку угля и застыл у рукояток, не отрывая глаз от железнодорожного полотна. Дядя Нику сидел скрючившись в углу будки. Его лицо стало совсем белым, на лбу выступили капельки пота. Они блестели в отсветах топки. Силы оставляли дядю Нику. Его мучили страшные боли. Сжав зубы, он не отрывал глаз от рукояток, чуть слышно называя мелькавшие мимо станции. Терпеливо и упорно он следил за отчаянным бегом паровоза. По-видимому, машинист чувствовал приближающуюся развязку и боялся, что свалится прежде, чем вагоны с боеприпасами придут в Плоешти.

Когда мы проехали Валя Кэлугэряскэ и колеса глухо простучали по мосту через Тележан, дядя Нику приказал мне понемногу сбавлять ход.

Вдали, справа от нас, замелькали голубоватые огоньки нефтеочистительных заводов. В той стороне раздались несколько автоматных очередей. Машинист вздрогнул и спросил:

— Что ты видишь впереди?

— Огоньки заставы, — ответил я.

— Сколько до них?

— Четыреста — пятьсот шагов...

— Сбавляй скорость... Так... Еще... Еще...

Паровоз послушно замер шагах в двухстах от заставы. Из темноты по путям к нам бросились какие-то тени. Кто-то остановился у паровоза и спросил:

— Боеприпасы?

— Да, — ответил я.

Я нагнулся над дядей Нику. Дыхание его замирало. Глаза тускнели и покрывались матовой пеленой.

СМЕРТЬ КОМАНДИРА

Рассказ связиста

Только под утро мне удалось на несколько минут выбраться наверх. Я так устал, что, поднимаясь по земляным ступенькам, придерживался за стенки окопа. Всю ночь я вертел ручку полевого телефона, обеспечивая связь. Капитан Теодоряну то разговаривал с нашим командиром, что расположился у Дрэчени, то давал распоряжения взводам нашей роты у самой реки. Трое суток никто не спал. На правом фланге нашего фронта между реками Прут и Серет в направлении Ясс началось наступление русских войск. Немцы перепугались и держали наш участок в состоянии боевой тревоги.

Командный пункт роты находился в нашей землянке. Она была вырыта на глубину двух-трех метров. Вход в нее был узкий и низкий, как в нору. Теперь, в разгар лета, в землянке стояла невыносимая духота. Мы буквально задыхались, хотя и вынуждены были днем, чтобы

нас не заметили русские, укрываться в окопах и землянках. И только ночью мы/рассыпались в прибрежных кустах на открытом воздухе. И так уже две недели. Но теперь немцы приказали даже ночью не выходить из укрытий, чтобы не обнаружить себя, хотя русские, конечно, прекрасно знали, кто и где находится перед их фронтом.

У нас, солдат одиннадцатой роты, было мрачное настроение. Мы злились, что немцы не разрешили нам уйти вместе с нашим полком, который был отправлен в горы на границу.

Выбравшись из землянки, я уселся на краю окопа. Расстегнув свой потертый, вылинявший китель, я полной грудью вдыхал свежий ночной воздух. Потом, нагнувшись в окопе, закурил и посмотрел в сторону гор. Над всем нашим фронтом, протянувшимся по правому берегу реки Серет, стояла тишина. На немецких позициях, расположенных у подошвы высоты Стынишоара и по реке Молдова, и у русских, на левом берегу реки, тоже было тихо. Только справа, в той стороне, где находились города Тыргу-Фрумос, Пашкани и далее — Яссы, ночь глухо и непрерывно стонала. По отдаленному гулу чувствовалось, что там идет крупное, ожесточенное сражение.

Утром распространились слухи, будто русские прорвали фронт у Ясс и даже заняли город. Такая обстановка очень беспокоила капитана Теодоряну: он явно не хотел, чтобы наступление русских застало нас на боевых позициях гитлеровцев. Вот почему он не давал мне ни минуты отдыха. Теодоряну не отходил от телефона. Он вызывал то командира пограничного полка, которому мы теперь были приданы, то немцев, что находились слева и справа от нас. Капитан хотел быть в курсе всех событий. Гитлеровцы зарылись в землю и дрожали от страха. Они и слышать не хотели, чтобы нам уйти вслед за своим полком. Вспылив, Теодоряну начал проклинать немцев и грозился, что мы все равно уйдем. Тогда гитлеровцы напомнили ему о военно-полевом суде и виселице. Они, конечно, предполагали, что русские начнут наступление именно на нашем участке, и не хотели лишаться нашей роты, так как она обороняла самую важную позицию — переправу.

Южнее Саски Молдова делала изгиб почти под прямым углом. Река здесь была уже неглубокой, с ровным гладким дном и берегами, заросшими кустарником. Этот

участок раньше занимали гитлеровцы. Русские, обнаружив брод, почти каждую ночь скрытно форсировали реку и захватывали то «языка», то патруль, то пулемет с прислугой. Как-то ночью на нашу сторону проник целый взвод русских. Подняв у немцев страшный переполох, они спокойно вернулись к своим, унося значительную добычу. Этот брод, которого немцы страшно боялись, находился между двумя немецкими ротами. Перепуганные гитлеровцы не решались выдвинуть туда другое свое подразделение, которое воспрепятствовало бы просачиванию русских на этом участке. Вот тогда немецкое командование и приказало шестому пограничному румынскому полку немедленно поставить одну из рот для охраны переправы. В это время наш полк располагался выше Саски, в районе Мэлини, Валя Сякэ и Капу Кымпулуй, а командный пункт — в Дрэчени. Командир нашего полка, конечно, не был в восторге от этого приказа немцев, но ничего не мог поделать: вопреки своей воле, ему пришлось снять роту с занимаемой позиции и послать ее на переправу. Это как раз и была наша одиннадцатая рота третьего батальона.

— Господин полковник, я не могу отрываться от своего полка! — возражал командир нашей роты капитан Теодоряну. — Разрешите мне не отправляться на переправу!

— Теодоряну, вы должны передвинуться туда! — настаивал полковник. — Вы же самый решительный командир...

— Господин полковник...

— Теодоряну, — доверительно сказал полковник, — если я пошлю кого-нибудь другого, боюсь, немцы начнут издеваться над нашими... Вы же умеете поставить себя, и вам легче будет справиться с ними!

— Слушаюсь, господин полковник! — ответил Теодоряну.

Так мы очутились между двумя немецкими ротами, расположившись на берегу реки, прямо у самой воды. Гитлеровцы были уверены, что русские начнут атаку именно в этом месте, и откровенно жертвовали нашей ротой. В нашем тылу они сосредоточили еще одну немецкую роту, подразделение саперов и истребителей танков, противотанковую батарею и батарею гаубиц.

— Что это значит? — забеспокоился Теодоряну. Я соединил его с немцами. — Вы что создаете заградительную

стену в моем тылу?! — кричал в трубку капитан. — Вы тоже должны подойти к самой реке!

Гитлеровцы, однако, так и не решились приблизиться к реке и только прислали к нам офицера связи с рацией. Звали его Мольке. Это был угрюмый, молчаливый немец с маленькими пронизательными глазками. Передавая по радио обо всех передвижениях русских войск по ту сторону реки, он в то же время и шпионил за нами. Приказы гитлеровских офицеров он передавал Теодоряну высокомерно и сердито. Но наш капитан не давал себя запугать...

«Черт бы вас побрал!..» — ругался на немцев Теодоряну и приказал нам протянуть свой телефонный провод как раз через участок обороны гитлеровцев до командного пункта одного из батальонов третьего пограничного румынского полка, расположенного в населенном пункте Суха. Теперь мы имели связь и с немцами, и с нашими и своевременно узнавали обо всех передвижениях на фронте. Но вся беда была в том, что мы не могли ничего предпринять без разрешения немцев, и это приводило Теодоряну в ярость. Он частенько посылал меня пройти вдоль провода, который тянулся через гитлеровские позиции вплоть до Суха, и разузнать, что делают немцы в нашем тылу.

— Ангеле, — подзывал он меня и подмигивал. — Пройдись вдоль провода!

Однажды я увидел, что немцы устанавливают проводочные заграждения и минируют ложбины в нашем тылу, закрывая таким образом нам путь к отступлению. Узнав об этом, Теодоряну набросился на Мольке, крича, что это и есть «тевтонское подозрение», что он «плюет» на такой «союз» и что «перейдет через реку к русским!»

— Что русские? Что русские? — испугался Мольке. — Разве вы не воюете с ними?

— Нет, — бросил Теодоряну. — Я уже сыт по горло этой войной!..

Вот так мы и жили с гитлеровцами, как кошка с собакой. На наше счастье, русские пытались перейти реку еще только раза два-три. Установив, что переправа теперь охраняется, они, вероятно, решили пробиваться в другом месте. Но немцы ни за что не хотели отпускать нас отсюда. Наш полк сменили и отправили на отдых и пополнение в горы, на границу с Трансильванией. И нам

был самый резон присоединиться к своему полку: всю весну и лето мы находились на передовой; нас заеливши и не меньше, чем пули, нас косили болезни. Но ни немцы, ни третий пограничный полк, пришедший на смену нашему полку, не прислали другую роту для охраны переправы. Немцы по-прежнему не хотели слышать об уходе нашей роты. Теодоряну уже больше и не пытался говорить с ними об этом. Он вел переговоры с командиром третьего пограничного полка полковником Теодореску.

— Господин полковник, у меня же в кармане приказ, — слышал я голос Теодоряну, сидя на краю окопа. — Должен же я догнать свой полк? Должен! — отвечал сам себе капитан. — Некому меня сменить? Тогда я сам уйду!.. Нет, это не самовольное оставление позиции... Я выполняю приказ!.. Кто мне запретит? Немцы? Что, разве здесь командуют немцы?!

— Что немцы? Что немцы?! — закричал надувшийся Мольке, немного понимавший по-румынски. — Вы, — кричал он, — spaziegen¹.

— Никаких spaziegen! — оборвал его Теодоряну. — Или вы смените нас, или я пошлю к черту эту войну!

— Господин капитан! — угрожающе зашипел немец. — Я об этом сообщу командованию!

— Можете говорить даже самому Гитлеру! — вспыхнул Теодоряну. — Пожалуйста, идите к аппарату и докладывайте! — Придя в себя, капитан уже более спокойным, но твердым голосом заявил: — Вот что, Мольке... Я останусь еще на сегодня, но если ночью никто не придет и не сменит меня, тогда я уйду... Verstanden?²

— Verstanden... Ты не уйдешь!

— Посмотрим, что ты запоешь вечером, когда останешься здесь один лицом к лицу с русскими! Один! Понимаешь? — крикнул Теодоряну и поднял вверх один палец. — Тогда вы вышлете сюда не только роту, а целый батальон...

В ответ немец что-то проворчал, и в землянке наступила тишина. Потом я услышал шаги, и вскоре в окопе появилась тонкая, невысокая фигура капитана Теодоряну. Движения у него были быстрые, уверенные, как у человека нервного, но решительного. Теодоряну несколько

¹ Идти гулять (нем.).

² Понял? (нем.)

раз глубоко вдохнул ночной воздух, посмотрел на восток, где раздавались отдаленные взрывы артиллерийских снарядов, и стал вслушиваться. Потом, повернувшись ко мне, спросил:

— Ты принес воды?

— Нет еще.

— Давай быстрее, а то уж рассветает...

Я побежал в землянку, схватил несколько фляжек и спустился к реке. Это вменялось мне в обязанность — каждую ночь наполнять фляжки свежей, холодной водой из Молдовы. Днем никто из нас не выходил из укрытия, так как у русских снайперов был меткий глаз. У самой реки находились в засаде наши солдаты. Я постоял у них в прибрежном кустарнике, вглядываясь в темноту и прислушиваясь. На том берегу было тихо. В тени кустов поблескивала вода, игриво переливаясь по камням, журча и пенясь. Убедившись, что мне ничто не угрожает, я сполз к воде. Фляжки быстро наполнились, и я спокойно вернулся к своим, в засаду.

На противоположном берегу Молдовы рос такой же густой кустарник. Над водой стал подниматься прозрачный утренний туман. Наступала минута, когда и мы и немцы каждый день ожидали, что русские вот-вот начнут наступление. Но в эти дни русские молчали, как никогда. Это нас и радовало, и беспокоило, наводя на мысль, что русские действительно что-то замышляют. В то же время мы надеялись, что если русские прорвали фронт у Ясс, то им незачем атаковать нас здесь.

У солдат в засаде тоже было подавленное настроение. Всех угнетало сознание, что полк наш ушел, а нас продолжают держать на передовых позициях. Старший засады, сержант Доробанцу, человек суровый и решительный, кипел от ярости.

— Ангеле, что будем делать? — спросил он меня. — Значит, мы не уходим догонять наш полк?

— Возможно, уйдем ночью! Немцы не пускают нас!

— Уф! — простонал удрученный сержант. — Боже, до чего мы дожили!

— Что же думает капитан Теодоряну? — недовольным тоном спросил один из солдат.

— Теодоряну говорит, что ночью мы во что бы то ни стало должны уйти отсюда, — ответил я.

— А немцы не помешают нам?

— Немцы упрямы, но они еще не знают Теодоряну. С ним нельзя играть, как с игрушкой. Боюсь, что беды не миновать, — с тревогой сказал я.

— Боже, что же будет? — взмолился снова сержант.

— Теодоряну дал понять немцам, — продолжал я, — что если они не примут никаких мер, то ночью у переправы они останутся одни...

Я не сомневался, что события развернутся именно так, как сказал Теодоряну: ведь я очень хорошо знал его и был уверен, что он не даст немцам наступить себе на мозоль. Вернувшись в землянку, я увидел, что теперь здесь кроме Мольке и неуклюжего радиста, который ни на минуту не отходил от радики, находятся еще два гитлеровских солдата. Они стояли, прижавшись к двери, держа автоматы на груди. Видимо, Теодоряну совсем разругался с Мольке, немец доложил о ссоре своему начальнику, а тот прислал сюда двух солдат, заявив капитану Теодоряну по телефону, что он не имеет права отдавать никаких приказаний без согласия немецкого офицера связи.

— Это не я сказал, — злорадно оправдывался Мольке, — это сам командир!

— Какой командир? — закричал Теодоряну. — Я не признаю никакого командира! — Он заскрипел зубами и, взволнованный, остановился перед Мольке. — Здесь я командую!

Перед обедом Теодоряну позвонили из третьего пограничного полка, располагавшегося в Валя Сякэ, Мэлини и Капу Кымбулуй. Я быстро передал трубку Теодоряну.

— Как дела, господин капитан? — спросил его полковник.

— Плохо, — прорычал Теодоряну, — я буквально задыхаюсь!

— Почему?

— Мало того, что я окружен немцами, так они еще прислали своих солдат в землянку, чтобы и тут шпионить за мной!

— А вы зачем разрешили? — вспыхнул полковник.

Командир третьего пограничного полка плохо знал нашего командира, иначе он не стал бы так говорить. Заслышав о немцах, Теодоряну всегда загорался как спичка. Так случилось и на этот раз. Он вспыхнул и, не владея собой, громко крикнул в телефонную трубку:

— Выходит, я разрешил им? Тогда я сейчас же покажу им кузькину мать!..

Теодоряну швырнул мне в руки телефонную трубку и, расвирепев, набросился на стоявших у двери немцев:

— Вон отсюда... Aus! Aus!

Гитлеровцы от неожиданности оторопели и без сопротивления дали себя вытолкать из землянки. Все это произошло настолько быстро, что растерявшийся Мольке не успел даже слова вымолвить. Теодоряну приказал поставить у входа двух наших солдат и, все еще дрожа от ярости, вернулся к телефону.

— Алло... алло!.. — кричал в это время полковник в трубку. — Господин капитан, что случилось?

— Я выгнал их вон! — уже более спокойно ответил Теодоряну. — Теперь прошу вас, дайте нам приказ оставить занимаемый участок и пройти маршем через расположения немцев!

Мы хорошо знали Теодоряну и были уверены, что подобный марш вполне реален: ведь наша рота по приказу своего капитана была готова броситься в огонь и воду, особенно сейчас, когда все солдаты узнали, что немцы оторвали нас от полка и не разрешали уходить с переправы.

— Послушайте, господин капитан, — слышался в трубке твердый и строгий голос полковника. — Прошу вас сейчас же успокоиться!

— Прошу прощения, господин полковник, одну минуту! — смущенно сказал Теодоряну.

Опомнившись, Мольке схватился за висящий у бедра пистолет и, бормоча что-то по-немецки, бросился на Теодоряну. Прикрыв трубку ладонью, Теодоряну угрожающе прошептал:

— Послушай, Мольке, веди себя смирно, иначе я и тебя выгоню вон... Это приказ полковника! — сочинил он, показывая на телефонную трубку.

— Какого черта вы там делаете, господин капитан? — опять закричал в трубку полковник.

— Господин полковник, меня прервал немецкий офицер связи! — извинился Теодоряну, не отрывая глаз от Мольке.

— А что, он и сейчас стоит возле вас?

— Да, господин полковник... Хотел на меня наброситься!

— А вы? — снова неосторожно спросил полковник, так как совершенно не знал характера нашего командира.

— Я бы его разорвал на части, — заскрипел зубами, ответил Теодоряну.

Полковник рассмеялся: он был доволен ответом Теодоряну. Позднее я понял, почему ему понравился ответ капитана.

Мольке плохо понимал по-румынски. Он весь напрягся как струна и не спускал глаз с Теодоряну. Но капитан почувствовал, что полковник хочет сообщить ему что-то важное (недаром же он звонил!), и с невинным видом улыбнулся Мольке, чтобы сбить его с толку.

— Послушай, капитан, — сказал полковник. — У тебя есть сообразительный, толковый парень, которому ты можешь довериться?

— Есть, господин полковник, — с готовностью ответил Теодоряну, и взгляд его остановился на мне. — Сержант Ангел Марин, командир отделения связи!

Услышав свою фамилию, я встал по стойке «смирно».

— Пошлите его ко мне, — приказал полковник.

Через несколько минут, надвинув каску на лоб, я выполз из окопа с автоматом в руках.

Стоял солнечный августовский день. Я старался быть очень осторожным, так как боялся русских снайперов. Мой путь лежал через немецкие позиции. Миновав колючую проволоку, я прополз между противотанковыми орудиями. Солнце жгло мне спину, во рту пересохло. На краю кукурузного поля немцы установили гаубицы. Прыгнув в окоп артиллерийских наблюдателей, я почувствовал себя наконец в полной безопасности. На этот раз, как никогда, мне удалось хорошо рассмотреть расположение гитлеровских частей, сосредоточенных в нашем тылу. Позиции их были забиты орудиями и сплошь заминированы. Видимо, гитлеровцы боялись, что русские перейдут брод на танках. Через кукурузные поля по тылам немецких батальонов я добрался до нашего командного пункта в Дрэчени.

Командир полка, крепко сложенный, молчаливый человек, сидел на завалинке дома и внимательно изучал карту. Я представился по-уставному. Полковник отложил в сторону карту и предложил мне нацарапать палочкой на земле наши позиции и позиции гитлеровских частей,

расположившихся в нашем тылу и вокруг нас. Мне это не составило особого труда: ведь я знал весь участок, как свой двор, так как столько раз ползал вдоль телефонных линий. Глядя на часы, полковник спросил, сколько времени я добирался, и, немного подумав, сообщил мне приказ для капитана Теодоряну. Согласно этому приказу, наш полк уже не направлялся на границу в горы, а в тот же день должен был покинуть Бакэу, двинуться на юг и после первого перехода прибыть в долину Тротуша в город Онешти. После второго перехода полку нужно было выйти в долину Путны, возле Фокшаны, и поступить в распоряжение четвертой армии. Приказ предусматривал передислокацию на две сотни километров южнее. Нам предстояло идти по тому же пути, но мы могли выступить только на следующую ночь: полковник все же надеялся заставить немцев заменить нас.

— Будьте готовы ко всему, — сказал он в заключение.

Возвратившись в землянку, я сначала доложил капитану Теодоряну совсем другое: в присутствии Мольке не могло быть и речи о действительном приказе. Я сочинил, что полковник располагает данными, согласно которым русские готовятся форсировать реку несколько ниже нас. Мольке был очень доволен моим сообщением и моментально доложил своему командиру обо всем, что я рассказал.

Выйдя с Теодоряну из землянки, я передал ему настоящий приказ полковника.

После полудня мне пришлось много поработать: я ползал от взвода к взводу, что укрылись в прибрежных кустарниках, и сообщал о полученном приказе. Был я и в обозе, расположенном в тылу, за последними линиями обороны: нужно было немедленно приготовить лошадей и подводы, которые могли бы отправиться с первым эшелоном в Бакэу.

Вернулся я в землянку лишь с наступлением сумерек. Я настолько устал и проголодался, что еле двигался. У Теодоряну настроение заметно повысилось: он уже играл с Мольке в карты и попивал ром. Втайне он очень радовался, что немцы переместили свои части к реке, так как это облегчало наш уход отсюда. Командирам взвода я передал, что поначалу рота должна отойти к населенному пункту Рышка, затем по тылам немцев через Броайя и Брустури — к Тыргул-Нямц и Пятра, а оттуда

направиться к Баку. Теодоряну распорядился оставлять позиции повзвядно, чтобы легче было пробраться через немецкие части. Встреча была назначена в Слэтиоаре, ровно в двадцать четыре часа. Сейчас же Теодоряну отвлекал Мольке разговорами, играл с ним в карты, с нетерпением ожидая наступления вечера, когда полковник пообещал снять роту с позиций. Я очень хорошо знал Теодоряну и поэтому был уверен, что мы отсюда уйдем во что бы то ни стало, даже если немцы не заменят нас своей ротой.

Наступил вечер, а мы все не уходили.

— Оставайтесь на месте! — приказал по телефону командир пограничного полка.

— Господин полковник, — вспыхнул Теодоряну, — у меня же приказ догнать свой полк! Я обязан выполнить этот приказ!

— Этот приказ уже потерял силу! — ответил полковник. — Приведите роту в боевую готовность и вышлите ко мне связного для получения особого приказа. Немцы ничего не должны заметить.

— Господин полковник, — настаивал Теодоряну, — разрешите доложить.

— Господин капитан, положитесь на меня, — спокойно прервал его полковник. — По крайней мере до тех пор, пока вернется ваш связной!

Теодоряну умолк, со злостью швырнул трубку и опять набросился на Мольке. Теодоряну казалось, что это по просьбе Мольке гитлеровский командир этого участка потребовал от нашего полковника ни в коем случае не отпускать нас.

— Послушай, Мольке! — скрипя зубами, повернулся капитан к гитлеровцу. — Я вижу, у тебя квадратная голова и, возможно, поэтому тебе так трудно понять меня... Запомни: что бы ни случилось, я все равно уйду!

Мольке сидел на ящике с боеприпасами и, не обращая внимания на то, что Теодоряну стучал пальцем по его темно-серой каске, рассматривая карты и довольно ухмылялся:

— Почему уйдешь? Ведь там всюду большевики и война... Мы же с тобой друзья... Давай играть в карты... Ты проиграл!

Раздосадованный Теодоряну несколько минут стоял в задумчивости. Посылать во взводы распоряжение о том,

что нужно быть в полной боевой готовности, нет необходимости. Они и так уж находились в боевой готовности — были готовы покинуть позиции...

Видимо осененный какими-то новыми идеями, Теодоряну опять уселся играть в карты. Он вынул из кармана пригоршню измятых военных марок и лей, развернул их перед носом Мольке и кивнул мне головой на дверь, давая понять, что нужно снова отправляться в Дрэчени. Не сводя глаз с немца, капитан начал мешать карты.

На этот раз я взял с собой еще одного связного, капитала Георге Присэкару. Это был высокий, неуклюжий, но сильный человек. В случае необходимости он мог бы мне помочь. Мы незаметно оставили наши позиции. Уже совсем стемнело. Гитлеровцы выползали из окопов и со страхом вслушивались в глухой, отдаленный, непрерывный грохот фронта.

Нагретая дневным зноем, земля обдавала жаром. Держа каски в руках, мы пробирались вперед вдоль телефонного провода, чтобы не заблудиться и не попасть к русским. Через тылы немецких частей в районе Саска, Суха мы вышли к Дрэчени.

Полковника мы застали в комнате того же дома; он подписывал небольшие листы бумаги, которые протягивал ему один из офицеров. Я доложил, что мы прибыли из одиннадцатой роты шестого пограничного полка от капитана Теодоряну для получения новых распоряжений. Полковник стал листать только что подписанные бумаги, взял одну из них, поднес ближе к лампе, бегло прочитал и протянул ее нам:

— Ступайте в сени и выучите приказ наизусть!

В сенях уже находилось несколько связных. Глядя в потолок, они тоже учили полученные приказы. Из соседней комнаты вдруг послышался сильный, торжественный, металлический голос и тут же прервался. Мы не сразу поняли, что это радиоприемник. Из комнаты с записной книжкой в руках выбежал радиотелеграфист. Глаза у него были перелуганные, волосы взъерошены. Не глядя на нас, он проскочил к полковнику.

— Господин полковник, я поймал Бухарест, — доложил он, едва переступив порог. — Вот часть переданного сообщения!

Я начал читать врученную нам полковником бумагу. Меня настолько поразило содержание приказа, что я

буквально оцепенел и не мог перевести дух. Сразу понятной стала и поспешность телеграфиста, и важность сообщения, о котором он говорил. Я схватил Присэкару за руку. Он взглянул на бумагу, и его большие глаза загорелись.

— Учите быстрее приказ! — крикнул из первой комнаты полковник.

Видно, переданное телеграфистом сообщение из Бухареста требовало безотлагательного выполнения поставленной перед нами задачи.

Мы, как школьники, трещали языками. Выучив приказ наизусть, вошли в комнату и протянули полковнику бумагу.

— Ну-ка повтори! — приказал он мне.

Я встал по стойке «смирно» и тихо, как молитву, повторил приказ: — «23 августа 1944 года. Время: 23.30.

Третьему пограничному полку,
одиннадцатой роте шестого пограничного полка:

— Военные действия с Советской Армией прекращены. Румыния перешла на сторону Объединенных Наций.

— Примите меры по разоружению немецких частей, расположенных в вашем районе. В случае неподчинения применяйте оружие.

— Захваченное вооружение собрать на складах, у которых выставить охрану. Разоруженные гитлеровские части сосредоточить в населенных пунктах Валя Сякэ, Капу Кымпулуй и Дрэчени.

К исполнению настоящего приказа приступить немедленно!

Полковник Н. Теодореску».

— Хорошо, — сказал полковник и повернулся к Присэкару:

— Ты тоже знаешь приказ наизусть?

— Да, господин полковник! — бойко ответил Присэкару и уже хотел было начать трещать языком, но полковник остановил его.

— Один из вас во что бы то ни стало должен добраться назад, в роту! — сказал он нам и задумался. — Если же вам придется уничтожить приказ, передадите капитану Теодоряну то, что выучили наизусть...

Полковник сложил приказ вчетверо и скрутил его в тонкую короткую палочку.

— Спрячьте в кромку брюк, — приказал он мне. — А теперь — марш бегом в роту! Немцы не должны ни о чем догадаться!

* * *

Ошеломленные, мы бежали в роту, время от времени обмениваясь впечатлениями. Только теперь мы по-настоящему поняли, что это неслыханное событие должно было обязательно совершиться. До немецких позиций мы добрались в один миг. Ночь была по-прежнему спокойной. На темном высоком небе ярко светили звезды. Настоящая августовская ночь.

Мы шли огородами и садами, по высохшему от летней жары селу, по кукурузному полю.

Тени гитлеровцев по-прежнему мелькали по краям окопов, и у входа в укрытия — все было так же, как и по пути в Дрэчени. Немцы, по-видимому, уже позавтракали. Расположившись на краю окопов, они ковыряли в зубах. Некоторые покуривали в кулаки... «Господи, — думал я, — продержи их еще полчаса в таком состоянии!.. И задержи русских!.. Не дай бог, если русские именно теперь атакуют нас!»

Испугавшись этой мысли, я побежал быстрее, но немецкие часовые то и дело задерживали нас. При свете карманных фонарей они подозрительно и сердито вглядывались в наши лица. Однако, узнав, что мы румыны, гитлеровцы молча указывали нам автоматами, что можно проходить, и мы, горя нетерпением, бежали дальше. На позициях противотанковых орудий немцы заставили нас лечь на землю и только тогда подошли к нам. «Черт бы вас побрал, — кипел я от злости. — Погодите, мы вам покажем кузькину мать. Будете ползти на животе до самого Бухареста!»

Истребители танков, расположившиеся небольшими группами возле окопов и траншей рядом с длинными хвостами фаустпатронов, поступили с нами еще подлее. Приказав нам лечь на землю и узнав, что мы — румыны, стали громко хохотать, называя нас привидениями. «О, если бы не приказ, показал бы я вам!» — злился я. Несколько немецких солдат повели нас к их командиру. Это был тощий офицер с белым, как бумага, лицом, с водянистыми глазами, с редкими, как у котенка, бровями. Мы стали кричать, что нам приказано идти в роту у пе-

реправы, и, к нашему удивлению, офицер, ничего не спросив, тут же отпустил нас. Вскоре мы вышли к нашему окопу:

— Давай быстрее, — шепнул я капралу Присэкару, — пока немцы еще ничего не знают...

Прежде чем войти в землянку капитана Теодоряну, мы на минуту остановились: нужно было перевести дух и подумать, как вручить приказ капитану и как поступить с Мольке и немецким радистом. Мы договорились, что я беру на себя Мольке, который казался более тщедушным, а Присэкару займется неуклюжим радистом. Часовым у землянки мы шепнули, чтоб они ни в коем случае не впускали двух гитлеровцев, которые находились в окопе.

В висках стучала кровь, лица пылали. Мы спустились в землянку. Теодоряну по-прежнему играл с Мольке в карты. Рядом с пепельницей из противотанкового патрона лежали зажженные сигареты. В землянке было сильно накурено. Увидев наши возбужденные лица, Теодоряну сразу догадался, что произошло что-то очень важное, но как ни в чем не бывало продолжал раздавать карты.

— Я думал, что вы не вернетесь! — с беспокойством проговорил капитан, не отрывая глаз от карт. — Я проиграл Мольке все деньги! — натянуто улыбнулся он немцу.

Мольке был целиком поглощен игрой. Присэкару подошел ближе к радисту, который все поглядывал на часы и лихорадочно вертел ручки рации: в это время он всегда принимал приказы на следующий день. Я обеспокоенно посмотрел на Присэкару, давая понять, что, если немцам удастся раньше нас передать сообщение из Бухареста, все провалится. Эта мысль подстегнула меня. Я подошел к Мольке сзади. Немец лихорадочно мешал карты, поглядывая то на них, то на деньги, которые Теодоряну бросил на стол, вывернув все свои карманы. Капитан все не смотрел в карты. Ему не терпелось узнать, какие вести мы принесли. Лицо Мольке засияло довольной улыбкой: ему попалась хорошая карта.

«Теперь в самый раз», — подумал я и протянул капитану приказ. Теодоряну пробежал глазами бумагу и весь напрягся как пружина. Глаза его грозно сверкнули. Поведа бровью, он показал мне на Мольке, а Присэкару кивнул в сторону радиста. Мольке, ничего не замечая,

подсчитывал деньги. Теодоряну выхватил свой пистолет и молниеносно направил его на немца. В ту секунду я вырвал пистолет у Мольке. Капралу Присэкару, однако, не удалось сразу разоружить радиста, так как тот держал автомат между колен. Между Присэкару и радистом завязалась драка. Я, конечно, мог бы дать очередь из автомата, но этим мы преждевременно всех бы взбудоражили. Гитлеровцу удалось вырваться и наступить своей медвежьей ногой на автомат. Тогда Присэкару схватил рацию и, рывкнув, бросил ее в радиста. Гитлеровец заорал, зашатался и упал. Висок и плечо у него были раздроблены. Тяжелый, пепельного цвета аппарат, лязгая, откатился к стенке землянки. Подталкивая автоматом, я застал взбешенного от ярости Мольке в угол.

Немцев, что находились в окопе, удалось разоружить сравнительно легко. По приказу капитана на них бросилось сразу несколько наших связных. Гитлеровцев сбили с ног и связали в углу окопа. Теодоряну первым пришел в себя. Он понимал смертельную опасность начатой операции. Первый успех еще ничего не значил. Это был взрыв с трудом сдерживаемой до сих пор ненависти.

Теодоряну взял себя в руки. Он понимал, что именно сейчас, в этот момент, нужно собрать все силы роты в один единый, железный кулак. Здесь нам предстояло не обороняться, а со всей силой нанести молниеносный удар по гитлеровцам в нашем тылу, в первую очередь разоружить саперов и истребителей танков, захватить гаубицы и противотанковые орудия. Иначе немцы развеют нас в одно мгновение! Нам приходилось рассчитывать только на свои силы, никто не мог прийти нам на помощь: все румынские войска на своих участках тоже вступили в бой с гитлеровцами. Действовать энергично, быстро и неожиданно — в этом было наше единственное спасение...

Теодоряну вызвал по телефону всех командиров взводов и потребовал, чтобы они немедленно прибыли в землянку. До их прихода мы рассказали капитану Теодоряну, что Антопеску свергнут и что в Бухаресте началось восстание...

Первым в землянку прибыл старший сержант Хараламбие Партение, командир четвертого взвода, что находился в резерве роты, недалеко от землянки. Партение был высок, рыжеват. Его мужественное, волевое лицо казалось высеченным из камня. По натуре он был суров

и замкнут. Редко кому открывал Партение душу, но уж если к кому привязывался, был верным другом.

За Теодоряну Партение готов был броситься в огонь и в воду: ведь наш командир спас его от верной смерти. В мае, когда советские войска вступили в Северную Молдову, Партение перешел линию фронта, чтобы навестить своих родственников. Когда он вернулся назад, немцы схватили его и, как советского диверсанта, приговорили к смерти. Только вмешательство капитана Теодоряну спасло Партение от виселицы. Наш командир заверил тогда гитлеровцев, что это он сам послал Партение в те места с целью разведки. С тех пор Партение еще больше ненавидел фашистов, а Теодоряну был безгранично предан.

Капитан Теодоряну показал Партение принесенный нами приказ из Дрәчени и сказал, что необходимо немедленно занять оборону вокруг командного пункта нашей роты, позади землянки, фронтом к немцам.

— Партение,— твердо произнес Теодоряну,— если немцы пройдут через тебя, тогда все потеряно.

— Может быть, и пройдут, но только через мой труп,— глухо сказал Партение.

— Партение,— Теодоряну взял его за руку и посмотрел ему в глаза,— немцы не должны пройти ни в коем случае, даже через твой труп!

— Будет выполнено, господин капитан! — ответил Партение.

Через несколько минут по окопу начали пробираться тени солдат четвертого взвода. В ста—ста пятидесяти шагах от землянки они залегли и, расположившись дугой, стали рыть новые окопы. Волоча за собой два пулемета, появился сам Партение. Пулеметы он установил по обе стороны окопа, ведущего в сторону немцев. Теодоряну знал, что, раз Партение приступил к организации обороны командного пункта, можно смело задержать на несколько минут командиров остальных трех взводов и подробно обсудить с ними план действий.

Вместе с командирами взводов капитан прошел по окопу и показал им, где примерно находятся позиции гитлеровских саперов и истребителей танков, где расположены противотанковые орудия и немецкие гаубицы. Затем Теодоряну подозвал меня. Я рассказал, где у немцев командный пункт саперов и истребителей танков:

ведь мы с Присакару только что побывали там. Очень важно было предупредить наших, что с обеих сторон хода сообщения, ведущего до самых позиций саперов, находятся минные поля и скрытые в обожженной солнцем траве проволочные заграждения.

Оборона немцев была построена с таким расчетом, что если бы русские и переправились через охраняемый нами брод, то все равно путь им преградили бы минные поля, проволочные заграждения, противотанковая артиллерия и истребители танков. Значит, наши солдаты могли продвигаться только по окопу, а затем, развернувшись по ту сторону окопов саперов, неожиданно наброситься на гитлеровцев, молниеносно разоружив их. Предстояло в первую очередь захватить командный пункт, телефоны и противотанковые пушки.

После июньских боев по ту сторону реки Серет капитан Теодоряну назначил командирами взводов старших сержантов. Они хорошо знали свое дело. Вскоре по окопу замелькали тени. Солдаты скапливались у проволочных заграждений. Отделяющее нас от немцев минное поле могло сослужить службу и нам: теперь оно задержит самих гитлеровцев.

Теодоряну вышел из окопа и пополз туда, где сгруппировались солдаты. Он приказал им оставить на краю окопа все, без чего можно обойтись в бою: ранцы, противогазы, плащ-палатки и котелки. У солдат остались только винтовки, патроны да несколько гранат в вещевых мешках. Теодоряну сообщил солдатам, что отныне мы разорвали союз с гитлеровцами, что в Бухаресте свергнут Антонеску и что не только армия, но и вся страна поднимается на бой с немецкими захватчиками.

— Плохо, что мы оказались здесь одни! — сказал в заключение Теодоряну. — Если мы сразу не возьмем немцев в штыки, тогда нам крышка!

Первый взвод под командованием старшего сержанта Гую Теодора пошел первым. Этот взвод должен был вывести из строя гитлеровцев, что находились в окопах перед проволочными заграждениями и минным полем, причем сделать это штыками, зубами, если нужно — голыми руками, чем угодно, но без единого выстрела. Затем, проникнув по окопу до противотанковых пушек, взводу предстояло молниеносно захватить их. Одним словом, пужна была быстрота, смелость, бесстрашие, решительный мол-

ниеносный натиск. Гую Теодор как раз подходил для этого. Как и Теодоряну, он был энергичным и изворотливым, как черт.

— Гую,— попросил его капитан,— все это нужно сделать без малейшего шума. Если ты не сумеешь заставить немцев врасплох, то у нас ничего не выйдет!

Повернувшись к солдатам, которые теснились позади старшего сержанта, Теодоряну озабоченно прошептал:

— На каждое отделение — по одному оружию. В общем, один на один. Я уверен, что вы справитесь!

— Господин капитан, все будет в порядке! — заверил его Гую.

Не менее легкими были задачи у остальных двух взводов. Вторым взводом командовал Влад Штефан — угрюмый, медлительный, но настойчивый и решительный командир. Такой ради успеха дела, не задумываясь, пойдет на смерть. Командиром третьего взвода был Никулае Штефанеску, такой же неуклюжий, как Присэкару, но мастер рукопашных схваток. Эти два взвода должны были напасть на гитлеровцев, что находились за проволочными заграждениями. Это были немецкие саперы и истребители танков. Они окопались по самое горло и были вооружены противотанковыми ружьями, пулеметами, фаустпатронами, гранатами, тротильными зарядами. Здесь предстояла беспощадная, жестокая схватка один на один.

— Если не будет другого выхода, можете стрелять! — разъяснял задачу Теодоряну. — Но только когда перемещаетесь с немцами. Иначе они сгруппируются и мы не сможем разоружить их! А ты, Штефанеску,— обратился он к командиру третьего взвода,— один можешь взять на себя сразу троих немцев!

В ответ Штефанеску пробасил что-то своим глухим голосом и исчез за поворотом окопа. За ним двинулись солдаты взвода. Связисты и телефонисты остались в окопе вместе с Теодоряну.

Стояла спокойная, теплая ночь. Небо было усыпано звездами. С реки тянуло прохладой. За немецкими позициями слева, в Валя Сякэ и Мэлини, где располагались наши части, не чувствовалось никакого движения. Но эта тишина была обманчивой. И там наши тоже получили такой же приказ и с минуты на минуту должны были ударить по гитлеровцам.

— Господин капитан, как бы они не начали раньше нас! — высказал я свои опасения.

— Но и не намного позже нас! — нервно ответил Теодоряну.

В самом деле, если наши части начнут слишком поздно или совсем не выступят, то у гитлеровцев будет достаточно времени и сил, чтобы разделаться с нами.

В противоположной стороне, к востоку, ночь приглушенно стонала от взрывов. Только на нашем участке фронта и в стороне городов Кымпулунг и Фэлтичени все было погружено в таинственное молчание.

— Господин капитан, что будем делать, если русские начнут форсировать реку? — спросил Присэкару.

В этой мучительной напряженной тишине, когда наши солдаты ползли в сторону немецких позиций, этот вопрос был для всех равносителен холодному душу.

— Ангеле, что будем делать? — спросил меня Теодоряну, не отрывая взгляда от немецких позиций.

— Не знаю, господин капитан, — ответил я растерянно. — Господин полковник ничего не говорил нам об этом!

— Присэкару, — приказал капитан, — возьми кого-нибудь с собой и отправляйся на берег. Если русские начнут форсировать реку, ты знаешь, что им нужно сказать!

Капрал, конечно, знал, что нужно сказать русским: ведь он вместе со мной учил тогда приказ в Дрэчених. После его ухода Теодоряну, обеспокоенный вопросом Присэкару, глухо сказал мне:

— Ангеле, быстро давай сюда телефон!

Я побежал по окопу в землянку. В это время за позициями немцев, слева от нас, сотрясая ночную тишину, загрохотали взрывы, послышалась пулеметная стрельба. На позициях третьего пограничного полка, у Валя Сякэ, и ближе к нам, в Мэлини и Пырайе, завязался бой с гитлеровцами... «Господи, — взмолился я, — удержи немцев еще немного, чтобы мы начали бой первыми!»

Я мигом спустился в землянку и начал вертеть телефонные ручки, но все было напрасно: ни Дрэчени, ни батальон, расположенный в Сухе, не отвечали. Пришлось позвращаться без телефонного аппарата. Выйдя из землянки, я буквально застыл на месте: ночь загорелась и сирава от нас, на участке у Саски и Богати. Там не было ни одной нашей части. Значит, гитлеровцы вели огонь по русским. «Если русские тоже откроют огонь, то нам будет

плохо!.. Что же делают наши?!» — со страхом подумал я.

И как раз в этот момент на нашем участке завязался бой. Самая жестокая схватка разгорелась на позициях немецких саперов и истребителей танков. Там смешались взрывы, автоматные очереди, вспыхивающие ракеты. На позициях противотанковых орудий слышались только взрывы гранат. Однако орудия молчали. Значит, они уже в наших руках. Где-то ухали пушки.

Гитлеровцы, занимавшие оборону по берегу слева и справа от нас, видимо, подумали, что это русские форсируют реку, и со страху начали выпускать ракеты над бродом. Но капитана Теодоряну больше уже не интересовала переправа, его беспокоила судьба трех взводов, которые вели бой на позициях гитлеровцев. Когда я подбежал к нему, капитан приказывал старшему сержанту Партение приготовиться к атаке. Я даже не успел доложить, что телефоны не работают, так как Теодоряну уже оказался среди залегших вдоль проволочных заграждений солдат из взвода Партение. Вдруг капитан, подняв пистолет, крикнул:

— Ребята, за мной!

Все бросились в атаку. В окопе было тесно, и мы побежали по краю. Солдаты из взвода Партение тоже вышли из окопа и устремились по нашим следам. Под ногами глухо гудела земля. Ночь полыхала взрывами. Гитлеровцы на соседних участках еще думали, что это русские форсируют реку, и открыли огонь по оставленному нами берегу: они, по-видимому, предположили, что мы убожали под натиском русских. Гитлеровцам, конечно, было невдомек, что этим самым они только способствовали нашему успеху.

Я старался быть поближе к Теодоряну. Мне хорошо было известно, что капитан всегда пренебрегал опасностью и бросался в самую гущу сражения. Я несколько раз выбегал впереди Теодоряну и давал автоматные очереди по гитлеровцам, но капитан рассердился и недовольно оттолкнул меня. Но я по-прежнему держался ближе к нему. Вскоре мы добежали до землянки того самого немецкого офицера, к которому нас с Присэкару приводили саперы. Мы бесшумно сняли часовых и в тот момент, когда сонный офицер выходил из землянки, спокойно взяли его в плен: он даже пикнуть не успел. Всех плен-

ных саперов и истребителей танков втокнули в один из окопов. Большинство немцев, воспользовавшись темнотой, убежало по полю в сторону своих.

Нас догнали солдаты первого взвода под командой Теодора Гую. Они тащили за собой противотанковые орудия. С гаубиц, захваченных на кукурузном поле, они сняли только замки. Солдаты рассказали, что гитлеровцы в страхе разбежались и первому взводу удалось взять в плен только пятнадцать—двадцать человек.

Больше пятидесяти гитлеровцев мы отвели в наше укрытие у переправы. На пороге землянки мы установили противотанковую мину, а в окопе пулемет с заправленной лентой. У пулеметного расчета находился и фитиль от мины, так что никакой надежды на то, чтобы выбраться, у гитлеровцев не было.

Капитан Теодоряну снова собрал командиров взводов. Было ровно двенадцать часов ночи. Прошло всего лишь полчаса с тех пор, как мы принесли приказ из Дрэчени, а немцы на нашем участке уже были разоружены и разгромлены. На других же участках продолжался кровопролитный, ожесточенный бой, и исход его трудно было предугадать. Там было гораздо больше гитлеровцев, и они быстрее опомнились от замешательства первых минут. В той стороне непрерывно раздавались грохот взрывов и бешеный треск пулеметов. Трудно было сказать, кто брал верх — наши или немцы. В стороне Дрэчени было спокойно, но на позициях третьего пограничного полка в Валя Сякэ и Пырае и в стороне Рышка бой все разгорался. Там завязывались длительные и тяжелые бои. Значит, нам неоткуда было ждать помощи.

От наших войск нас отделяли компактные немецкие батальоны. Окопавшиеся гитлеровские роты слева и справа от нас вели непрерывный огонь по броду, а затем начали выдвигать свои взводы на берег реки, намереваясь таким образом закрыть путь и нам, и русским. Теодоряну приказал двум взводам задержать продвижение гитлеровцев по берегу, а остальным двум взводам — занять оборону вдоль проволочных заграждений и минных полей.

— Господин капитан, — предложил я, — разрешите сбегать в полк.

— В полк отправится кто-нибудь другой, — сказал Теодоряну, довольный, однако, поданной мной мыслью, и немедленно послал связного в Дрэчени за помощью и

новыми указаниями. Капитан тут же вызвал и Присэкару, который следил за переправой. Теодоряну выделил ему в помощь связиста и, немного подумав, к нашему удивлению, приказал:

— Присэкару, отправляйтесь к русским и расскажите, что мы поднялись против фашистов и надеемся, что до рассвета русские форсируют реку...

Мы с трудом сдерживали натиск гитлеровцев, которые стремились закрыть образовавшуюся в их обороне брешь и отделить нас от русских. Нас, конечно, окрылил первый успех, но гитлеровцев становилось все больше и больше. Немецкие части скапливались в нашем тылу, на окраине кукурузного поля, где стояли их гаубицы. Гитлеровцы шаг за шагом занимали позиции на берегу реки, и мы оказались почти окруженными. Теодоряну вновь вызвал командиров взводов и, воодушевляя их, сказал:

— Необходимо сдержать натиск немцев до утра, пока подойдут наши или русские...

Гитлеровцы не знали расположения наших позиций и небольшими группами бросались то в одну, то в другую сторону. Они рыскали, как волки, готовые разорвать нас на куски. Теперь их было уже чуть ли не в пять раз больше, и петля вокруг нас затянулась.

Начался тяжелый, жестокий бой, в котором нас ожидала или свобода, или смерть. Теодоряну приказал мне выпустить вверх несколько белых ракет — сигнал о срочной помощи, но вдоль всего нашего фронта раздавались взрывы, слышалась стрельба, горизонт вплоть до темных вершин Стынишоарских гор пылал багровым заревом... «До утра мы еще продержимся, — подумал я, — а там к нам придут на помощь!..»

* * *

Близился рассвет, но никто пока не пришел к нам на выручку. Не вернулись и посланные к русским связные. Да они и не могли вернуться, так как гитлеровцы перерезали нам путь к кукурузному полю, к своим, и к реке, к русским.

Нам предстояло одним обороняться на этом пятачке земли. Оставалось только надеяться, что, может быть, кто-нибудь чудом все же пробьется к нам. Однако Теодоряну избрал другой путь: он решил собственными силами

прорваться через гитлеровские позиции в направлении Дрэчени и Валя Сяка и выйти на участок третьего пограничного полка.

— Если нам не удастся соединиться с нашими, уйдём в леса, в горы, — решительно заявил капитан.

Позади наших бывших позиций поднимались вершины Стынишоарских гор, покрытых густыми лесами. У подножия гор проходила дорога, на которую мы хотели выйти. Вершины гор стали светлеть. Долина Молдовы постепенно выступала из темноты, словно огромный корабль, плывущий навстречу свету. Наступал самый подходящий момент для начала атаки.

Только Теодоряну закончил построение взводов для атаки, как прибежал солдат нашей роты, попавший ночью к гитлеровцам в плен. Он передал, что командир второго батальона сто четырнадцатого немецкого горнострелкового полка, которому мы до сих пор подчинялись, хотел бы обсудить с командиром нашей роты обстановку. Всем было ясно, что фашисты хотят схватить Теодоряну и отомстить ему.

— Атакуем, господин капитан! — вскочил Теодор Гую.

Худощавый, скуластый, с глубоко посаженными сверкающими глазами, командир первого взвода горел нетерпением начать атаку. Его взвод должен был первым броситься в немецкие окопы. После внезапного удара первого взвода вступал в бой взвод Партение Хараламбие, которому предстояло прорвать немецкие позиции на окраине кукурузного поля. Остальные взводы должны были прикрывать наш тыл.

Выслушав солдата, которого отпустили гитлеровцы, Теодоряну вдруг отменил свое решение начать атаку.

— Мы же можем провести их, — сказал он, улыбувшись.

Капитан в нескольких словах объяснил нам свою идею. Он и на самом деле направится к гитлеровцам, но вместе с ним по окопам двинутся солдаты первых двух взводов и скрытно подойдут как можно ближе к немцам. В семидесяти—восемидесяти шагах от кукурузного поля наши солдаты выпрыгнут из окопов и неожиданно ударят по фашистам.

— Это невозможно, — возразил Партение. — Как только немцы заметят, что вы идете, они моментально выстрелят в вас...

— Не выстрелят,— уверенно сказал капитан.— Они хотят взять меня живым!..

Это было решение бесстрашного человека и командира. Через минуту Теодоряну ловко выпрыгнул на край окопа и, повернувшись лицом в сторону гитлеровцев, стал ждать, как они на это будут реагировать. Но вокруг стояла ничем не нарушаемая утренняя тишина. Видимо, немцы действительно ждали Теодоряну: ни в первую минуту появления капитана на краю окопа, ни потом они не показывались и не открывали огня. Теодоряну медленным, но уверенным шагом пошел в сторону немецких позиций, стараясь не отрываться от наших солдат в окопе. Иногда он перепрыгивал или обходил воронки от взрывов. Когда проволочные заграждения остались позади, по окопу нас догнал Штефан Влад, которому было приказано охранять немецких военнопленных.

— Господин капитан, что делать с пленными? — угрожающе спросил он.

Теодоряну замедлил шаг, но продолжал идти дальше.

— Я взорву укрытие вместе с ними! — проговорил Штефан Влад.

— Ни в коем случае,— возразил Теодоряну, не глядя в сторону Штефана,— заминировать вход в укрытие и оставить их одних. Потом мы их заберем.

— А если подойдут немцы, охраняющие брод?

— Пленным тогда повезет! — с деланным безразличием произнес Теодоряну, напряженно вглядываясь в позиции гитлеровцев на кукурузном поле.— Бросьте пленных,— добавил он через некоторое время.— Присоединяйтесь к первым двум взводам!

Достигнув позиций, которые недавно занимали гитлеровские саперы и истребители танков, мы, как куропатки, рассыпались по всем окопам, ведущим к кукурузному полю. Теодоряну шагал по краю центрального хода сообщения, готовый прыгнуть в него при первом же выстреле. Наши связисты, незаметно и скрытно двигаясь по окопу, шли буквально у ног капитана. Прямо перед нашими глазами мелькали его сапоги с истертыми каблуками и с прямыми, покрытыми пылью голенищами. Теодоряну казался совершенно спокойным. У меня же душа в пятки ушла. Мне чудилось, что вот-вот раздастся винтовочный выстрел и капитан рухнет на землю. Еще больше страха

нагнал на меня Партение. Его рыжеватое, застывшее лицо покрылось потом.

— Давайте быстрее! — прошептал он, глядя то на тонкий силуэт Теодоряну, то на солдат из взвода Гую, которые на каждом изгибе окопа исчезали впереди нас.

В конце окопа Теодоряну остановился и огляделся.

— Bitte... bittel — услышали мы из кукурузного поля.

— Где же вы, черт бы вас побрал?! — крикнул рассерженный Теодоряну. — Wo... Wohin? — продолжал он по-немецки, растягивая слова, чтобы дать нам возможность подготовиться.

— Нег... Komm her! — послышалось совсем близко.

Теодоряну поднял руку, как было условлено, сделал еще несколько шагов и прыгнул в окоп. В это же мгновение мы вынырнули будто из-под земли и, стреляя на ходу, с криками «ура» бросились в кукурузу. Гитлеровцы не успели даже открыть огонь: большинство их разбежалось, человек тридцать мы взяли в плен. Не теряя ни минуты, нам нужно было пробиваться на Дрэчени и Валя Сякэ в распоряжение третьего пограничного полка.

Гитлеровцы опять начали обстреливать берег реки, не подозревая, что ведут огонь по немецким военнопленным, оставленным нами в землянке. Гитлеровцы, которых мы атаковали на кукурузном поле, перегруппировались и стали преследовать нас пулеметным огнем. Чтобы сократить путь, мы свернули с дороги и пошли вдоль горы на запад, все время отбиваясь от наседавших гитлеровцев.

До восхода солнца нам удалось перевалить через гребень горы. Внизу под нами неожиданно открылось село Валя Сякэ, молчаливое, сонное, притихшее. Село казалось пустынным, будто все его покинули. А за этим селом, в Мэлини и Пыраيه, и еще дальше, в Дрэчениях, яростно грохотали орудия. Значит, батальонам третьего пограничного полка не удалось оторваться от гитлеровцев и они перешли к затяжным боям.

Время от времени Теодоряну останавливался и внимательно вслушивался в отдаленный шум боя. Грохот канонады то поднимался по долине до еловых лесов в горах, то мягким рокотом устремлялся прямо к нам. Нельзя было медлить ни минуты, так как гитлеровцы неотступно преследовали нас. Кроме того, мы не знали, что происходит в Дрэчениях и Мэлини. Теодоряну принялся

решение вступить в село и там, в зависимости от обстановки, действовать дальше.

Впереди опять шел взвод Гую. За ним следовал взвод Партение, затем — мы, отделение управления, и пленные. За ними двигался взвод Штефанеску. Замыкал колонну развернувшийся взвод Штефана Влада. Солдатам этого взвода то и дело приходилось останавливаться и отстреливаться от гитлеровцев. Вскоре мы спустились по склону, форсировали реку и очутились на дороге недалеко от села.

Взошло солнце, и над долиной разлился прозрачный утренний свет. Только село еще оставалось в тени. Вытянувшись в цепочку, мы ускоренным шагом, с винтовками наготове направились вдоль придорожных канав к селу. Кругом стояла подозрительная тишина. В восьмидесяти—ста шагах от села мы остановились. Теодоряну выслал вперед боевое охранение, но в это мгновение на нас обрушился свинцовый дождь. Мы залегли в канавах и ямах вдоль дороги и попытались свернуть в сторону Дречени, но и оттуда раздались пулеметные очереди. Оставался единственный путь — двигаться по долине вверх, в горы. По ту сторону горы Стынишоарэ дорога проходила по узкому ущелью. Туда и решил заманить гитлеровцев Теодоряну.

Мы старались как можно дальше оторваться от преследовавших нас немцев, однако они шли буквально по пятам. «Чтоб вас черти завели в то ущелье... Мы вам там покажем!» — со злостью думал я. После двух-трех часов форсированного марша мы миновали гору Пояна Мэрулуй и подошли к затуманенной хвойными лесами вершине Стынишоарэ. Немцы, пыхтя и отдуваясь, не отставали от нас. В горах было пустынно и тихо. Шум боя с берегов Молдовы сюда не доходил. Солнце на вершине сильно припекало.

Гитлеровцы все ближе подходили к нам и чаще открывали огонь. Казалось, они чего-то боятся и почему-то торопятся. Вскоре все стало ясно. Мы были слишком разгорячены и не учли, что дорога эта, по которой прошел наш полк, отправленный на перегруппировку, связывала немцев с Валя Быстрицей и Боркой, где были их резервы и склады. Следовало ожидать, что, когда румыны выступили против, гитлеровцы стали усиленно охранять эту дорогу. Так и случилось. Как только мы подошли к ска-

листу ущелью, нас встретил сильный огонь с фронта. Значит, немцы спешили заманить нас в ловушку. Как бы в подтверждение этому несколько пулеметов открыли по нас огонь с правого фланга, со стороны леса. Слева, почти у самой дороги, начиналась глубокая пропасть, на дне которой шумел бурный поток. Мы залегли. Дорога была очень узкой, развернуться мы не могли, а долину с обеих сторон перекрыли гитлеровцы.

— Давайте выставим впереди себя пленных и пойдем за ними,— предложил разозленный Гую.

— Этого нельзя делать,— возразил Теодоряну.— Пленные есть пленные!

— Вы думаете, фашисты пощадили бы наших? — вскопился Гую.— За это время они раз десять расстреляли бы нас!

Теодоряну ничего не ответил. Он озабоченно рассматривал дорогу, которая узкой лентой извивалась между скал. Отовсюду угрожающе строчили пулеметы, раздавались винтовочные выстрелы. Теодоряну отдал приказ — ударить по гитлеровцам, что находились перед нами, и проложить себе дорогу по ту сторону ущелья. Солдаты под командой Штефанеску и Штефана Влада с трудом развернулись и осторожно двинулись вперед. Вновь ударили немецкие пулеметы. Грохот их прокатился по долине. Мы бросились на землю и тоже открыли огонь. Только пленные продолжали стоять. Казалось, они были напуганы больше, чем мы. Почувствовав, что никто не обращает на них внимания, пленные повалились на дорогу и начали отползать назад, к пропасти. Они наверняка злорадствовали, видя наше трудное положение, однако до конца еще не поверили в возможность своего спасения и, дрожа от страха, поглядывали в нашу сторону.

Огонь усилился, и нам было не до пленных. Стараясь не упустить из виду Теодоряну, мы прыгали с камня на камень, догоняя наши передние взводы, которые вели яростный огонь по гитлеровцам.

— Господин капитан,— сказал встретившийся нам Штефан Влада,— я пойду в ущелье!

И в самом деле, в данной ситуации, только разбив немцев, скопившихся в ущелье, можно было открыть себе дорогу. Но для этого предстояло пробиться сквозь плотную стену огня фашистов.

— Давай! — согласился Теодоряну.

Капитан был мрачен как туча. Он понимал, что остановить эту последнюю атаку и пощадить свою измотанную роту значит выйти отсюда только подняв руки вверх. Лицо у него перекосилось, словно от боли. Теодоряну молча наблюдал, как взвод Штефана Влада под ураганным огнем гитлеровцев поднялся в атаку. Первый ряд солдат сразу же был скошен пулеметным огнем. Остальные, прижавшись к земле, скрываясь за камнями, открыли ответный огонь. Гитлеровцы находились в укрытиях и хорошо пристрелялись, поэтому после нескольких попыток броситься в атаку взвод Штефана Влада был окончательно остановлен. На дороге осталось человек шесть убитых и столько же раненых. Но те солдаты, которым все же удалось пробраться в скалы, продолжали вести огонь. И хотя они стреляли вслепую, это не давало возможности гитлеровцам выйти из укрытий.

Воспользовавшись этим, взвод под командой Штефанеску также проник во влажную, холодную тень скал. Вторая волна атакующих обрушила на немцев сокрушительный огонь. То один, то другой гитлеровец, притаившийся в скале, сраженный пулей, скатывался на дорогу, звеня винтовкой. Но и взвод Штефанеску потерял около пятнадцати солдат. В результате этих атак мы продвинулись среди скал еще на тридцать—сорок метров. По нашим подсчетам, нам оставалось совсем немного, чтобы выйти по ту сторону ущелья. Выход был только один — продолжать атаку...

Теодоряну решил бросить в атаку на скалы всю свою роту в последнем, бесстрашном и, может быть, напрасном усилии. Теодор Гую-должен был подняться в атаку первым. Партение предстояло сдерживать преследовавших нас немцев перед входом в ущелье до тех пор, пока все мы не выберемся по ту сторону. Было очень трудно, почти невозможно осуществить этот маневр, но и в руки к фашистам нам попадать не хотелось. Решение Теодоряну в создавшейся обстановке было самое правильное, хотя все и понимали, что уцелеют из нас немногие.

Однако события развернулись не совсем так, как мы предполагали. Сначала сделал бросок взвод под командой Гую. С трудом сдерживая натиск преследовавших нас немцев, взвод Партение подошел ближе к скалам. Скопившись в ущелье, наши солдаты открыли бешеный огонь, и в это время взвод Гую поднялся в атаку. Но с первых

же шагов солдаты бросились на землю. Путь им преградила баррикада, сложенная из стволов деревьев и каменных глыб. Из-за баррикады и с окружающих скал гитлеровцы вели ураганный перекрестный огонь.

— Тьфу! — плюнул Теодориану. Лицо его почернело, как земля.— Бандиты, в бога мать...— заскрежетал он зубами. Таким я никогда его не видел. Он был настолько взбешен, что, казалось, готов был грызть скалы зубами.— Огоны! — закричал капитан.

Однако и на этот раз гитлеровцы прижали нас к земле. Сама баррикада была невысокой. Ее можно было бы обойти, карабкаясь по скалам, но плотный огонь противника не давал нам поднять головы.

Вдруг гитлеровцы прекратили огонь. Нам даже показалось, что они ушли. В ущелье наступила гнетущая тишина. Мы терялись в догадках, почему гитлеровцы так неожиданно закончили бой.

— Achtung... achtung! ¹ — раздался вдруг громкий, повелительный голос из-за скал.— Камадаы,— продолжал тот же голос, коверкая румынские слова,— вы дадите нам капитана Теодориану и сложите оружие!.. Тогда мы разрешим вам пройти!..

Мы не сразу поняли, чего хотят от нас фашисты, но, когда немец повторил сказанное, наши солдаты ответили ожесточенным огнем. Наглость гитлеровцев вызвала у нас бешеную ярость. «Немцы хотят отомстить ему! — подумал я о Теодориану.— Но как они могли предположить такое вероломство?»

Когда огонь с нашей стороны несколько утих, немец снова прокричал в рупор свои условия. И так несколько раз раздавался этот металлический, наглый голос. Мы каждый раз отвечали огнем. Сделка, которую предлагали фашисты, вызывала у всех отвращение. Мы хорошо понимали, что нас поймали в искусную ловушку, что здесь, между скалами, нам придется погибнуть, но мы очень любили Теодориану и ни за что на свете не выдали бы его гитлеровцам... Но капитан поднялся сам и подал знак прекратить огонь. Все замерли. Каменное ущелье, казалось, еще больше почернело. Тишина зазвенела как струна.

¹ Внимание, внимание! (нем.)

— Партение,— крикнул Теодоряну решительным тоном.— Принимай на себя командование ротой!

— Господин капитан! — запротестовал Партение с мольбой в голосе.— Господин капитан!..— повторил он, приходя в ужас от страшной мысли. Затем громко, чтобы все слышали, прокричал:

— Мы не отдадим вас немцам, господин капитан!

— Старший сержант Партение,— неумолимо повторил Теодоряну.

— Слушаюсь!

— Берите роту под свое командование и догоняйте полк!

— Слушаюсь, господин капитан! — закрипев зубами, чуть слышно проговорил рыжеватый Партение, и мы все содрогнулись...

В ту же секунду худощавый стройный Теодоряну вышел из-за скалы и, высоко подняв голову, направился в сторону баррикады. Лицо его было землистого цвета, глаза налились кровью. Мы в ужасе застыли. Казалось, мы окаменели, потеряли всякий рассудок. И вдруг наше оцепенение прервал громкий голос Партение:

— Ро-о-та, слушай мою команду! Вперед! Огоны!

В едином порыве мы бросились в атаку, закрыв собой Теодоряну. Гитлеровцы не ожидали такого оборота дела и не успели вовремя открыть огонь. Солдаты под командой Теодора Гуи, Штефанеску и Штефана Влада вскочили на баррикаду. Но когда мы ухватились за камни, чтобы проскочить через них, раздался страшный взрыв, который потряс скалы и отбросил всех нас на землю. Зловещее эхо покатилося по долине. Плотная серая пыль окутала нас. Ничего не было видно.

Опомнившись, я бросился разыскивать Теодоряну. При вспышке следующих взрывов я увидел капитана, сбитого с ног грудой щебня. Глаза резало от каменной пыли, и я больше на ощупь лихорадочно расчищал дорогу, пробираясь к Теодоряну. Вскоре в этой белесой мгле стали обозначаться тени наших солдат. Ошеломленные, они в суматохе искали свои винтовки. Гул взрывов еще отдавался эхом в дальних лесах и горах. Пыль постепенно оседала. Гитлеровцы ворвались уже в наши ряды и, дико крича, стали бить наших солдат прикладами винтовок, стараясь оттеснить в сторону взорванной баррикады. Я попытался поднять свой автомат, но кованый немецкий сапог

с коротким и широким голенищем изо всей силы наступил мне на руку. Дулом автомата меня заставили встать. И в этот момент я увидел капитана Теодоряну: он отбивался от трех гитлеровских солдат, которые стремились скрутить ему руки. Немецкий унтер-офицер достал из кобуры пистолет и со злостью ударил Теодоряну в правый висок. Кровь струей потекла по лицу капитана. Я стал вырываться из рук схватившего меня немца, чтобы броситься на унтер-офицера, но гитлеровец сильно ударил меня сапогом, и я повалился на землю лицом вниз...

В ущелье становилось светлее. Большинство наших погибло. Лишь некоторым удалось укрыться в пропасти. Остальных гитлеровцы переловили и загнали в ущелье. И теперь нас охраняло до сотни немцев. Из наших унтер-офицеров в живых остался только Партение. Окруженный гитлеровцами, истерзанный, без каски, он долго не давался им в руки.

Гитлеровцы изолировали от нас Теодоряну: они отвели его по ту сторону груды камней, которые остались от взорванной баррикады, и силой усадили в коляску мотоцикла, крепко привязав ремнями. Беспощадно избивая, подталкивая прикладами, нас тоже согнали к бывшей баррикаде. Сюда же привели и Партение. Бедняге казалось, что именно из-за него нас разбили фашисты: он все время стонал, в бессильной ярости скрежетал зубами, то и дело пытаясь вырваться из рук немцев, которые буквально висели на нем. Бросившись к мотоциклу, Партение горько зарыдал, приговаривая:

— Господин капитан... господин капитан...

Мотоцикл разъяренно взревел и помчался по дороге. Из лесу выскочили еще два немецких мотоцикла и устремились вслед за первым. Теодоряну с трудом повернул голову в нашу сторону, хотя он ничего и не видел: все лицо его было залито кровью.

* * *

Под конвоем гитлеровских солдат мы выбрались из ущелья только к вечеру. У нас отобрали винтовки, штывки и ремни, оставив только пустые вещевые мешки. Партение мрачно шагал впереди. Жалкие остатки нашей роты — уцелевшие солдаты медленно плелись за ним, опустив головы. У всех было подавленное состояние: луч-

ше бы погибнуть в схватке с гитлеровцами, чем потерять Теодоряну и очутиться в плену.

Я шел рядом с Партение, устремив взгляд в высокое лазаурное небо. Злоба, беспомощность, глубокая печаль, жажда к сопротивлению — все те чувства, которые владели нами в первые минуты плена, теперь как-то притупились. Нас охватило какое-то внутреннее глубокое опеченение, и только одна мысль не давала нам покоя — мысль о судьбе Теодоряну. Будто наяву, он стоял у нас перед глазами. «Наша рота первой выступила против гитлеровцев в этом районе. Мы первыми из румын взяли в плен немецких солдат. Теперь фашисты отомстят Теодоряну за все, — с беспокойством думал я. — Они наверняка убьют его!»

Эта мысль страшно мучила меня. Я вспомнил, как Теодоряну спас и меня от военно-полевого суда, а может быть, и от карательной команды. Это было так. За две недели до того, как мы выступили против гитлеровцев, у нас на фронте появились коммунистические листовки. Как-то ночью, проверяя телефонную линию, я встретил связиста из соседнего полка. Он и передал мне сверток с листовками. В листовках говорилось о войне, о том, что гитлеровцы поработили нашу страну, о тяжелой жизни в тылу, о судьбе фронтовиков. Листовки открыто призывали браться за оружие и выступать против фашистов. Я тайком, с замиранием сердца прочитал эти листовки и спрятал их в ящике телефонной станции, надеясь при случае познакомить с ними надежных людей.

Однажды ночью к нам неожиданно явился офицер из военной прокуратуры. Он в моем присутствии проверил мой ящик и схватил меня за шиворот. И вот тут Теодоряну пришел мне на выручку. Он стал кричать на прокурора, что без ведома командира тот не имел права производить обыск. Разъяренный, Теодоряну заявил офицеру, что он сам утром обнаружил эти листовки в окопах и передал их связисту, чтобы спрятать, а потом передать во «второй отдел»...

— Что ты хотел с ними сделать? — отчитывал меня Теодоряну, когда офицер из военной прокуратуры ушел. — Ты думаешь, тебя кто-нибудь сможет вырвать из лап этих негодяев, если ты попадешься с такими листовками?

Так капитану Теодоряну все же удалось спасти меня!

Вспоминая эту историю, я и не заметил, что село Валя Сухэй осталось позади и мы уже находимся на вершине. Лес здесь немного поредел, а дорога стала шире. Солнце на западе зашло за гору, тени елей на опушке леса удлиннились, повеяло прохладой. «Может быть, в селе Борка находятся наши части», — с надеждой подумал я. В эту минуту Партение ударил меня локтем в спину и чуть слышно прошептал:

— При удобном случае мы должны напасть на немцев...

Мне показалось невероятным — думать сейчас об «удобном случае». Как мы могли напасть, я не представлял. Впереди колонны, твердо и медленно ступая по скрежетавшему щебню, шли трое гитлеровцев с автоматами на груди, за ними — высокий и смуглый солдат с ручным пулеметом. По сторонам, на дистанции трех—четырех шагов, следовали другие гитлеровцы. Колонну замыкали солдаты, вооруженные ручным пулеметом и автоматами. «Они же всех нас укокошат, — думал я... — Но вообще-то, лучше смерть, чем идти к ним в рабство!»

Партение, прищурившись, внимательно рассматривал лес и дорогу. Мы теперь не отрывали глаз от гитлеровцев и напряженно ждали сигнала Партение. Вдалеке у самой дороги росла большая раскидистая ель, отбрасывая густую тень. Подойдя ближе, я почувствовал, что задыхаюсь. На одной из веток головой вниз висел капитан Теодоряну. Ужас и негодование охватили нас. Все были потрясены и стали громко проклинять гитлеровцев. Капитана невозможно было узнать: живот распорот, грудь исколота штыками, глаза выколоты, все лицо в запекшейся крови. Только узкие желтые сапоги, за которые подвесили ремнями Теодоряну, да брошенные на землю капитанские нашивки помогли нам признать своего любимого командира. Варварство гитлеровцев ошеломило нас. Гнев и ненависть охватили нас. Мы готовы были растерзать часовых. И в эти минуты, как и тогда на баррикаде, мы слышали голос Партение:

— Бей немцев!

Пленные бросились на гитлеровцев и, вцепившись им в горло, покатались по дороге. Некоторые часовые успели открыть огонь и скосили пулями многих наших. Партение опрокинул на землю немецкого пулеметчика и, схватив ручной пулемет, несколькими очередями уложил передо-

вых часовых. Остальные бросили оружие и подняли руки вверх. Разделавшись с гитлеровцами, мы побежали к ели, на которой висел Теодоряну... Взвалив труп капитана на плечо, я помчался в глубь леса. Выбываясь из сил, я пробирался все дальше и дальше. Больше я ничего не помнил... Меня нашли солдаты нашей роты, которым удалось спастись после стычки на дороге.

...Поздно вечером в тишине елей мы штыками вырыли могилу. Дно устлали ветками и осторожно опустили истерзанный труп капитана Теодоряну, одетого в мою грубую, изорванную, полинявшую солдатскую форму. У его могилы мы провели всю ночь, надеясь, что подойдет еще кто-нибудь из наших, но так никто больше и не пришел сюда. Партение тоже погиб. На рассвете я взял на себя команду над оставшимися в живых одиннадцатью солдатами нашей роты.

Перевалив через гребень Стынишоарэ, лесом мы вышли к реке Молдова. Через два дня мы прибыли в третий пограничный полк, который разгромил гитлеровцев в этом районе и вместе с русскими частями преследовал их в направлении города Кымпулунг.

По пути через леса мы встретили бежавших в горы крестьян. Они с дрожью в голосе рассказали, как гитлеровцы пытали капитана Теодоряну. Фашисты привязали его к мотоциклу и волокли до ели, на которой затем повесили...

Тяжело переживали мы гибель капитана Теодоряну. Подавленные горем, мы даже забыли установить какой-либо знак на его могиле. Так и осталась безымянной его могила в гористых лесах, у реки Молдовы.

ОГОНЬ НА ГРАНИЦЕ

Рассказ пограничника

Вечером 23 августа 1944 года вместе с Иопом Булгэре я был в дозоре на Дунае между пограничными постами Коровини и Любкова. Булгэре хорошо знал эти места. Меня послали на границу только прошлым летом, после окончания полковой школы, а Булгэре находился здесь с самого начала войны. Если бы сложить шаги, что отмерил он по границе, получилась бы хорошо утоптанная тропа. Тысячу раз проходил он вдоль берега реки: летом — в солнечные, ясные дни, в дождь и туман; зимой, когда лед трещал от мороза; весной, когда ивняк покрывался белоснежными пушинками, или осенью, когда желтела беспокойная листва тополей. Он знал здесь каждый кустик, каждый уголок, как свой двор, о котором уже почти забыл, так как уехал из дому четыре года назад.

Ион Булгэре был прирожденным пограничником: маленького роста, жилистый, быстрый, с живыми ястребиными глазами, он хорошо слышал и чувствовал природу.

Никому не удавалось перейти границу, если в дозоре находился Ион; не одного контрабандиста задержал он на нашем участке. Булгэре за версту различал, кто плеснулся в воде — рыба или человек, и в шелесте листвы умел услышать посторонний шум. Если нарушители про- бовали кричать кукушкой, Ион быстро распознавал и эту хитрость. Иногда даже ночью он выходил на улицу и прислушивался к чему-то.

— Что, господин капрал? — спрашивал его часовой.

— Почудилось, будто на острове какие-то голоса, — обеспокоенно говорил Ион.

Немного повыше от Молдовы Веке, где располагалась наша застава, был остров, заросший кустарником и высокой травой. В последнее время то на ночь, то на две здесь находили убежище сербские партизаны. Они все чаще нападали на немцев. Когда заходила речь об этих партизанах, Булгэре просил начальника заставы оставить их в покое.

Ион мне сразу понравился. Это был человек с открытой душой и добрым сердцем, готовый всегда помочь товарищу.

Когда я пришел пешком от Молдовы Ноуэ, первым, кого я встретил на заставе, был Ион. Только я положил ранец и выпил глоток воды, как Булгэре отвел меня в сторонку и спросил:

— Ты откуда, мужичок с ноготок?

Я не обиделся, потому что и в самом деле не отличался высоким ростом, а моя бритая голова была совсем мальчишеской.

— Из села, где все такие, как я, — нашелся я.

Ему понравился мой ответ. Он искоса посмотрел на меня и пробормотал:

— Может, у тебя и братья остались дома?

— Нет, — сказал я, — мать решила, что ей и одного хватит, чтобы перебить горшки в доме!

— Что ты говоришь? Может, ты из наших мест? Ведь только у нас уважают острых на язык.

— Так, может, ты слышал об Илфове и Олтенице? Я как раз оттуда...

— Да ну! — воскликнул весело Ион, будто встретил кого из своих близких. — Что ты говоришь, браток!

Он взял меня за руку, провел в помещение и показал место рядом с собой. Потом начал успокаивать, объясняя,

что трудновато будет только вначале, а потом, как подучусь, буду чувствовать себя на Дунае как дома. Я развязал вещевой мешок, разложил на кровати домашние продукты и пригласил Иона к столу. У меня было такое впечатление, будто встретил родного брата. Булгэре отломил кусок темноватого пирога, испеченного моей матерью.

— Все-таки хлеб в наших краях — самый лучший, — сказал он, хотя пирог был не из пшеницы, а из отрубей и кукурузы.

На границе я пока чувствовал себя как на чужбине, поэтому очень обрадовался, встретив не просто земляка, но близкую мне душу.

— Ну а как поживают девушки в наших краях? — спросил Ион через некоторое время.

— Усы у них выросли, — улыбнулся я.

— Что ты говоришь? — притворно-удивленным голосом произнес Булгэре. — И что же они теперь будут делать?

— Откуда я знаю? Будут ждать, пока мы вернемся...

На границе каждый новенький причаливает к кому-нибудь из «старичков», которые уже хорошо знают службу и здешние места. Меня взял к себе в обучение Булгэре Ион. Вместе с ним мы ходили в дозор — то в одну сторону от нашей заставы, то в другую. С Ионом я мог ни о чем не беспокоиться: глаз у него был острый, уши чуткие.

Как-то пошли мы с ним в дозор в сторону Пожежены. Был предрассветный час. Природа еще не проснулась. Мы осторожно пробирались мимо ивняка и тополей, глядя на желтовато-серые волны Дуная. По реке шел первый пароход, с трудом таща за собой целое стадо тяжелых барж.

— Доверху нагружены пшеницей, — невесело сказал Булгэре. — Как грабители, все тащат из нашей страны... зерно, нефть, скотину, лес — все, что попадает под руку... Весь Дунай забит их конvoями. Будь они прокляты... А ты что скажешь? — спросил он меня прямо.

— Эх, если б все было по-нашему — гнать бы их домой... или раздавить к чертовой матери, — ответил я, так как всей душой ненавидел гитлеровцев, этих ненасытных пауков, что опутали нашу страну.

— Правильно ты сказал, — с горечью промолвил Ион. — Не по-нашему все делается...

На границе — не то, что в казарме, где мы все в куче и не так-то просто открыто поделиться всем, что лежит у тебя на душе. А с глазу на глаз можно высказать что угодно. Мы с Ионом не остерегались говорить друг другу правду.

Утренняя мгла рассеивалась. Мимо нас медленно проплывал немецкий конвой. Вдруг Ион схватил меня за руку и пригнул к земле. И тут почти рядом с нами я услышал приглушенный звук крадущихся шагов. Я хотел было сразу броситься в кустарник, но Ион крепко держал меня и, приложив палец к губам, приказал молчать. Шаги то замирали в легкой, прозрачной тишине, то слышались вновь. Вот уж они совсем близко. Мы направили винтовки в сторону кустарника. Я весь напрягся, как пружина. Мне еще никого не приходилось задерживать.

Кусты раздвинулись, и в нескольких шагах от нас показался бородатый мужчина с ранцем за плечами. Увидев направленные на него дула винтовок, нарушитель застыл на месте.

Он смотрел на нас, как затравленный зверь.

— Открой ранец,— приказал ему Булгэре. В ранце был пахучий, желтый, как золото, македонский табак, уложенный в плотные связки. Контрабандист оказался сербом, но он в свое время, видимо, рыбачил на Дунае, так как знал немного по-румынски. Он стал причитать, что немцы его совсем разорили. От Булгэре я знал, что подобные контрабандисты наживались за счет бедняков. На табак они выменивали спички, соль, сахар или керосин.

— Эй, ты что это отрастил себе бороду? — Булгэре окинул серба взглядом, и я понял, что они уже встречались раньше.

— Берите, берите все,— продолжал причитать контрабандист, пододвигая к нам ранец.— Только отпустите!.. Отпустите, ведь немцы повесят меня! Они установили монополию на табак, и им ничего не стоит отправить человека на тот свет.

Услышав про немцев, Булгэре вздрогнул. Ему хорошо было известно, что пойманных контрабандистов передают в Оршове гитлеровцам по ту сторону границы, в Югославию. Но Ион сделал знак винтовкой, и мы отвели нарушителя на пограничную заставу. Там, однако, Булгэре упросил начальника не передавать этого контрабандиста

немцам. Офицер заставил задержанного написать декларацию, конфисковал табак и в следующую ночь отпустил его обратно через Дунай.

Совсем по-другому поступал Булгаре по отношению к югославским партизанам. Однажды перед рассветом на серебристых волнах Дуная мы заметили двух людей, плывущих к нашему берегу. Они торопливо взмахивали руками, отчаянно борясь с бурным течением реки, и время от времени оглядывались назад, на остров, с которого, видимо, бежали. Я хотел было стрелять, но Булгаре бросился ко мне и молча прижал мою винтовку к земле. Мы скрылись в кустах и стали ждать. Пловцы все приближались к берегу, но вдруг начали погружаться в воду и выныривать. Руками они уже не работали. То ли они устали, то ли сэкономили силы, так как до берега оставалось еще довольно далеко, и течение в этом месте было быстрым.

Вдруг над водой раздался звук мотора, и пловцы снова энергично направились к берегу. Выбившись из сил, они еле вышли из воды. Ноги у них заплетались. С одежды ручьями стекала вода. Сделав несколько шагов, присели на песок. Дышали они прерывисто, со свистом. Это были крепкие широкоплечие люди с суровыми загорелыми лицами, заросшими бородами. У каждого из них на ремне болтались ножи и пистолеты. Это были югославские партизаны. Только они хотели скрыться в кустах, как мы их окликнули.

— Не прогоняйте нас, братья! — стал просить один из них, кое-как объяснявшийся по-румынски. — Заберите нас, но не отдавайте в руки немцев!

Подняв руки, они вошли в кустарник. Мы узнали, что партизаны скрываются от немцев, которые ночью устроили на острове облаву.

Разрывая хрустальную предутреннюю тишину, из постепенно рассеивающейся мглы, словно из облака дыма, показалась моторная лодка. Недалеко от берега два гитлеровца прыгнули в воду и направились в нашу сторону, шлепая сапогами и ругаясь на своем языке. Булгаре вскочил из кустарника и приказал им остановиться:

— Стой! — крикнул Ион и поднял автомат, сделав решительный жест рукой.

Немцы, однако, и в ус не дули и с гордым, независимым видом продолжали двигаться к берегу. Тогда Бул-

гэре лег на землю и решительно щелкнул затвором. Я тоже вышел из кустов. Увидев меня, гитлеровцы остановились, опасаясь, по-видимому, что нас много. Они стали объяснять, что преследуют zwei Banditen¹, но Булгэре был неумолим: он кричал, что здесь die Grenze² и что если немцы не подчинятся, он будет стрелять.

— Bandit... Bandit! — упрямо твердили гитлеровцы и бросились к кустам.

— Nein! — заорал Булгэре и выпустил автоматную очередь. — Zurück!

Немцам пришлось вернуться назад. Посмотрев еще раз в сторону кустов, они прыгнули в лодку. Грозя нам кулаками и оружием, гитлеровцы пересекли Дунай в обратном направлении. Югославские партизаны благодарно жали нам руки. На их глазах блестели слезы.

— Спасибо, братья, — сказал один из них.

Весь тот день они пробыли в прибрежных кустах. За это время я дважды сбегал на заставу и принес им патроны и хлеба. Вечером партизаны снова перебрались на остров, так как в нашей пограничной зоне им нельзя было оставаться. Булгэре наказал мне никому не говорить об этой истории, а то, мол, подумают бог знает что.

— Ведь это всего лишь люди, которых преследуют, и нам не пристало выдавать их фашистам, — добавил он...

Так проводили мы время на границе в Банате, мучимые тоской по дому, заботами о своих близких. Втайне мы ненавидели гитлеровцев: ведь это по их вине шла война, из-за них погибала наша молодость.

Вечером 23 августа я снова был в дозоре с Ионом Булгэре. Мы прошли мимо нашей сторожевой будки в Коронинях. На середине пути нам повстречались пограничники из Любковы, и теперь мы возвращались на свою заставу. До полуночи, то есть до конца нашей смены, оставалось около часу, и поэтому мы не торопились.

Я шел рядом с Булгэре и рассказывал ему разные истории. Ему нравилось меня слушать. Я всегда немного приукрашивал и то и дело вставлял остренькое словцо, поэтому некоторые истории Ион просил меня повторять по нескольку раз. Я как раз рассказывал ему о некоей Мице Боблете из нашего села, муж которой был на

¹ Двух бандитов. (нем.).

² Граница (нем.).

фронте в Молдове. Она принимала к себе молокососов, у которых и усы-то только что пробивались. За это мы вымазали дегтем стены и двери ее дома. Булгэре хохотал до упаду, а я уже вспомнил другую историю — про Тоадера Дудэ, который приехал домой на побывку и застал жену с другим.

Но не успел я начать, как нам повстречался дозор, и мы узнали, что в пограничной зоне объявлена тревога и что начальник заставы удвоил караулы и дозоры.

— Пусть за нами пошлют еще один дозор, — на ходу попросил старший дозора.

— Да что такое случилось? — спросил Булгэре.

— Говорят, что мы покончили с этой войной и что теперь нужно взять за глотку гитлеровцев...

— Брось ты, не бреши!

— Ей-богу, не вру, — заверил нас старший дозора.

— А сколько сейчас времени?

— Около полуночи... Можете идти на заставу.

Мы побежали. Суета, которая, возможно, была на заставе в первое время, уже улеглась. Пограничники стояли в строю перед зданием заставы, и начальник распределял их по блиндажам, вырытым нами вдоль берега — в кустарнике или под ивами и тополями. Всем уже было известно о сообщении, передававшемся в тот вечер по радио, но никто его не слышал. Начальнику заставы сказали об этом по телефону.

Новость еще не казалась нам абсолютно достоверной, но на всякий случай наша застава заняла оборону на своем небольшом участке границы. В таком положении, готовые к бою, провели мы два дня и три ночи, так как в любую минуту гитлеровцы могли атаковать нас с той стороны, из Югославии.

Меня с Ионом Булгэре и двумя другими пограничниками оставили как раз возле заставы в окопе, отрытом во весь рост. Ион занял место у ручного пулемета, а я готовил ленты; двое других, с винтовками и гранатами, расположились в семи-восьми шагах от нас. Начальник заставы почти все время находился в здании, у телефона. Еще четверо-пятеро солдат заняли позицию на несколько сот метров правее от нас, под старым высоким тополем, который мы использовали обычно как наблюдательный пост; такая же группа расположилась и слева. Остальные были разбиты на дозоры, патрулировавшие

посмеянно вдоль границы в сторону Пожежены и Каронины.

Время от времени командир выходил из здания и сообщал нам что-нибудь новое. Так, мы узнали, что бои идут в Бухаресте, где началось вооруженное восстание, в нефтеносном районе вокруг Плоешти, в Констанце, а также в Бэрэгане и на границе, за Тимишоарой и Арадом. Мы поддерживали связь со всеми заставами вверх и вниз по течению Дуная, так что нам всегда своевременно становилось известно обо всех передвижениях гитлеровцев на этом участке. Но ни в ночь на 24 августа, ни на следующий день ничего особенного не произошло. Только вверх по Дунаю, в сторону Белграда, непрерывным потоком шли немецкие суда. 25 августа их поток вдруг оборвался. Когда мы позвонили на заставы, расположенные вниз по Дунаю, то узнали, что наша военная флотилия перерезала немцам путь в Островул Корбулуй за Турну-Северином и что в это утро потоплено шестьдесят немецких судов. У нас пока стояла полная тишина. Но всех беспокоила обстановка в Тимишоаре и Араде, где, как мы слышали, немцы и хортисты, используя танки, вели бешеные атаки со стороны Венгрии. Казалось, что наша застава так и останется в стороне от боев и нам так и не придется свести счета с гитлеровцами.

— Не беспокойтесь, — сказал как-то начальник заставы. — Если им не удастся пробиться в другом месте, они попытаются пройти здесь, чтобы ударить с тыла по фронту под Тимишоарой, а также по Лугожу и Решице...

Наш командир не был сугубо военным человеком: до войны он работал учителем, до мобилизации был младшим лейтенантом запаса. Вот уже четыре года он служил на границе. И хотя у нашего начальника не было большого военного опыта, он хорошо разбирался в обстановке. Младший лейтенант часто советовался с Ионом Булгаре: они вместе прибыли на границу и понимали друг друга с полуслова. Они предполагали, что от Молдовы Беке, где находилась наша застава, немцы могут подняться до Молдовы Ноуэ или до Решицы или неожиданно опрокинуть фронт под Тимишоарой. Гитлеровцы могут также спуститься вниз по Дунаю до Оршовой и Вырчиоровы и даже до Турну-Северина, чтобы овладеть проходом из Олтении в Банат. Сначала эти предположения казались мне пустой болтовней, однако почти точно так и случилось.

Вот как это было!

Двадцать шестого августа утром снова потянулись немецкие суда, но не вверх по течению, как накануне, а вниз, со стороны Югославии и Венгрии. Как только мы их заметили, сразу же объявили тревогу и по телефону от пикета к пикету сообщили об этом вниз на Оршову и Турну-Северин. Суда обогнули остров и скрылись из виду. Через некоторое время из Корониней нам ответили, что конвой прошел и мимо них. В тот же день караван достиг Оршовы. Здесь немцы высадились и хотели занять город. Начались рукопашные уличные бои. Наши солдаты из 94-го пехотного полка пытались сбросить гитлеровцев в Дунай. Но те были поддержаны огнем судовой артиллерии и мониторов. Упорные бои продолжались несколько дней.

Таким же путем, от пикета к пикету, мы узнали, что и в Турну-Северине идут бои с немцами, отступающими из Олтении. Все население города — рабочие судостроительных верфей, железнодорожники и даже женщины и дети поднялись против фашистов. Гитлеровцы были разоружены и взяты в плен. Немцам не удалось соединиться со своими частями в Оршове и Вырчиорове и занять проход через горы в Банат.

У нас было спокойно и днем и в ночь на 27 августа. Только дальше, на западе, наши пограничники сдерживали гитлеровцев, прорывавшихся вместе с хортистами из Венгрии в направлении Тимишоары и Арада. Теперь мы не сомневались, что немцы попытаются высадиться и на нашем участке, стремясь ударить в тыл румынского фронта в Банате. Все эти дни мы были на чеку, внимательно наблюдали за Дунаем и продолжали отрывать окопы под вербами и возле здания заставы.

И вот, когда было далеко за полночь, на прозрачной глади вод показались силуэты четырех судов, идущих с потушенными огнями и приглушенными моторами. Суда проплыли мимо и скрылись за островом. Мы подумали, что немцы спешат на помощь к своим в Оршову и Турну-Северин, и передали вниз по реке об их приближении. Но спустя некоторое время наши из Корониней, а также дозор, посланный в ту сторону, сообщили, что вниз по Дунаю не прошло ни одно судно. «Но куда же к черту провалились немцы? — спрашивали мы сами себя. — Ведь мы же собственными глазами видели, как они проплывали мимо!»

— Они за островом! — воскликнул Ион Булгаре. — Они притаились там и ждут утра, чтобы атаковать нас...

Именно так оно и было: гитлеровцы хотели нас проведсти, хотели заставить нас подумать, что они удалились, а потом навалиться как снег на голову...

На заре, когда над Дунаем еще висела предутренняя мгла, четыре немецких судна по очереди показались из-за острова. Сначала они проплыли немного вверх по течению, пока последнее судно стало в ряд с остальными, затем, повернувшись в нашу сторону, друг за другом направились к берегу.

Начальник заставы, младший лейтенант Соаре, побежал к телефону, чтобы сообщить об этом в роту и попросить подкрепления. Но рота наша была разбросана на большом протяжении по всему берегу. Другие же части сдерживали гитлеровцев на западной границе. Так что никто в эту минуту не мог дать ни одного человека. Нам посоветовали не терять присутствия духа, потому что немцы делали попытку высадиться и в других местах, но, встретив отпор, отступили.

— А если будут атаковать? — спросил младший лейтенант.

— Держитесь... Удерживайте границу и заставу любой ценой!

Мы стали наблюдать за медленно приближавшимися судами. Начальник заставы смотрел в бинокль, и по нескольким оброненным им словам я понял, что гитлеровцы полны решимости атаковать. Соаре был крепкого сложения, высокий, стройный и плечистый — настоящий пограничник. В то же время мне он казался медлительным и вялым, и я даже побаивался, что младший лейтенант растеряется и мы не сумеем разбить гитлеровцев. Только потом я понял, что именно эта медлительность, за которой на самом деле скрывалась строгая расчетливость, спасла нас.

Гитлеровцы остановили свои суда в трехстах шагах от берега и стали спускать на воду лодки. Немцы находились прямо перед нами и на довольно близком расстоянии для стрельбы, но Соаре запретил пока открывать огонь.

— Пусть все сядут в лодки! — приказал он. — Я дам сигнал!

Долго нам ждать не пришлось, так как гитлеровцы, видно, торопились и направили к нашему берегу сразу по три-четыре лодки от каждого судна. Немцы сидели в лодках рядами, как горошинки в стручке. По нашим подсчетам, гитлеровцев было около трехсот, а нас, как ни считай,— всего лишь двадцать два человека.

— Если б у нас была пара противотанковых пушек,— проговорил кто-то рядом со мной,— живо продырявили бы брюхо их мониторов...

— Тихо! — набросился на него младший лейтенант Соаре.

Немцы все больше приближались к берегу. Наконец начальник заставы повернулся к Булгэре и спросил:

— Как, теперь тебя устраивает?

— Вполне, господин младший лейтенант...

— Огонь! — скомандовал Соаре.

Взорвав утреннюю тишину, пулемет дал несколько коротких очередей. Возле самых лодок поднялись небольшие фонтаны воды. Один из гитлеровцев покачнулся и рухнул поперек лодки. Ион Булгэре выпустил еще несколько отрывистых, но точных очередей и по другим лодкам. Немцы замешкались и остановились. В это время ударили и другие наши пулеметы, а также винтовки и автоматы. На поверхности воды забушевал уничтожающий свинцовый ураган. Гитлеровцы оказались застигнутыми врасплох, и некоторые, кто потрусливее, стали прыгать с лодок. Они отчаянно били по воде руками и, сраженные пулями, шли на дно.

Но вскоре гитлеровцы оправились от замешательства. Их пули начали поднимать прибрежный песок. Одна такая шальная просвистела мимо моего уха. Солдат, находившийся рядом со мной, икнул и мягко свалился в окоп.

— Не обнаруживай себя! — сердито крикнул Иону Соаре.

Заметив, что огонь наш слишком рассеивается, командир приказал стрелять по лодкам по очереди, концентрируя огонь то в одном, то в другом месте. После первых таких очередей одна из лодок накренилась и, набрав воды, перевернулась. Немцы из нее бросились к другим лодкам. Они хватались за борта и плыли рядом.

Мы вели ожесточенный огонь. По поверхности воды, словно серые чугуны, поплыли фашистские каски. Если

бы и дальше дело пошло таким образом, ни одна лодка не добралась бы до берега, а гитлеровцев, которые сумели бы выйти на сушу, мы перещелкали бы всех до одного.

Но, когда от судов отчалила вторая очередь лодок, немцы открыли сильный артиллерийский огонь с мониторов. Застава и берег, вербы и тополя, дома на окраине села, где немцы, видимо, предполагали наши подкрепления, — все перемалывалось взрывами. Берег затянуло дымом и пылью. Один из мониторов вел огонь зажига-тельными снарядами. При взрыве они вспыхивали синим пламенем, поджигая все, даже самую землю. Выбрасывая языки пламени, загорелись здание заставы, небольшой дебаркадер на берегу, крыши домов и тот самый высокий старый тополь, где был наш наблюдательный пост. Еще более опасными оказались мелкокалиберные автоматические орудия, которые стреляли в нас прямой наводкой поверх голов немцев в лодках. Мы вынуждены были притаиться в окопах и пережидать, когда же кончится этот шквал огня. Почувствовав нашу заминку, гитлеровцы осмелели и снова стали приближаться к берегу.

Мы молча наблюдали, как немцы выпрыгнули из лодок и пошли к берегу. Вода им доходила только до колен. Вдруг мы все разом поднялись и с близкого расстояния открыли смертельный огонь. Гитлеровцы остановились и залегли прямо в воде. Но вскоре их ряды опять начали двигаться. Некоторые из фашистов отползли назад и стали обходить нашу заставу с обеих сторон. Немцы стремились окружить нас и отрезать пути отхода в село. Мы сразу разгадали их замысел, но ничего не могли предпринять, так как нас было меньше, чем их в двух-трех лодках.

Много гитлеровцев полегло в это утро, но и наших погибло человек пять. Несколько пограничников было тяжело ранено. Время тянулось мучительно долго. Гитлеровцы все приближались. Клещи вокруг нас сжимались. Пограничники решили удерживать заставу любой ценой, драться до последней капли крови. Наш командир распределил патроны и гранаты и организовал оборону в форме треугольника, в каждой вершине которого находился пулемет. Но силы были неравные, и мы все больше понимали, что, уничтожив нас, гитлеровцы захватят плацдарм на шоссе, ведущем в Решницу и Тимишоару. Чтобы спасти нашу небольшую группу пограничников и в то

же время помешать немцам выйти на шоссе, Соаре изменил решение и приказал отступить на окраину села. Но вырваться из клещей, сжимавшихся вокруг заставы, казалось, было просто невозможно. Любая поспешная, недостаточно продуманная попытка — и гитлеровцы расстреляют нас по одному! Кому-то из нас необходимо было остаться и прикрывать отступление.

— Нужен доброволец, — сказал Соаре, тяжело вздохнув.

Вызвался, конечно, Ион Булгэре.

— Я тоже остаюсь, господин капрал, — взмолился я, так как не представлял себе, как можно расстаться с Ионом.

— Нельзя, земляк! — отрезал Булгэре. — Справлюсь как-нибудь один...

Пограничники стали пробираться вдоль окопов, таща за собой убитых и раненых, ящики с патронами, телефонный аппарат.

— Иди, мужичок с ноготок, — подтолкнул меня Булгэре. Это было его ласковое обращение ко мне. — Иди, расскажешь девушкам из твоего села, как я один сдерживал немцев...

Я хотел обнять Иона, но не успел: гитлеровцы снова пошли в атаку и Булгэре прильнул к пулемету. Младший лейтенант, не говоря ни слова, крепко, по-мужски пожал Иону руку. Соаре тоже тяжело было расставаться с Булгэре: ведь они вместе пришли на заставу, но ничего не подделаешь — нужно идти, чтобы не пропустить гитлеровцев в село и на шоссе. Ползком, стараясь оставаться незамеченными, мы тронулись за остальными.

Гитлеровцы все же почувствовали, что мы ушли с позиций, и хотели броситься вдогонку. Но как только они поднялись с земли, ударил пулемет Булгэре Иона.

В это время начали выходить на берег немцы, которых мы заставляли лежать в воде. Сначала Иону удавалось сдерживать и этих, посылая туда одну-две длинные очереди, но было все же ясно, что долго ему не устоять перед гитлеровцами,седавшими со всех сторон. Немцы перебежками то в одну, то в другую сторону стали продвигаться вперед, и Ион вынужден был все время переносить огонь с одной цепи на другую. Потом немцы вроде бы забыли про заставу. Они поднялись и плотными цепями направились прямо в сторону села. Их цепи при-

ближались со всех сторон, и вскоре кольцо вокруг заставы замкнулось. После этого гитлеровцы открыли неторопливый прицельный огонь как в сторону села, так и в сторону заставы.

Мы уже достигли окраины села и попарно расположились в полусгоревших домах. Начальник заставы послал связного к телефону, чтобы просить помощи со стороны воинских частей, расположенных в Молдове Нуоэ. К нам присоединилось человек пятнадцать из этого села, а также местные жандармы.

Немцы снова пошли в атаку, но и на этот раз мы остановили их на расстоянии двухсот—трехсот шагов от села. Однако младший лейтенант был очень встревожен. Он отозвал меня в сторону, протянул бинокль и послал на чердак одного из домов наблюдать за пограничной заставой.

На чердаке я увидел Ануцу — девушку из этого села. Узнав от солдат, что Булгэре остался один сдерживать гитлеровцев, она поднялась на чердак и, отодвинув в крыше одну из черепиц, со слезами на глазах стала смотреть в сторону пограничной заставы. Щеки девушки горели, большие голубые глаза потемнели от слез. Глядя на Ануцу, я вспомнил о Булгэре Ионе, и сердце мое сжалось. Тогда он весело шутил с ней...

Однажды мы были с ним в дозоре на берегу Дуная. Стоял безветренный, солнечный день. Мы шли по берегу в тени ив и тополей и вдруг слышали плеск воды. Нырнув в кусты, на животе поползли к берегу, не отрывая глаз от реки. В Дунае купались две девушки. Одна отплыла довольно далеко от берега; вторая, Ануца, барахталась в воде почти голая прямо напротив нас.

— Чертовки, — улыбнулся капрал, — опять пришли!

Я хотел было выйти из кустов, но Ион остановил меня. Полюбовавшись некоторое время Ануцей, он бросил в воду рядом с ней комок земли. Девушка испугалась и с плеском присела в воду, скрестив руки на обнаженной груди. Булгэре вышел на берег.

— Опять ты! — сказал он строго.

— Опять, — улыбнулась девушка.

— Все, хватит... пошли на заставу!

— На допрос! — крикнул я из кустарника.

— Не пойду. — Девушка кокетливо, но в то же время с тревогой в голосе тряхнула головой.

— Хорошо, — ответил Булгэре и нагнулся, чтобы собрать в охапку юбки, лежавшие на песке.

— Агрипина! — испуганно закричала Ануца. Потом, не высываясь из воды, подплыла к самому берегу и умоляюще подняла на капрала свои большие глаза.

— Иоане, не шути, прошу тебя!

— Я вовсе не шучу, — ответил Ион с притворной серьезностью и с юбками под мышкой направился в сторону кустарника.

— Иоане! — завизжала девушка и бросилась вслед за ним, забыв о своей наготе.

Я захохотал и запрыгал на месте, как жеребенок, Булгэре не выдержал и тоже рассмеялся, остановившись с юбками в руках и не отрывая глаз от Ануцы. Только теперь девушка сообразила, что она совершенно голая, и торопливо плюхнулась на песок. Все тело ее задрожало. Казалось, она вот-вот расплачется от досады.

— Ну отдай же юбки! — всхлипывала она.

Видя, однако, что Булгэре неумолим, Ануца уже с лукавством стала упрашивать его:

— Ну Иоане... Отдай хоть мою, я тебе подарю платочек!

— Пожалуйста, — сказал Булгэре, и глаза его заблестели. Однако он не нагнулся и вынудил таким образом девушку еще раз подняться, чтобы взять юбку из его рук.

— А теперь дай мне одеться, — попросила Ануца.

— Я должен тебя охранять, — продолжал шутить Булгэре, — чтобы тебя не утащили немцы с того берега.

— Можешь охранять из кустов, — ответила она шаловливо и снисходительно...

Теперь Ануца всхлипывала и глухо вздыхала, а Булгэре Ион на пограничной заставе был окружен гитлеровцами.

Между тем солнце поднялось уже высоко, и Дунай сверкал в его лучах. Немецкие мониторы молча наблюдали за боем, развернувшимся на берегу. Напротив острова на волнах качались разбитые нами лодки. Другие лодки немцы вытащили на прибрежный песок.

— Что с Булгэре? — спросил меня младший лейтенант снизу.

— Там его нет... Я его не вижу.

Еще раз осмотрев в бинокль окоп, в котором остался

Ион Булгэре, я ничего там не заметил: ни Иона, ни пулемета... «Наверное, его схватили гитлеровцы», — подумал я. Однако, внимательно присмотревшись, я понял, что немцы еще не захватили заставу. Их кольцо замкнулось вокруг заставы на расстоянии около ста шагов. Вот фашисты поднялись и бросились в атаку. Но через несколько шагов их цепи снова распластались по земле. Пулемет Иона Булгэре бешено застрочил из дверей здания.

— Он жив, господин младший лейтенант, — закричал я, а девушка снова разрыдалась. — Он отошел в здание заставы.

Тогда Соаре скомандовал: «Огоны!», и все пограничники дали залп — пусть Ион знает, что мы не забыли о нем. Гитлеровцы, залегшие напротив нас, выпустили несколько пулеметных очередей, так что мы не смогли разобрать, ответил ли нам Ион. Но мы видели, как он смел еще одну серую цепь гитлеровцев, окруживших заставу.

Булгэре сэкономил патроны и стрелял только, когда гитлеровцы поднимались с земли. Немцы поняли его хитрость и теперь вставали в атаку не все одновременно, а небольшими группами, по семь-восемь человек. Они хотели заставить Иона стрелять как можно чаще, чтобы у него скорее кончились патроны.

Ион делал теперь по одному меткому выстрелу, каждый раз на землю падал кто-нибудь из фашистов. Я понял, что Булгэре расходовал последнюю ленту и содрогнулся, представив его без единого патрона перед лицом гитлеровцев. На память пришли его слова: «...Расскажешь девушкам из твоего села, как я один сдерживал немцев!» Что я им скажу? Ануца была рядом со мной и сама все хорошо видела!

Ион Булгэре стрелял патрон за патроном. Но вот пулемет его замолчал.

Серые цепи гитлеровцев со всех сторон направились к маленькому зданию нашей заставы. Немцы подходили все ближе и ближе — неуверенно и с опаской: так зверь приближается к желанной добыче, которой боится. Но вот цепи фашистов смешались, и они кучей бросились к зданию. Когда до входа оставалось буквально пять-шесть шагов, в дверях показался Булгэре. Свой пулемет он держал за ствол. Размахивая пулеметом, Ион в одно мгновение уложил нескольких гитлеровцев. Больше я его не видел. Немцы набросились на него как саранча... Алу-

да издала душераздирающий вопль и, закрыв лицо руками, заплакала навзрыд...

— Ну что там? — вывел меня из оцепенения голос младшего лейтенанта. Соаре поднимался наверх. В горле у меня стоял комок, глаза застилали слезы. Младший лейтенант сразу все понял. Он вырвал у меня бинокль и стал смотреть в сторону заставы. Потом Соаре поднес дрожащую руку к глазам.

Во всей пограничной зоне вдруг наступила тишина, тяжелая, напряженная тишина, нарушаемая лишь прерывистыми рыданиями Ануцы.

Заняв полуразрушенное здание заставы, гитлеровцы все свои силы бросили на наши позиции на окраине села. Но теперь нас было больше, мы были хорошо укрыты, а смерть Иона Булгаре ожесточила всех до такой степени, что гитлеровцам не удалось продвинуться больше ни на шаг.

Соаре остался на чердаке, приказав принести ему пулемет. Нахмуренный и молчаливый, младший лейтенант залег за пулемет. Меня он оставил с собой. И так же, как раньше для Иона Булгаре, теперь я готовил ленты для Соаре. Младший лейтенант стрелял сосредоточенно и хладнокровно: терпеливо ждал, когда цепи гитлеровцев поднимутся, и, прищурившись, начинал косить их с края на край, пока тени фашистов снова не прижимались к земле.

Во второй половине дня к нам на помощь прибыли подкрепления из 94-го пехотного полка. Их командир и Соаре решили атаковать гитлеровцев вечером, когда огонь немецкой артиллерии с мониторов не может быть эффективным. Мы хотели обойти издалека и окружить гитлеровцев, засевших вокруг заставы. Но немцы тоже прикинули, что им опасно оставаться на ночь в поле, и пошли в атаку. Мы развернулись в цепь и под прикрытием плотной завесы огня с криками «ура» бросились на фашистов. Через час немцы сгрудились на лодках. Наши пулеметы нещадно косили гитлеровцев. То один, то другой из них находил себе смерть в волнах Дуная.

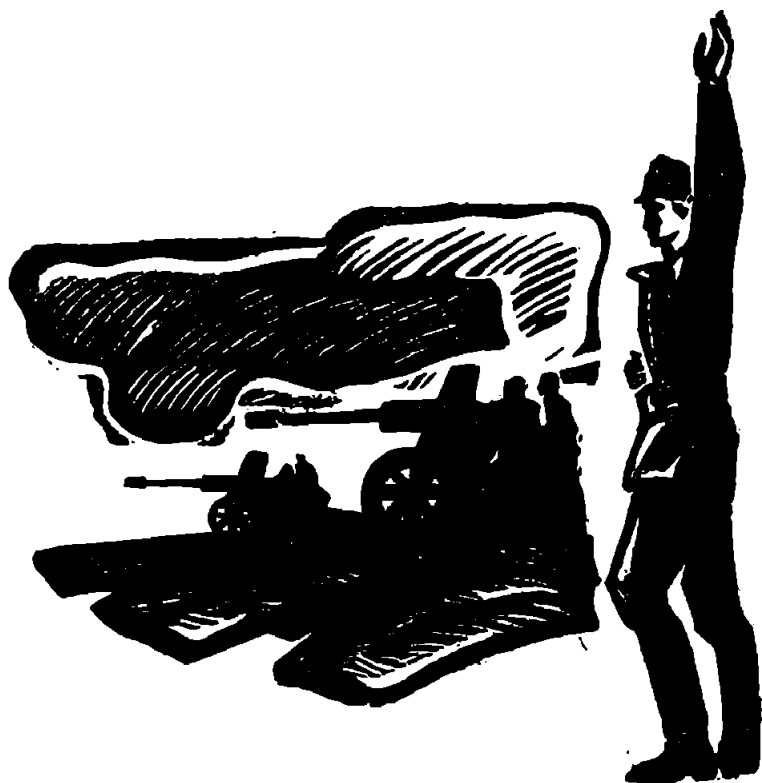
Я вышел из цепи и побежал впереди всех к заставе. Булгаре я нашел около двери. Его труп был растерзан и обезображен, глаза выколоты. Перед таким зверством я содрогнулся. Сердце мое будто окаменело от горя и ненависти. Я мысленно поклялся отомстить за Иона. Придя

в себя, здесь же, в восьми — десяти шагах перед зданием заставы, на том месте, где мы обычно заряжали с Ионом Булгэре оружие, отправляясь в наряд на границу, я начал копать могилу...

Преследуемые огнем пулеметов и орудий пехотинцев из 94-го полка, гитлеровские суда поспешно двинулись вверх по Дунаю. Пограничники во главе с Соаре, жители села и Ануца, придя на пограничную заставу, так и замерли, увидев труп Булгэре. С тяжелыми думами мы похоронили Иона. На могилу его положили каску и дали несколько залпов в воздух в знак признательности и прощания. Теперь и Ануца уже не плакала...

Ныне пограничная застава носит имя Иона Булгэре. На его могиле — всегда цветы. Ветер с Дуная шепчется в листьях и сливается с мягким всплеском волн. Вода и земля, тополя и цветы, спокойное дуновение ветра — все слагается в песню о герое, и эту песню, конечно, лучше всех понимают пограничники...

ГОЛУБАЯ БАТАРЕЯ

Рассказ инженера

Сам до сих пор не пойму, что за странный у меня характер. Я никогда сразу не вижу вещи и явления в их подлинном свете. В итоге это мешает мне понять истинный смысл событий и вовремя прийти к правильному решению.

Так случилось и 23 августа 1944 года. В этот день я был расстроен и вечером не зашел, как обычно, на завод, чтобы оставить свой рапорт. С полигона я направился прямо домой, надеясь, что завтра смогу супутть рапорт в папку командира до его прихода. Мне нужна была целая ночь, чтобы лучше осмыслить все случившееся на полигоне.

Удрученный и мрачный, я пошел пешком. Я, конечно, отдавал себе отчет в том, что все, о чем мне стало случайно известно, имело очень важное значение. Наш завод производил орудийные спаряды для фронта и был на военном положении, а я, мобилизованный как офицер

артиллерии, входил в состав комиссии по контролю и приемке снарядов.

«Кто знает, — думал я по дороге, — что скрывается за подобными действиями рабочих? Не окажусь ли я из-за этого перед военно-полевым судом?» И с другой стороны, я вспоминал окруживших меня на полигоне рабочих. Они стояли задумчивые, молчаливые, испытующе и в то же время дружески глядя на меня...

Как же все произошло? Утром, как обычно, я отобрал по определенному расчету пятьдесят снарядов из партии, приготовленной к отправке на фронт, и поехал на полигон определять их годность на разрыв. Только я один из военной приемочной комиссии бывал на полигоне: остальные офицеры и техники были распределены по цехам завода, чтобы непосредственно наблюдать за всем процессом производства снарядов. На полигон со мной ездили только рабочие, с которыми я вот уже два месяца ежедневно работал вместе.

Конечно, стрельба при полигонном испытании снарядов преследует совершенно иные цели, чем на фронте. Нас не интересовал ни сам процесс стрельбы, ни ее эффективность. Мы следили только за качеством снарядов, и главное для нас было, происходит ли взрыв согласно условиям поставки. Кроме орудий, на полигоне ничего не было: ни гониометра, ни оптического прицела, ни планшета, ни карты. Да и орудия-то были самые старые и изношенные. Естественно, никакого расчета стрельбы мы не делали: загоняли подряд снаряды в казенник, выстреливали, отмечали разрыв и время от времени исследовали разлет осколков. Более специальные моменты, связанные с военной техникой и необходимые для приемочного акта, я отмечал сам. Рабочие, приставленные к трем семидесятипятимиллиметровым орудиям, хорошо освоили это дело и механически выполняли свои обязанности. Казалось, они и не задумывались, как ведется стрельба на войне.

В этот день по прибытии на полигон рабочие, как обычно, сразу же бросились к орудиям. Все операции, как всегда, выполняли рабочие. Я только наблюдал за стрельбой, осматривая место разрыва снарядов, и заносил, что необходимо, в записную книжку. Партия, из которой были выбраны снаряды, оказалась очень хорошей, так что в полдень я мог спокойно уехать в офицерскую столовую.

Оставив рабочих продолжать стрельбы, я сел в заводскую машину. Шофер Мику Дан, высокий, худощавый парень с продолговатым смуглым лицом и черными блестящими глазами, по характеру был молчалив и даже несколько суров, но зато ловок и сообразителен.

— Когда за вами приехать? — спросил он меня с интересом.

— Примерно через час.

— Я хотел бы тоже заехать домой, — попросил он.

— Ну тогда через полтора часа, — разрешил я.

Вернулся он с опозданием — почти через два часа. Ожидая его на дороге, я заметил, что машину он вел на большой скорости. На полигоне теперь было тихо и пустынно. По словам рабочих, только один снаряд не разорвался как следует: коснувшись земли, стал шипеть и дымить, а затем, подпрыгнув, лопнул, как грецкий орех. Один из рабочих, Сасу Иоан, самый старший по возрасту, принес мне обе половинки снаряда. Я долго разглядывал и измерял их. Снаряд, видимо, скатился с транспортной ленты и не выточился изнутри, так как у него оказались слишком толстые стенки. «Случается и такое!» — успокоил я сам себя.

За час до отъезда с полигона, когда делать уже было нечего, я принялся пересчитывать выстреленные сегодня гильзы: мы сдавали их на завод также по счету. Подойдя к куче гильз, я сразу же обратил внимание, что их меньше, чем нужно. Я несколько раз обошел собранные гильзы, а затем разбросал их ногой. Гильзы с шумом раскатились. Я внимательно пересчитал их одну за другой, и у меня перехватило дыхание: недоставало двадцати штук! «Где же они? — испугался я. — Кто их взял? Зачем? Когда? Взяты гильзы или снаряды?»

Я быстро направился к рабочим. Они испытующе уставились на меня.

— Идите сюда, — позвал я их сердито.

Первыми подошли Сэкарюну, Сасу и Моря: они отвечали за орудия. Другие рабочие не спеша тоже приблизились к нам. Я заставил Митэ Никулае пересчитать гильзы. Митэ исполнял обязанности оружейной прислуги при одном из орудий. Грузный, с полным лицом и густыми, пышными волосами, он мелким шагом подошел к гильзам и с нарочитой медлительностью начал их считать. Он, конечно, тоже насчитал тридцать гильз.

— Где остальные? — испуганно спросил я.

— Мы все их выстрелили, господин лейтенант, — самоуверенно ответил Сасу Иоан, но в уголках его губ мелькнула едва заметная усмешка. Немного подумав, он добавил: — Остальные двадцать гильз Мику Дан отвез на завод.

— Это правда, — подтвердил шофер. Ему-то я уж не мог не верить.

— Немедленно привези их назад, — приказал я.

Почесывая затылок, Мику Дан сел в кабину. Было видно, что он попал в затруднительное положение. И все же примерно через час он вернулся с двадцатью стреляными гильзами. Каким образом он взял их с завода, я до сих пор не представляю. «Положение усложняется, — подумал я, все больше волнуясь. — У них наверняка контакт с экспедицией!..» Теперь я уже был твердо убежден, что рабочие взяли не гильзы, а снаряды. «Но зачем они им нужны? — думал я встревоженно. — Один патрон, два, десять, даже ящик патронов — можно еще понять... Но двадцать снарядов?.. А если они каждый день брали по двадцать снарядов?..»

Голова у меня шла кругом. Как ни прикидывай, а мне отвечать за утайку снарядов!

— Везите гильзы на завод, — проговорил я растерянно. — Сдайте их по акту. — И повернувшись, пешком направился к себе домой.

На Тоханском нагорье даже летом вечер наступает очень рано. Сразу после обеда солнце заходит за голые хребты Бучеджских гор и совсем теряется за высокой прямой сероватой вершиной Пятра Крайюлуй. Вот и сейчас легкая вечерняя пелена уже покрывала равнину. Всю дорогу я думал о случившемся на полигоне, но так и не принял никакого решения. Вот уж и высокие, тяжелые ворота моего дома (в наших краях дворы, как крепости, огорожены каменными стенами). В раздумье я остановился. Мне, конечно, было ясно, что кража снарядов обязательно связана с какими-то тайными делами, о которых я не знал, хотя кое-что с некоторых пор и подозревал. «До завтра еще есть время», — успокаивал я сам себя.

Сзади меня пронзительно закрипели тормоза. Из заводской машины выскочил шофер Мику Дан и загородил мне дорогу. Я не мог себе представить, что взгляд чело-

века может сказать так много. В черных блестящих глазах Мику Дана я прочитал скрытую просьбу и в то же время твердую уверенность, суровую решимость и едва уловимую угрозу. Мне стало не по себе от этой молчаливой, напряженной очной ставки, и я попытался обойти шофера, но он снова преградил мне путь, прислонившись спиной к воротам.

— Господин лейтенант, — начал он, — я говорил вам уже... Вы инженер... и так или иначе вам придется быть с нами, с рабочими... Это я говорю для того, чтобы вы хорошенько подумали, что вам следует делать.

Меня рассердил его тон, и я вновь попытался обойти шофера. Да я и не знал, что ему ответить, так как он застал меня врасплох. Мику Дан вскочил в кабину и уехал. Я задумчиво смотрел ему вслед. Мне вспомнилось, что однажды я уже слышал эти слова от него же...

Диплом инженера я получил только весной этого года. Выпуск состоялся на несколько месяцев раньше срока, в лихорадочной спешке: фронту срочно требовалось пополнение. Военную подготовку я прошел в политехническом училище, а затем был мобилизован как лейтенант артиллерии и направлен на фронт. У меня не было никакого желания сражаться. Войну я не понимал и не хотел умирать, тем более за гитлеровцев.

К счастью, я и не успел доехать до фронта. В полку меня ожидал приказ генерального штаба: я отзывался на курсы в город Тыргушор, около Плоешти, для специализации в зенитной артиллерии. Если бы было можно, я бы находился на этих курсах до конца войны. Хотя нас и считали мобилизованными, но мы были далеко от фронта, а англо-американская авиация, регулярно бомбившая Плоешти, наносила удары главным образом по нефтеперерабатывающим и другим заводам.

Утром мы положенное время занимались около орудий, а после обеда изучали схемы и расчетные формулы стрельбы по воздушным целям. Мы, офицеры, знали уже все это и бесполезно убивали время, но нас устраивала тыловая жизнь, и каждый в душе надеялся, что, может быть, пока мы учимся, война окончится. Конечно, нам не нравилось, что инструкторами у нас были гитлеровцы. Наглые, полные тевтонской надменности, в фашистской форме со свастикой и германским орлом, они выводили нас из себя, но нам приходилось их терпеть.

Больше всех я ненавидел верзилу Дитцера. Он всегда держался высокомерно, затянутый будто в корсет, и приветствовал нас, поднимая лишь один палец. Однажды, когда я был дежурным офицером по школе, мы решили проучить Дитцера. В начале первого часа занятий, когда Дитцер вытянулся по стойке «смирно», подняв правую руку для гитлеровского приветствия, я отказался отдать ему рапорт — по той простой причине, что он был ниже меня по званию. Немец подпрыгнул, как ошпаренный, и побежал жаловаться руководителю гитлеровских инструкторов и начальнику школы, румынскому полковнику.

Вернулись они все втроем, и я, приказав офицерам встать, отдал по всем правилам устава рапорт полковнику. Дитцер провел занятия в присутствии двух начальников. Он был зол и все время бросал косые взгляды в мою сторону. Конечно, после этого меня на несколько дней арестовали и предупредили, что при первой же нарушении дисциплины отправят в распоряжение генерального штаба, то есть на фронт. «Хорошо, господин Дитцер, — говорил я. — Я еще тебе покажу...»

Примерно через две недели, когда Дитцер написал на доске математическую формулу авиационной бомбардировки, я, прикинувшись незнающим, спросил его, как она выводится.

— Вам это не надо знать, — сказал Дитцер на ломаном румынском языке, пытаясь уклониться от ответа.

— Но мы же офицеры, — горячился я, так как чувствовал, что немец не знает, как ответить.

Тогда я вышел из-за парты, взял мел из рук Дитцера и в течение часа до прихода следующего преподавателя покрыл доску дифференциалами и интегралами, выводя формулу. Все это время Дитцер стоял как вкопанный, красный как рак. От его тевтонской надменности не осталось и следа. Конечно, за такой поступок меня сразу же откомандировали в распоряжение генерального штаба.

Высшие чины в Бухаресте как следует отчитали меня и дали понять, что в моем поведении не было никакого героизма. Однако на фронт меня все же не отправили. Пока генеральный штаб решал мою судьбу, я разместился в ближайшем доме офицеров на улице Кобалческу. Каждое утро я должен был являться в штаб к одному майору, у которого числился в списке. Я заходил к нему

ежедневно много дней подряд, но майор каждый раз как будто бы с сожалением говорил:

— И сегодня у меня ничего нет для тебя...

Я почтительно приветствовал его и, довольный, уходил, надеясь, что и завтра будет так же. «Может, и война кончится!» — тешил я себя. Так прошло три недели. Но однажды утром тот же майор поспешно провел меня в кабинет полковника.

— Все решено! — таинственно шепнул в коридоре майор, будто оказывая мне услугу по моей личной просьбе.

— Ты едешь в Германию, — без всяких предисловий объявил полковник. — На специализацию, — добавил он. — Вот обязательство!

Он протянул мне формуляр на мое имя со всеми документами об откомандировании в Германию. Формуляр осталось только подписать. Я и по сей день не знаю, о какой специализации шла речь и на какое время я должен был уехать, так как не стал читать формуляра. Положив бумагу на стол, я тихо, но довольно решительно ответил, что не поеду в Германию. Полковник сделал майору знак оставить нас одних и, немного помолчав, будто подбирая слова, откровенно объяснил мне, что на специализацию посылают лучших офицеров и специалистов, таким образом спасая их от фронта.

— Если вы действительно хотите этого, — в замешательстве проговорил я, — то можете найти другую возможность... без отправки меня в Германию...

— Хорошо, — кивнул полковник. Мой ответ, видимо, понравился ему. — Зайди ко мне завтра утром.

Так я попал в военную комиссию по приемке оружейных снарядов на заводе «Роджифер» в местечке Тоханул Веке, около Брашова. Здесь я успел подружиться со многими рабочими. Они хорошо знали свое дело, и им нравилась моя неприязнь к гитлеровцам.

Больше всех я привязался к шоферу Мику Дану. Смелый и решительный, он и сам искал сближения со мной. Между прочим, это он нашел мне комнату, а это в то время было очень трудным делом, так как ближние села были переполнены рабочими с заводов и беженцами из Брашова и Бухареста. Направляясь на завод, Мику Дан заезжал за мной по утрам и очень часто отвозил домой и вечером. Иногда он задерживался у меня и заводил раз-

говор о войне, о фашистах, о работе на заводе, о тяжелой и мрачной обстановке, в которой находится наша страна.

От Мику я узнал однажды, что за моей работой пристально следят. В тот вечер он зашел ко мне очень поздно. Убедившись, что мы одни, он вытащил из кармана какие-то бумаги и дал их мне прочитать. У меня мороз по коже прошел. Это было донесение агента секретной службы с резолюцией на немецком языке. Этот документ информировал отдел кадров завода о том, что я настроен антигитлеровски, что отказался ехать в Германию и что поэтому необходимо «пристально следить за всей моей деятельностью».

— Откуда ты взял это? — запинаясь, спросил я.

— Это не имеет никакого значения, — ответил шофер.

— И что ты хочешь сделать с этой бумагой?

— А вот что...

Взяв у меня донесение, Мику Дан молча разорвал его на мелкие кусочки. Я растерянно смотрел на него. Мику Дан подошел ближе, взял меня за руку и впервые в тот вечер я услышал от него:

— Вы инженер... и так или иначе вам придется быть с нами, с рабочими...

И теперь, открывая ворота, я вспомнил тот ночной разговор. Войдя в дом, я плюхнулся на стул и задумался. «Между всеми этими случайностями, — рассуждал я, — существует связь, о которой я пока ничего не знаю... Кто-то вывез оружейные снаряды с полигона... Я же отвечаю за это!.. Кто стоит за этими действиями? Что я должен делать?..»

С такими мыслями просидел я до позднего вечера. Наконец, решившись, написал об этом дне рапорт, не упоминая о двадцати украденных с полигона снарядах, и улегся спать. Но сон не шел. Размышляя о случившемся, я курил сигарету за сигаретой. Вдруг на дворе слышались чьи-то шаги. Кто-то нетерпеливо постучал в окно:

— Господин лейтенант... Господин лейтенант, поднимайтесь!

Это был Мику Дан. Охваченный тревогой, я мигом соскочил с постели и открыл дверь.

— Одевайтесь, — поторопил меня Мику дрожащим голосом, — пойдемте с нами!

Я даже не спросил, куда нужно идти. Пока я одевался, шофер взволнованно сообщил, что в этот вечер в Бухаресте началось вооруженное восстание, что мы порвали с гитлеровцами и теперь должны выступить против них...

Эта весть показалась мне сначала неправдоподобной: ведь шла война и страна переполнена гитлеровцами. Но рассуждать было некогда. Достаточно было того, что я ненавидел захватчиков и горел желанием отомстить им. Уже одно это заставило меня пойти с Мику Даном. По дороге, вглядываясь в темноту, шофер рассказывал, как началось вооруженное восстание в столице, как был задержан Антонеску, как рабочие и армия начали первые бои с гитлеровцами. Мику Дан знал также, что части Красной Армии прорвали фронт под Яссами и Кишиневом, что гитлеровцы отступают на юг, в горы, в Трансильванию.

— Вы представляете, — горячился шофер, — что будет, если им удастся занять такой город, как Брашов?

Этот вопрос окончательно дал мне понять, что все происходящее — не сон, а самая настоящая реальность. Действительно, если немцы захватят Брашов, это отрицательно скажется на судьбе восстания. Трансильвания до Карпат сразу тогда очутится в руках гитлеровцев и хортистов, а это значит, что в распоряжении противника будет вся промышленность Трансильвании, ее военные заводы, крупнейший авиационный завод и мощная радиостанция. Кроме того, Брашов связывал эту часть страны с долиной Праховы, с нефтеносными районами Плоешти, а там было гитлеровцев. Занятие Брашова обеспечило бы немцам самую короткую связь с Бухарестом, где развернулось вооруженное восстание, а отступающим гитлеровским войскам предоставило бы надежное укрытие для перегруппировки. Таким образом, следовало ожидать, что Брашов станет главной целью гитлеровских войск, расположенных севернее города и за Мурешом.

— Что мы должны делать? — спросил я подавленно. Только теперь мне стало ясно, какая большая ответственность возлагается на нас.

— Прикроем дорогу со стороны Рукэра и Брана, — ответил Мику Дан.

Автомобиль, закрипев тормозами, резко остановился посреди шоссе, которое уходило налево в сторону гор. Сзади нас был Рышнов, за ним — Брашов, впереди —

Тоханул Ноу, а за ним — крепость и село Бран. Машину быстро окружили рабочие. Большинство из них я знал, но были здесь и незнакомые. В наступившей тишине Мику Дан обратился ко мне:

— Господин инженер, мы хотели бы, чтобы вы отвечали за батарею...

— Какую батарею?

— Мы захватили с собой орудия с полигона! — сказал Сасу Иоан.

Мне показалось, что он даже улыбнулся, видя мое изумление. Рабочие с гордостью показали мне орудия, которые стояли поперек шоссе, немного впереди нас, образовав нечто вроде баррикады. Вокруг орудий снова-ли тени рабочих. Да, это действительно были наши орудия с полигона. Ошеломленный, я не мог проронить ни слова. Мику Дан оставил меня среди рабочих, а сам вскочил в машину и поехал за снарядами.

«Что это за батарея? — думал я, осматривая орудия. — Орудия старые. Ведь их привезли с фронта на ремонт... Люди не обучены... Полигон — это не фронт... Нет необходимых приборов для наблюдения и расчета стрельбы, ни телефона, ни... У нас даже ни одной винтовки нет. Только у меня — пистолет на боку... А немцы вооружены, конечно, до зубов и полны решимости любой ценой прорваться к Брашову!»

— Будем сражаться, как сможем! — проговорил Гаврилэ Моря, угадав мои мысли.

— Нам надо спешить, — сказал Митэ Някулае. Он был у нас в артиллерийской прислуге. — А то поздно будет...

Теперь я отчетливо понимал, что должен присоединиться к рабочим, хотя в глубине души мне не верилось, что мы одни и с такими паршивыми орудиями сможем остановить гитлеровцев. Я приказал каждому занять свой пост и ждать распоряжений. Вместе с командирами орудий мы осмотрели шоссе. Немцы будут идти со стороны гор. Сзади, в стороне Брашова, было тихо и пустынно. Темный горизонт сливался с шоссе. По этой дороге я проходил два раза в день и подробно знал окрестности, но теперь нужно было осмотреть все глазами командира.

Местность была открытой со всех сторон. «Стрелять нужно только прямой наводкой, на глаз! — размышлял я. — Впрочем, рабочие и не умеют по-другому. Впереди

нас никого нет. Значит, мы можем открыть огонь только тогда, когда сами увидим немцев. Но нужно будет стрелять очень быстро, снаряд за снарядом, не давая гитлеровцам опомниться».

— Надеюсь, вы умеете стрелять? — озабоченно спросил я Морю.

— Как на полигоне, — уверенно ответил он.

— Но быстро... быстро, как пулемет! — потребовал я.

На мой взгляд, по-настоящему умел стрелять только Поале. Во время стрельб на полигоне он был у нас наводчиком. Поале попытался меня успокоить, признавшись, что иногда между делом он проводил нечто вроде тренировочных стрельб.

— Десять тысячных — вправо! — показал он мне рукой. — Влево — двадцать! На сто — ближе... На семьдесят — дальше!.. Это мы можем...

Я вспомнил, что на полигоне Поале всегда интересовался, как считаются и как устанавливаются тысячные на прицельных приборах орудий. Был и такой случай. Однажды после обеда рабочие попросили меня разрешить наводчикам «посоревноваться между собой на бутылку вина с сифоном». Они приволокли на полигон сучья ветел и по очереди стреляли в них. А потом мы все вместе распили «выигранное» Поале вино. «Так вот что означало это!» — Только теперь я понял, зачем все это нужно было рабочим...

— Этого недостаточно, — сказал я Поале более спокойно.

Я стал проверять, как установлены орудия. Как я уже говорил, рабочие сгрудили их все на шоссе. Таким образом, батарея стала удобной мишенью. Я объяснил рабочим, что сила батареи — в том, чтобы орудия все одновременно могли стрелять по шоссе.

— Немцы должны натолкнуться не на орудия, а на их огни! — сказал я в заключение. — Одно орудие останется на шоссе... Два других — по сторонам на сто шагов... А теперь смените позиции, — приказал я.

Меня по-настоящему удивило, что рабочие действовали так, будто давно были солдатами. Они быстро перевезли через кювет два орудия и установили их стволами в сторону шоссе. Когда я обозначил место для каждого орудия, рабочие молча и быстро вырыли окопы. Из земли виднелись только стволы орудий. Мику Дан выгружал

ящики со снарядами на шоссе и снова уезжал. Рабочие складывали боеприпасы позади орудий. Я определял рубеж огня.

Вместе с Мику Даном приехал незнакомый мне рабочий. Он был молод, высок, худощав, говорил спокойно и твердо. Соскочив с автомашины, он сразу же направился ко мне и попросил показать батарею. Мы прошли к каждому орудию. Рабочие с ним здоровались, как со старым знакомым.

— Знайте, что позади вас никого нет! — сказал мне незнакомец, прощаясь. — Войск у нас мало, и мы должны их использовать в первую очередь на границе... Ваша задача — не пропустить ни одного гитлеровца. Их и так достаточно в городе!

Я был горд оказанным мне доверием и в то же время не знал, кто это был. Мику Дан увез гостя на своей грохочущей машине обратно в город. Мне сообщили, что это был один из тех коммунистов города, под руководством которых рабочие и армия поднялись против гитлеровцев.

Я еще раз осмотрел сектор обстрела каждого орудия и остановился около Сасу Иоана, не сводя глаз с шоссе. Меня заинтересовало, когда же рабочие додумались использовать орудия с полигона. Мне рассказали, что батарея подготовлена уже давно и каждый из рабочих хорошо знает свои обязанности: наводчика, заряжающего или подносчика снарядов.

— А как же с боеприпасами? — спросил я.

— А какое теперь это имеет значение? — улыбнулся Сасу Иоан. — Ведь сейчас мы можем брать их на заводе сколько угодно!..

Действительно, об этом не нужно было спрашивать: с устранением Антонеску и развертыванием вооруженного восстания в Бухаресте вся страна поднялась против захватчиков.

С рассветом на шоссе началось некоторое движение. Промчалось несколько машин с продуктами. Мимо нас из города проскрипело несколько повозок, груженных домашним скарбом. Это удирали в горные селения те, кто боялся совершившегося в стране переворота. Из ближайших сел крестьяне везли на базар корзины и ящики с зеленью. Эти люди почевали в поле и наверняка еще ничего не знали о вооруженном восстании. Мы никого не останавливали. Вскоре на шоссе появились рабочие. Не-

большими группами, молча они направлялись в город и в окрестные села, куда перемещены были некоторые заводы. Проходя мимо нас, рабочие бросали в нашу сторону многозначительные взгляды.

Уже совсем рассвело, а немцы на шоссе все не показывались. День обещал быть жарким и солнечным. Над прямыми и серыми гребнями горы Пятра Крайулуй раскинулось чистое небо. Вот поднялось солнце. Вся долина наполнилась светом. Рабочие на батарее держались бодро и уверенно. Они радовались, что ночь прошла спокойно. Но я-то знал, что было бы лучше, если бы мы ударили по гитлеровцам ночью, потому что тогда противник не смог бы сразу определить наши силы. Кроме того, я не мог себе представить боевую батарею без солдат в форме. Как никак, а военная форма придает больше уверенности: она как бы укрепляет единство воли и действий солдат. А когда я при свете наступившего дня увидел свою пеструю батарею, у меня больно сжалось сердце. Рабочие были одеты кто как: кто в замасленные комбинезоны, кто в потрепанные костюмы, а некоторые были только в брюках и рубашках.

— Чтоб никого не было в белой одежде! — крикнул я.

В кювете дороги я собрал командиров и показал им группу деревьев, что росли на шоссе на расстоянии четырехсот — пятисот шагов от нас. Только когда гитлеровцы подойдут к этим деревьям, мы откроем огонь. По моему приказу наводчики стали тренироваться по указанным ориентирам. Я подавал им команды для стрельбы, все время переносил точку наводки то ближе, то дальше, то в одну, то в другую сторону от группы деревьев. Орудия не заряжали, делали только спуск с боевого взвода. Рабочие многое не умели, но они из всех сил стремились подражать настоящим солдатам.

— Давайте еще разок, господин инженер, — просили меня они.

Вдруг из города донеслись выстрелы и короткие пулеметные очереди. Затем раздались глухие взрывы гранат или орудийных снарядов. Огонь то прекращался, то возобновлялся, то ближе к нам, то дальше. Было ясно: в городе начался бой с гитлеровцами...

Молчаливые и озабоченные, мы прислушивались к стрельбе. В это время из города приехал Мику Дан. Он привез нам два мешка хлеба и связку копченой колбасы.

От него мы узнали, что в городе начался настоящий бой. Гитлеровцы окружили здание телефонной станции и телеграфа, забаррикадировали несколько улиц и создали опорные пункты в домах и на перекрестках дорог. У Бартоломеевского вокзала немцы вели ураганный огонь. Они установили контрольные посты на стадионе, около резинового завода, вокруг Бартоломеевской церкви, на бензохранилище, на пивоваренном заводе Дырсте, на улицах Мурешану, Прунду, Г. Дима, Каля Бэрнуций, на складе боеприпасов и перед военным клубом. Гитлеровцы заняли холм Вартхе и склоны гор Тымпа и теперь дрались за Брашовский вокзал, аэропорт Гимбав и радиостанцию Бод.

— Черт знает, откуда их столько взялось, — с ненавистью процедил сквозь зубы Мику Дан.

— Ну а наши? — спросил кто-то из рабочих.

— Наши везде, во всем городе! — успокоил нас Мику Дан. — Армия и рабочие отряды действуют все более организованно...

— А как Бухарест?

— В наших руках... Там битва началась вчера вечером, но сейчас оттуда нет вестей. Из-за боев в Кымпине и Плоешти прервана связь...

Рабочие столпились вокруг Мику Дана. Всех взволновал его рассказ о схватках с гитлеровцами. Мы понимали, какой размах принимали эти бои. Какое-то время все молчали, а затем стали расходиться к своим орудиям. Гитлеровцы на шоссе все еще не показывались, и мы начали терять терпение. Меж тем наступило время обеда. Мику Дан обошел всех и разделил хлеб и колбасу. В этот момент на сером полотне шоссе мы увидели бегущую к нам девушку. Она отчаянно махала рукой. Косы ее разлетались в разные стороны. Девушку послала телефонистка из Тоханул Ноу, которая сумела установить связь с селами в горах и узнала, что через Рукэр к Брашову прошло около сорока немецких автомашин.

— Вот и наш черед пришел, — проговорил Мику Дан.

— К орудиям, — приказал я.

Девушка ушла обратно в село. Я залег с биноклем на краю кювета возле орудия Сасу Иоана. Мику Дан был рядом со мной. Я подсчитал, что гитлеровцы появятся не раньше чем через час, и несколько раз повторил команду на упражнение для прицеливания, чтобы вывести рабочих из напряженного состояния.

К полудню солнце накалило асфальт. Нас мучила жажда. В это время мы и увидели вдаль силуэты первых немецких машин. Колонна шла ровным ходом. Машины двигались настолько близко друг от друга, что казались связанными. «Немцы не встретили пока на своем пути сопротивления, — размышлял я, — и, видимо, уверены, что так доедут до Брашова!..»

Колонна постепенно выползала из села и все больше и больше входила в зону досягаемости огня наших орудий. По моим подсчетам, гитлеровцы прошли расстояние, равное примерно расстоянию от Питешти, Плоешти или Тырговиште до нас. Может быть, они двигались даже из Бухареста. В долине Праховы дорога блокирована, поэтому они взяли путь на Рукэр. Значит, они действительно намереваются сосредоточиться в Брашове... «Ну ладно, мы вам покажем!» — горячился я. Мои руки, сжимавшие бинокль, слегка дрожали. — «Эх, если бы я мог быть сейчас у каждого орудия!» — По правде говоря, я немного сомневался в боеспособности рабочих...

Гитлеровцы нас не замечали и, убежденные, что шоссе свободно, выехав на открытое место, увеличили скорость движения. Колонна молниеносно приближалась к нам.

«Еще рано, — прикидывал я. — Если мы откроем огонь сейчас, немцы рассредоточатся и могут окружить нас...»

— Господин лейтенант, — окликнул меня Мику Дан.

— Тихо! — не отрывая бинокля от глаз, твердо сказал я, давая понять, что достаточно владею собой и осознаю, что делаю. «И слишком близко нельзя их подпускать, — лихорадочно соображал я. — Впереди нас никого нет!» Я быстро подполз ближе к орудию Сасу Иона. «Если мои наводчики не попадут в цель, — решил я, — буду стрелять сам!» Колонна автомашин подошла к намеченной нами группе деревьев.

— Внимание! — крикнул я. — Огонь!

Воздух застонал, содрогнувшись. Все три снаряда попали в цель. Не дожидаясь, когда шоссе очистится от дыма, мы дали еще залп всей батареей. Нужно было сразу опарашить противника! Затем расчеты орудий стали стрелять без команды, посылая снаряд за снарядом, стремясь держать фашистов под непрерывным огнем. Головные машины загорелись. Красное пламя и густой дым окутали колонну. Но яркое солнце просвечивало эту дымовую

завесу, и мы хорошо видели мечущихся гитлеровцев. Не удержавшись, я сам выпустил три снаряда в кучу пемцев, пытавшихся сгруппироваться. Другие орудия продолжали стрелять по шоссе вдоль колонны.

Вскоре застрочили пулеметы гитлеровцев. Пули свистели над нашими головами. Одна очередь прошла асфальт почти у самого орудия, из какого стрелял я. «Завязывается бой, — волновался я. — А у рабочих-артиллеристов нет ни одной винтовки». Я показал наводчику Поале в сторону немецких пулеметов. Поале навел, и снаряд угодил прямо в цель. Радостный крик пропелся над батареей. И вдруг мы увидели, что гитлеровцы, столпившись на шоссе, подняли руки вверх. Я приказал прекратить огонь.

Гитлеровцы бросили оружие в кювет и построились на шоссе. Я встал во весь рост и пистолетом сделал им знак приблизиться. Затем в сопровождении Мику Дана и еще нескольких рабочих пошел навстречу немцам, готовый в случае необходимости стрелять в офицеров, шедших группой впереди. Но гитлеровцы, видимо, поняли, что любое сопротивление бессмысленно!.. Рабочие окружили немцев и, подобрав брошенные ими автоматы, повели колонну пленных к Рышнову...

Артиллеристы молча, с ненавистью следили за этой серой толпой. Гитлеровцы шли, заплетаясь, утомленные жарой и бессонницей. Каски они держали в руках, кители расстегнули, только взгляды их еще сохраняли надменность...

Нам нельзя было терять времени. Я приказал всем вооружиться немецкими автоматами и расчистить шоссе, чтобы встретить как полагается и другие гитлеровские колонны, которые, конечно, тоже направляются к Брашову...

* * *

Но ни в тот, ни на следующий день со стороны Брана не появилось ни одной колонны. Несколько одиночных машин, которым удалось прорваться из-за гор, мы остановили, не сделав ни единого выстрела, и безо всяких осложнений разоружили гитлеровцев. Только одна машина, где ехали фашистские офицеры, оказала нам сопротивление. Мы открыли огонь из автоматов. Из всех немцев в живых остался лишь солдат-ординарец.

В эти дни армия и рабочие отряды завершили разгром гитлеровцев в городе и его окрестностях — в аэропорту Гимбав, в Боде и Фельдиоаре, так что в субботу 26 августа 1944 года почти во всей Цара Бырсей, как называют долину этой реки, было спокойно. Мы получили разрешение вернуться на завод, и в полдень сотни рабочих встречали нас цветами и криками «ура». Уставшие, но веселые, мы уселись за приготовленные столы. Здесь мы встретились с тем художавым рабочим, что приезжал к нам на батарею. Он был чем-то озабочен. Оказалось, освобожденному городу грозит большая опасность со стороны свежих гитлеровских и хортистских соединений, которые направляются от Тыргул-Секуески, Илиени, от границы, установленной Венским диктатом.

— Там очень мало наших горнострелковых частей, и состоят они в основном из новобранцев, — закончил рабочий. — И к тому же у них нет никакой артиллерии...

Мы сразу же вызвались оказать помощь горным стрелкам. К нам присоединился Байкулеску Думитру со своими людьми, обслуживавшими на полигоне стомиллиметровое орудие. Чтобы не испытывать больше чувства неуверенности, я попросил администрацию завода выдать для всех зачисленных в батарею новые ботинки и комбинезоны. Вечером четыре орудия, буксируемые немецкими автомобилями, вышли из ворот завода. Рабочие-артиллеристы были одеты в голубые комбинезоны, вооружены и казались настоящими солдатами. Грохоча машинами и орудиями, мы проехали по улице Каля Фэгэрашулуй. Участники патриотических отрядов приветствовали нас, подняв сжатые в кулак руки.

В казармах горных стрелков, где размещалось командование первого горнострелкового корпуса, нам рассказали о положении на фронте и о нашей боевой задаче. В эту же ночь мы заняли позиции в Пресжмере, за боевыми порядками горнострелковых частей, сформированных исключительно из новобранцев и в спешке переброшенных сюда из учебных лагерей в горах.

Позиции горных стрелков тянулись по берегу речушки, которая текла в сторону Олта. На другом берегу находилось село Кикиш, забитое свежими гитлеровскими и хортистскими частями. Нас разделял только деревянный мост.

Батарея скрытно заняла позиции. Я сам выбрал место для каждого орудия. Рабочие принялись быстро окапы-

ваться, чтобы рассвет не застал нас незамаскированными. Отсюда была видна только темная полоска моста и окраина села. Наши солдаты старались ничем не выдавать свое присутствие. На том берегу время от времени сверкали то желто-зеленые, то голубые огоньки трассирующих пуль; как молния, вспыхивали красные ракеты. Я приказал рабочим, не поднимая шума, потренироваться в наводке, а сам пошел к горным стрелкам. Их командир, маленький и быстрый в движениях офицер, с волнением ожидал начала атаки.

— Новобранцы успели провести только одни стрельбы, — проговорил он.

Когда я сказал ему о батарее из рабочих, офицер пожал плечами:

— И те тоже необученные! Ты пойми, тут ведь война!.. Перед нами — вымуштрованные гитлеровцы и хортисты!

Я вернулся на батарею. Рабочие закончили окапываться и, рассевшись вокруг орудий, молча курили, пряча сигареты в рукавах. Среди них я почувствовал себя спокойнее и увереннее. «Нужно ошеломить немцев с самого начала!» — думал я о предстоящем бое.

Ночь незаметно отступила. В предрассветной дымке показались долина и село. На окраине села появились гитлеровцы. Припав к земле, они медленно двигались к мосту. Казалось, они не чувствуют никакого страха. «Уверены, что перед ними — беспомощные дети!» — думал я, имея в виду новобранцев. Гитлеровцы уже группами бегом бросились к мосту. Я застыл в напряжении, ожидая, когда гитлеровцы и хортисты войдут в намеченную мною зону заградительного огня, но горные стрелки начали стрелять раньше времени. Густые цепи атакующих вздрогнули, рассредоточились, но не остановились... «Ах, в бога вашу мать, — кипел я от злости. — Подождите, вы еще увидите!»

Мику Дан торопил меня открыть огонь из орудий. Я схватил его за руку и, не отрывая глаз от бинокля, следил за противником. Когда в перекрестие попали основные силы немецких и хортистских атакующих, я поднял руку, и орудия, сотрясая землю, бабахнули все сразу. Снаряды разорвались прямо у ног атакующих. Мы дали второй и третий залпы, а затем перенесли огневой вал на убегающих в село фашистов. Над селом поднялось облако

пыли. Крайние дома загорелись и полыхали ярким пламенем. В небо поднимались темные клубы дыма.

Горные стрелки с криками «ура» преследовали отступавших. Правда, новобранцы иногда больше кричали, забывая стрелять из винтовок. Повернувшись в нашу сторону, они помахали нам беретами. Рабочие у орудий тоже поднялись и помахали им руками. Горные стрелки, увидев наши голубые комбинезоны, окрестили нас в этот момент «голубой батареей».

Весь этот день мы были наготове, находясь у орудий и внимательно наблюдая за противником. Однако батарея нагнала на захватчиков такого страха, что они больше не отваживались двинуться к мосту. Даже убитых гитлеровцы не осмелились подобрать. Снарядов у нас было в изобилии, и всякий раз, когда гитлеровцы скапливались между домами, мы давали артиллерийский залп. Брашов был недалеко, и Мику Дан только и знал, что подвозил нам боеприпасы прямо с завода. Конечно, это было расточительство, но я хотел, чтобы рабочие научились хорошо стрелять.

Зато вечером у нас не было ни минуты покоя. В сумерках к нам пришел капитан из горнострелкового корпуса. По его приказу мы спешно переместились на новые позиции, на шоссе, чуть подальше села Хэрман. Оказалось, в этот день гитлеровские и хортистские части, устремившись со стороны города Сфынтул-Георге, перешли границу, установленную Венским диктатом, заняли село Добой и де жос и теперь вели ожесточенные бои у моста через Олт, стремясь прорваться к Брашову.

Наши новые позиции находились на опушке леса у реки Олт. Рабочие начали рыть новые окопы. Я, Мику Дан и молодой, проворный рабочий Петрусе Георге, бывший при мне связным, пошли устанавливать связь с нашими частями на Олте. Положение было более тяжелым, чем мы себе представляли. Впереди, перед мостом, сражалась горстка солдат, которые без перерыва вели огонь из единственного пулемета по противоположному берегу Олта, окутанному черной мглой. Солдаты делали это, видимо, больше затем, чтобы отпугнуть немцев и держать их, по крайней мере в эту ночь, как можно дальше от моста. Остатки других пехотных частей залегли в прибрежном кустарнике по обе стороны моста. Основные силы немецких и хортистских сил вклинились в наши позиции,

словно стрела, острие которой было направлено прямо на мост.

Группой солдат, залегших у моста, командовал тот самый офицер горнострелкового корпуса, с которым я познакомился накануне вечером в казарме. Продвижение немцев нужно было остановить любым путем, и в этот решающий час было решено взорвать мост через Олт. Чтобы убедиться в такой необходимости, к нам прибыл генерал. Ознакомившись с обстановкой, он глубоко задумался и не проронил ни слова.

— Мы отвечаем за мост, господин генерал, — как всегда выскочил нетерпеливый Мику Дан.

Вместе с генералом мы возвращались на батарею. Иногда генерал останавливался и глядел назад, на мост. Когда мы пришли на батарею, генерал достал сигареты, не спеша закурил и протянул пачку всем остальным.

— Ну что будем делать с мостом? — спросил он, высоко подняв брови и обводя всех взглядом. Голос его звучал сурово.

— Не беспокойтесь, — заговорили рабочие, — мы его отстоим!

— Нужно отстоять до завтрашнего вечера, — продолжал генерал. — Завтра вечером в любом случае первый батальон тридцатого пехотного полка будет здесь!

После отъезда генерала мы сменили позиции батареи, перенесли орудия на руках, чтобы не обнаружить себя. Орудия были установлены на опушке небольшого леса, прямо на берегу Олта, у моста. Здесь мы могли стрелять прямой наводкой. Затем перетащили поближе к окопам и боеприпасы, нагромоздив позади каждого орудия сотни снарядов. Мы обещали генералу при любых обстоятельствах сохранить мост и теперь не могли отступать. Решено было и на этот раз постараться внезапно обрушить артиллерийский шквал огня на гитлеровцев во время их атаки. К утру мы провели тренировки на каждом орудии.

Гитлеровцы и хортисты, видимо, очень торопились, так как вышли из села еще задолго до рассвета. Их цепи заполнили скат холма и стали осторожно спускаться к Олту. С нашей стороны никто не стрелял. Молчал и тот пулемет, что только недавно непрерывно строчил по противоположному берегу. Осмелев, гитлеровцы начали сходиться к шоссе треугольником, вершина которого направилась прямо к мосту. Мы дали им еще больше сомкнуться и, когда

до моста осталось несколько сот метров, открыли огонь всеми орудиями сразу.

Первые снаряды упали прямо в ряды гитлеровцев и хортистов. Взрывы сотрясли холм. Гулкое эхо раскатилось по долине. Над цепью противника поднялись густые облака пыли и дыма. Серая масса гитлеровцев остановилась в замешательстве. Мы воспользовались этим моментом и всей батареей дали еще несколько залпов, затем открыли огонь на заграждение. Но гитлеровцы и хортисты быстро опомнились и попытались перебежками продвинуться к шоссе. Тогда я разрешил каждому орудию стрелять по своему усмотрению — по скоплению противника.

Земля перед мостом непрерывно вздрагивала, огромные языки пламени поднимались к небу. Огонь пашей батареи сметал атакующих, но все новые и новые цепи противника нескопчаемым потоком спускались из села. И вдруг я остолбенел: около сорока гитлеровцев и хортистов вырвались из-под огня и в беспорядке направились к мосту. Быстрыми и короткими перебежками они все больше приближались к мосту.

— Перенести огонь на рубеж перед мостом! — крикнул я и бросился к первому же орудию. Я занял место наводчика и начал стрелять через мост, как через туннель, в серую движущуюся по шоссе массу. Туда же сосредоточил огонь и другие орудия, и вскоре перед мостом образовалось огромное облако дыма и черной пыли. Теперь уже ничего не было видно.

— Перенести огонь вглубь! — скомандовал я.

Орудия начали бить по шоссе ближе к селу. Дым перед мостом рассеялся. Немногим из прорвавшихся гитлеровцев и хортистов удалось спастись. Уцелевшие возвращались на холм, стремясь укрыться в волнах дыма, обволакивавших землю.

Орудия стали стрелять все реже и реже — лишь для того, чтобы убедить гитлеровцев и хортистов в нашей силе. Стволы орудий настолько раскалились, что хоть прикуривай от них сигареты. Позади на брустверах дымнились стреляные гильзы. От них несло серой и обгоревшим металлом. Я приказал пока прекратить огонь, чтоб остыли стволы. Гитлеровцы и хортисты больше не выходили из села, но заговорила их артиллерия. Снаряды разрывались далеко позади нас, в лесочке: противник обстреливал наши старые позиции. А может быть, немцы боялись задеть

мост, который хотели захватить исправным? Может быть и так, потому что в полдень они еще раз попытались выйти к мосту, но мы их быстро утихомирили и заставили повернуть назад, в село. Гитлеровцы явно испугались нас. Наши артиллеристы в голубых комбинезонах доказали, что умеют сражаться.

К вечеру артиллерия противника усилила огонь. В селе взрвали моторы. Гитлеровцы и хортисты, развернувшись, снова появились на холме и стали спускаться к Олту. Их артиллерия перенесла огонь на рубеж впереди моста и на лесок. Вскоре на шоссе мы увидели три легких разведывательных танка. Лязгая гусеницами и грохоча моторами, они стреляли с ходу из пулеметов. Гитлеровцы и хортисты пропустили их через свои цепи и устремились за ними по шоссе. Если в этот вечер гитлеровцы захватят мост через Олт, колонны танков и машин, вышедших со стороны города Сфынтул-Георге, на рассвете следующего дня будут у ворот Брашова!

Теперь наша батарея держала самый трудный экзамен. Мы были лицом к лицу с врагом. Впереди нас у моста находилась лишь небольшая горстка солдат, а в тылу до самого Брашова, где армия и патриотические отряды готовились к обороне, не было никого. Связной горнострелкового корпуса сообщил, что первые роты тридцатого пехотного полка проследовали через город и только часа через три-четыре подойдут к нам.

Охваченные отчаянием, мы стали палить без передышки. У нас было около тысячи снарядов, так что мы не боялись остаться без боеприпасов. Первыми залпами всей батареи мы остановили сгруппировавшихся за танками гитлеровцев и хортистов. Я понимал душевное состояние рабочих, которым не приходилось до этого встречаться в бою с танками, и поэтому решил сам перейти к одному из орудий. Я меньше всего боялся танков, так как знал, что мы сможем их уничтожить, даже если они проскочат по шоссе. Нас могли захлестнуть серые волны гитлеровцев...

Наше орудие выстрелило почти одновременно с орудием Сэкэрянэ. Первый танк остановился и загорелся. Два других танка тоже остановились справа и слева от кюветов и открыли беглый огонь из тяжелых пулеметов. Их пули резко и пронзительно застрекотали по железным формам моста. Я крикнул расчетам двух других орудий,

что танками займемся мы, а они пусть бьют по вражеской пехоте, которая все ближе подходила к мосту.

Наши орудия посылали снаряд за снарядом. Между взрывами слышалась бешеная дробь пулемета горных стрелков, занимавших позицию у моста. Но гитлеровцы и хортисты шли густой волной, покрыв весь склон холма и спускаясь к Олту. Я приказал всей батарее открыть заградительный огонь в двухстах шагах от моста...

Целых два часа мы, как сумасшедшие, дрались за мост. Нами владела только одна мысль — никто из гитлеровцев не должен вступить на мост. Мы видели перед собой только вспышки разрывов да тучи пыли и дыма. В этой суматохе один из наших снарядов попал прямо в мост. Несколько снарядов разорвались в воде. Стволы орудий раскалились, будто их вытащили из огня.

— Господин лейтенант... Господин инженер! — стали кричать рабочие.

Я приостановил стрельбу. Постепенно дым рассеялся, и стало видно и холм, и село Доболий де жос. Исчезли и танки и гитлеровцы. Только с окраины села доносилась еще пулеметная дробь. Я послал Мику Дана за брезентами с автомашин. Мы намочили брезенты в реке и обернули ими стволы орудий. Вода на стволах закипела, испаряясь. От орудий, как от паровозов, шел густой пар. Брезенты высохли моментально, как бумага, и мы насилу отодрали их от стволов. Мы снова намочили брезенты и обернули стволы. После всего этого наши орудия стали опять стрелять по селу, чтобы держать гитлеровцев и хортистов в страхе.

Так прошел примерно еще час. Вскоре к нам в лесок подошел первый батальон тридцатого пехотного полка. Мы снова намочили брезенты, окутали ими стволы орудий и вновь открыли частый огонь по селу. Под прикрытием артиллерийского обстрела первые три роты перебежали мост и заняли позиции перед ним на шоссе и в прибрежных кустах. Только в полночь умолкли наши орудия, и измученные рабочие повалились на землю. Я испытывал ни с чем несравнимую радость: «голубая батарея» с честью выполнила свой долг.

На заре пехотинцы и горные стрелки должны были пойти в наступление. Нужны были другие орудия. Мику Дан и еще несколько рабочих в эту же ночь уехали на машинах в Брашов за новыми орудиями. Мы растянулись

на земле и слушали тишину, что опустилась на холмы и Олт...

* * *

На второй день батарея вновь вступила в бой. У нас теперь были четыре стомиллиметровые шкодовские пушки, привезенные Мику Даном с брашовского завода «Астра». Два дня шел бой за Доболий де жос. Мы уже не расставались с пехотинцами и стрелками. Теперь у нас была и телефонная связь, и карты, и бинокли — одним словом, все, что нужно для стрельбы. Рабочие закалились в боях и стали настоящими артиллеристами.

Вместе с пехотинцами и горными стрелками наша «голубая батарея» освободила Доболий де жос и перешла в Илиени границу, установленную Венским диктатом. Меня при первой атаке на Доболий де жос ранило, и я не смог следовать за своей батареей. 2 сентября рабочие с пушками вернулись на завод. Их встречал весь город...

★

В ГОРНОМ СЕЛЕ

Рассказ крестьянина

И до войны в горы к нам вести доходили с трудом. Сначала они облетали и взбудораживали села в долине, села, лежащие вдоль шоссе, по берегу Криша и вдоль железной дороги. Лишь когда кто-нибудь спускался в Братку или на станцию и слышал, о чем говорят люди, мы тоже узнавали, что творится на свете. Так жили мы долгое время. А после 1940 года, когда придурковатый Гитлер раздробил нашу страну, мы оказались начисто отрезанными от мира. Ведь это просто дикость: новая граница проходила как раз посредине села и делила его надвое. Нижняя часть, с примэрией¹, школой, жандармерией, была занята гитлеровцами и хортистами, другая же половина, та, что ближе к лесу и горам, осталась у нас. Дома здесь приземистые, но зато утопают в зелени.

¹ Примэрия — сельская управа, мэрия (рум.).

Многим по воле слепого случая пришлось оставить дома своих дедов. Эти люди оказались разделенными с родителями, братьями, сестрами или детьми, отрезанными от своей земли. Мы, из верхней части, остались даже без кладбища, и когда у нас появился первый покойник, похоронили его на новом месте, около леса. Попа не было ни у нас, ни в нижней половине: служитель божий сбежал в один прекрасный день в более спокойный и богатый приход. И сразу же оборвались нити, связывавшие нас с миром. У жителей нижней половины была прямая связь — в каких-то восьми — десяти километрах от них проходили шоссе и железная дорога, которая соединяла Клуж и Орадию и вилась по долине реки Кришул Репеде. За нашими домами были дикие места и пустынные горы Падуря Крайулуй. А по другую сторону леса, за хребтом, дорога спускалась в Беюш. Но мы редко подавались в эту сторону. Ведь только до Рошии нужно двадцать километров идти пешком, причем через горы. И даже горные стрелки, которые после диктата остались у нас на границе, не имели провода до Рошии и ходили через горы только при большой нужде или по вызову командования. Даже еду им доставляли только раз в неделю на вьючных лошадях.

Так жили мы, в нужде и бедности, да к тому же еще в селе, разделенном ни к селу ни к городу границей. Если, к примеру, у тебя заболела дочка, вышедшая замуж по ту сторону, или же если ей приходило время рожать и нужно было, чтобы возле нее была мать, или кому-нибудь с той стороны позарез нужен был коробок спичек, приходилось брать в сопровождающие хортистских пограничников, чтобы пересечь улицу. Если у них не было желания идти, ты мог погибать от боли. В таких случаях не оставалось ничего другого, как выходить к забору и кричать через улицу, что тебе нужна пара яиц или бутылка керосина. Мне еще повезло: один из горных стрелков, по имени Зайня, иногда договаривался с пограничниками и приводил ко мне дочку с той половины села. Ее муж, Симеон, погиб на фронте в первый же год войны. Хорти послал его на Украину, так же как Антонеску посылал наших. И осталась она одна с двумя детьми, без всякой поддержки. А один мой сын, Василе, с марта томился на фронте в Молдове, и уже пять-шесть недель я не получал от него вестей. По правде сказать, я даже стал подумывать, уж не убили ли его, а жена моя все плакала, обхва-

тив руками его карточку, где он был снят в военной форме, и проклинала войну и нашу горькую жизнь. Заботы и нужда сломили и меня. В то лето я поседел. Голову мне словно посыпали снегом. Но силепки у меня еще остались, и я один ходил по разным делам то в поле, то в лес. За работой меньше лезут в голову разные мысли, но все же я, как и жена, ходил мрачный. Может, поэтому я сильно обрадовался, когда Зайня и еще двое горных стрелков попросились ко мне в дом на постой.

Остальные горные стрелки, всего их было пятнадцать человек, оставленные для подкрепления отделения пограничников, расположились в других домах, по трое в каждом. Так мы и жили вместе на краю света. Мы делились с ними и молоком и мамалыгой, а когда им раз в неделю приносили паек, они клали все мясо в общий котел и два дня животы у нас были полные, как в праздник. Потом мы снова оставались на нашей фасоли и мамалыге. Нас тошнило, когда мы только видели эту еду на столе или хотя бы чувствовали ее дух. Солдаты иногда утаивали кусок сала и через несколько дней торжественно выкладывали его на стол, чтобы как-то скрасить наше житье-бытье. Я был очень доволен своими постояльцами: почти все лето курил их табак; им присылали такой крупный и крепкий табак, что они могли выкурить не больше двух-трех сигарок в день. Мы же взамен давали им молоко. Как только стадо возвращалось с выгона, жена бросалась доить корову и делила молоко всем поровну: Иринуке, нашей дочери, которая жила по ту сторону границы, нам с женой и солдатам. Лавиния, моя жена, душу, кажется, выложила бы солдатам. Может, говорила она, и о нашем Василе кто-нибудь заботится.

Серые, гнетущие, беспросветные дни тянулись один за другим. Так что в тот вечер, о котором я хочу рассказать, мы даже не знали, что было 23 августа тысяча девятьсот сорок четвертого года. Но тот день навсегда остался в моей памяти.

В предыдущие дни я работал в лесу и на сенокосе, потом вместе с солдатами убрал и намолотил несколько мер ржи, копал картошку и ждал, когда созреет кукуруза. Между делом смастерил несколько бочонков и кадок: того, что мы собирали со своих скудных делянок, нам не хватило бы на зиму, и я думал ближе к осени спуститься с гор на базар. Раньше, когда страна еще не была разделе-

на и все дороги были открыты, я мог за час спуститься на тракт, а оттуда уже легко можно было добраться или до Орадии, или до Клужа, или до Турды. Теперь же там хозяйничали хортистские жандармы, а дороги оказались забитыми серой солдатней Гитлера. Я понимал, что долго так продолжаться не может, что несправедливо разделять брата с братом, но иногда терял терпение. Временами хотелось бросить все: и дом, и землю, перейти горы и искать счастья где-нибудь в другом месте.

— И что ты там будешь делать? — пытала меня жена. — Бедному человеку везде тесно и темно... Лучше уж умрем здесь, в нашей обители...

Я отвечал ей, что перед той, другой войной многие уехали от нужды в Америку, за синее море... А потом, говорил, мы же уедем не в другую страну, а только в другой уезд, где живет такой же народ, как и мы...

— И слышать не хочу... — обрывала она меня. — Остаемся здесь, на нашей земле...

По правде говоря, если бы она согласилась ехать, я бы все равно не стронулся бы с места ни за что на свете... Говорил же так, чтобы облегчить душу...

Время текло, как тихая, мутная река. В тот вечер, однако, Иринука не пришла, как обычно, за крынкой молока. Нас это беспокоило. Она была женщиной еще молодой, красивой и одинокой, и с некоторого времени вокруг нее стал увиваться Шандор, венгерский пограничник.

— Боже, беда! — всполошилась жена. — А что, если тот, видя, что его обходят, не пустил ее!..

— Откуда ты знаешь, что обходят? — подзадорил я жену.

— Чтоб тебя бог наказал! — набросилась на меня перепуганная жена. — Ведь ты уже человек старый! А потом Шандор из этих мест... из нашего села...

— Хватит! — резко оборвал я жену.

Но она все же побежала к Зайне и попросила проводить дочь хотя бы до забора. Зайня сразу же поднялся из-за стола и пошел на пост. Солдаты свободно переходили границу, чтобы обменять сигареты на соль или оказать друг другу мелкие услуги, без чего нельзя было обойтись в селе, разделенном надвое. Но на этот раз Зайню остановили посредине улицы и приказали вернуться обратно.

— Ты что, рехнулся? — раскричался Зайня.

— Стой! — повторил часовой.

Зайне ничего не оставалось делать, как вернуться; оружия при нем не было, а потом уже стемнело, и он не видел, что творится на той стороне. Зайня вошел в дом, взял автомат и поднялся на чердак, откуда была видна вся нижняя часть села. Я пошел вслед за ним. Внизу можно было различить только нагромождение домов и темные пятна садов. Лишь в двух-трех домах светились огоньки. Село погрузилось в безмолвие и темноту, и только изредка до нас долетал то плач ребенка, то женский голос, то мычание коров, то разноголосый собачий лай. У колодца с колесом проскрипела цепь, потом ведро сорвалось с ворота и шлепнулось в воду. Затем опять все стихло.

— Иринукэ-э-э! — закричала жена, выйдя на улицу с крынкой молока в руках. — Иди сюда!..

Но ей никто не ответил, и жена стала ругать жандарма, потому что, если Зайни не было, Шандор мог сам проводить Иринuku.

— Усач проклятый, — не успокаивалась она, — улегся спать вместе с курами!

На обочине улицы и среди домов появились тени пограничников, начался вечерний обход. Однако на этот раз они стояли на месте, будто приросли к земле. Зайня позвал горных стрелков и приказал им приготовиться, так как неизвестно было, что все это означало. В это самое время в темноте между домами затрещали мотоциклы. Они поднимались в гору с потушенными фарами и остановились у примэрии. В слабом желтоватом свете фонаря я увидел гитлеровцев, поднимавшихся по ступенькам в примэрию.

— Тудораке, — позвал Зайня, перегнувшись через перила, — бегом на пикет!

Через минуту Тудораке исчез за домами. Он побежал на пикет сообщить пограничникам, что в нижней части села появились гитлеровцы. В скором времени гитлеровцы вышли из примэрии с несколькими венгерскими солдатами, которых все время подталкивали. Все исчезли в темноте. Через какое-то время мы вдруг услышали глухой топот солдатских сапог. Шаги все удалялись, пока не заглохли в самых нижних улицах села, потерявшись между домами.

— Ищут кого-то в селе, — сказал один из горных стрелков.

Через некоторое время в нашу сторону побежали люди. Их, видимо, преследовали. Топот все приближался, потом резко оборвался, и как раз в это время там, в темноте между домами, раздался выстрел. Послышались испуганные крики женщин, треск рушащихся заборов, шаги бегущих людей, перекрываемые глухим топотом тяжелых солдатских сапог... Потом мы услышали еще один выстрел. Похоже, вслед людям, бежавшим в нашу сторону... Тут из темноты выросло пять-шесть теней, крадущихся вдоль заборов и в какой-то момент прижавшихся к земле. Оторвавшись от забора, тени одним прыжком пересекли улицу. За ними показались неуклюжие, громоздкие тени гитлеровцев, которые тоже двинулись было через улицу в нашу сторону.

— Стой, — рявкнул Зайня. — Назад! Стрелять буду!

Он быстро щелкнул затвором и прижал автомат к груди. Гитлеровцы и несколько прихваченных ими из примэрии венгерских жандармов в недоумении остановились посреди улицы. В горячке они забыли, что по другую сторону улицы им нечего делать, и начали кричать, ругаться, грозить нам оружием и кулаками. Подобное происходило и дальше, через пять-шесть домов, у командного пункта горных стрелков, где преследуемая гитлеровцами кучка людей нашла спасение на нашей половине села.

— Это неспроста, — заметил Зайня, обеспокоенный неожиданным появлением гитлеровцев.

На чердаке остался только один солдат. Мы же сбегали во двор, так как у сарая столпились убежавшие с той стороны. Один из беглецов, Валериу Гия, самый молодой и самый пронырливый из всех, стал расспрашивать меня о горных стрелках. Кроме него тут были Пику Доагэ, который не знаю каким путем, приехал на побывку, Никэ Унсоаре, вышедший калекой из госпиталя, и двое братьев Бызгэу, бог весть какими способами избежавшие отправки на фронт. Валериу рассказал нам, зачем гитлеровцы прибыли в село. Выйдя из примэрии, они разошлись по домам, чтобы собрать в одном месте солдат, которые прибыли на побывку, или тех, кто годен к военной службе. Хортистские жандармы искали тех, кто поднимал голос против властей. Поднялся шум, и непрошеным гостям удалось взять только тех, кого они застали дома. Другие же быстро, как куропатки, разбежались по

селу и, преследуемые гитлеровцами, бросились на нашу сторону.

— Шандор говорил, — продолжал Валериу, тяжело дыша, — что немцам пришел какой-то приказ, что теперь мы с ними враги... Как раз сегодня вечером наши поднялись против немцев, и вообще вся страна неожиданно набросилась на них.

— Бог видит несправедливость! — начала отвечать поклоны в угол жена.

— Это неспроста, — прервал ее Зайня, — немцы не будут зря поднимать суматоху...

— Боятся они, вот в чем дело! — вмешался Пику. — Боятся, что мы перейдем границу и займем село.

— Если не перейдем, — сказал Валериу, — то тех, кого они поймали, закуют в цепи и увезут...

Вслед за Зайней мы задворками, огородами и садами пошли к командному посту горных стрелков. Несколько наших пограничников охраняли улицу. Горные стрелки собрались во дворе. Они были в полном снаряжении. Пулеметы были приведены в боевую готовность. Рядом стояли открытые ящики с патронами. Пришедшие с нами крестьяне сразу же перемешались с теми, что перешли улицу у поста, и стали о чем-то оживленно говорить, будто не виделись целый год.

Старший сержант, командир этой горстки горных стрелков, метался по двору и кричал:

— Говорил я, что надо телефон... а теперь откуда я могу знать, с кем воевать, от кого защищаться?

— А ты сам не видишь? Тебе обязательно нужно сказать, — ответил ему Зайня.

— Мне нужен приказ, — отрезал старший сержант. — В таком деле нельзя идти вслепую...

— Пока ты будешь ждать приказа, немцы переловят всех людей и перейдут на эту сторону, — ворчал Бызгэу.

— Братцы, дайте нам оружие, — просил Валериу.

— Дай им оружие, Тудораке, — неожиданно быстро согласился старший сержант. — Оружие мы вам дадим, — продолжал он, — только вы будете подчиняться командам наравне с солдатами.

— Подчинимся, — ответил Валериу, — а почему бы не подчиниться.

Один из горных стрелков, вызванный старшим сержантом, побежал в дом и быстро вернулся с охапкой винто-

вок. Каждый из селян получил по одной. Винтовки были и покороче и полегче, чем во времена Франца Иосифа, когда я отбывал службу. Потом с нашей половины села подошла еще группа крестьян, и поэтому пришлось идти еще за одной охапкой винтовок. После этого каждому из нас по счету выдали патроны, как на фронте перед боем. Получив патроны, мы разбрелись по двору, начали щелкать затворами, стрелять в воздух. Многие из нас служили в армии или были на сборах и потому умели обращаться с оружием. А некоторые, как Пикку или Унсоаре, умели воевать даже не хуже пограничников.

— Теперь, раз получили оружие, становитесь в строй, — начал поторапливать нас Зайня.

— Станем, только через улицу пойдем! — ответил ему Валериу.

— Это мы посмотрим, — успокаивал его старший сержант. — Пойдем, когда будет приказ!

Мы растянулись вдоль забора, притулились за домами и стали наблюдать за улицей. Среди нас через несколько человек был или горный стрелок или пограничник. Я, Валериу и пришедшие с ними с той стороны под командой Зайни залегли как раз напротив моего дома. Другие группы растянулись по обе стороны от пикета так, что мы образовали цепь вдоль всей улицы, которая отделяла нас от гитлеровцев и хортистов, и были готовы в случае нужды защитить свои дома и очаги. А немцы могли, конечно, попытаться перейти улицу и занять все село. Мы были, как говорил Зайня, «передовым отрядом всей страны по эту сторону гор, в этой части Ардяла, занятой гитлеровцами и хортистами».

* * *

Ближе к полуночи, видя, что на половине села, занятой гитлеровцами, царит тишина, мы поднялись со своих мест и собрались на моем чердаке. Днем отсюда было хорошо видно все село, но сейчас в темноте мы мало что могли различить. Видели только освещенные фонарем ступеньки и вход в примэрию, а также немецкие мотоциклы. Окна в примэрии также были освещены. Через какое-то время мы опять услышали треск мотоциклов. Это гитлеровцы доставили под конвоем в примэрию нескольких юнцов, которым оставалось до призыва по году, а то и по два.

— Подбирают всех, кто годится для фронта, — пояснил нам Зайня.

После этого гитлеровцы приказали венграм, пограничникам и жандармам растянуться вдоль улицы, по границе, а сами в примэрии устроили пирушку. Оттуда до нас доносились пьяные голоса. Толстопузый лысый примарь бегал туда-сюда, приносил плетеные корзины с яствами и разными напитками, которые он силой забирал у жителей села. К полуночи гитлеровцы порядком подвыпили. Они снова пошли в село и потащили в примэрию наших жен и детей. Улицы села заполнились плачем и причитаниями, отчаянными криками женщин и детей. Валериу говорил, что он будто бы даже различил крик своей Мэриуки, которая звала его. Валериу вскочил на перила чердака, собиравшись бежать с оружием в руках на выручку своей жене.

— Стой! — остановил его Зайня. — Один ничего не сделаешь.

— А потом, — встрял в разговор один из братьев Бызгэу, — бабам они ничего не сделают. Натешатся и отпустят с богом!

— Так что зря волнуешься, Валериу, — пробормотал я, задетый словами Бызгэу.

— Баде¹ Висалон, — стал оправдываться тот, — я ничего не сказал о твоей Иринуке.

— Лучше и не заикайся! — отрезал я разозлившись. Ведь в селе поговаривали, что у Иринуки будто бы есть что-то с Шандором...

Тут подскочил Зайня и стал успокаивать нас, говоря, что гитлеровцы забрали жен беглецов не для чего-нибудь, а как заложников, чтобы держать нас хотя бы таким путем в своих руках...

— Значит, немцы или боятся, или собираются перейти и к нам...

Тут гитлеровцы начали выводить из примэрии мужчин, подталкивая их штыками. Задержанные были связаны веревками и потому спускались по ступенькам цепочкой, боком. Гитлеровцы вытолкали их на улицу и начали выстраивать по-четверо, как они были связаны. Несколько гитлеровцев быстро вскочили в два мотоцикла. Первый мотоцикл поехал впереди задержанных, другой пристроил-

¹ Обращение к старшему, уважаемому человеку.

ся сзади. Зайня вздрогнул и начал проклинать гитлеровцев.

Над нижней частью села некоторое время, пока гитлеровцы не выстроились, стояла напряженная тишина. Потом слышались пронзительные крики. Из темноты вперед рванулись обезумевшие женщины. Несколько гитлеровцев, выскочив из мотоциклов, окружили связанных и выставили вперед автоматы. Другие же неожиданно открыли огонь со ступенек примэрии прямо по толпе. Поднялась суматоха. Некоторые из задержанных бросились грудью на гитлеровцев, другие рванулись вверх по ступенькам, увлекая за собой более трусливых. Снова ударили автоматы, но на этот раз поверх голов, так как женщины и задержанные перемешались с гитлеровцами. Суতোлока увеличилась, и гитлеровцы стали стрелять по толпе. На какой-то миг толпа замерла. Потом одна из женщин с воплем рухнула на землю. Тогда в нашу сторону бросилось несколько женщин, преследуемых ожесточенным огнем гитлеровцев.

— Ох, солдаты... Помогите! Нас убивают!.. — кричали они.

Мы не стали ждать приказа, о котором говорил старший сержант. Сомкнувшись в цепь, вышли на улицу. Зайня поднял над головой автомат и закричал что было силы:

— Братцы, за мной!

Мы одним прыжком перескочили улицу, так что венгерские пограничники даже не успели опомниться. А потом они все равно ничего не смогли бы сделать, потому что вместе с нами через улицу бросились и другие группы горных стрелков и вооруженных селян. Люди перелезали через заборы, бежали между домов, беспорядочно стреляя вверх. Оказавшись на другой стороне, все мы побежали по улице, ведущей к примэрии, и через несколько секунд ворвались на площадь, где собрались гитлеровцы. Из домов и дворов выскакивали и бежали пслед за нами люди, которых немцы не успели схватить. Поток женщин с топорами, вилами и граблями напоминал вырвавшийся на свободу горный поток. Мы перлыми добежали до места свалки. Набросились на гитлеровцев, нанося им удары прикладами, вырывая из их рук автоматы. Стрелять мы могли только вверх, иначе попали бы в наших женщин, которые бросались прямо под дула

винтовок. Женщины пачали лихорадочно распутывать и разрывать веревки, которыми были связаны задержанные. Освобожденные от веревок тут же набрасывались на гитлеровцев, сбивали их с ног, топтали их ногами, отнимали у них оружие. Тогда гитлеровцы отступили к входу в примэрию и стали стрелять куда попало. В этот момент слышался голос старшего сержанта, который, конечно, забыл о приказе и во главе группы прибежал к примэрии.

— За мной! — кричал он.

Я был еще на той, первой войне, видел много сражений, рукопашных схваток, но не видел, чтобы дрались так, как дерутся горные стрелки... По команде старшего сержанта они, прикрываясь огнем, с ревом рванулись к входу в примэрию. Несколько гитлеровцев были скошены на пороге. Автоматы выпали из их рук. Квадратная серая каска, словно чугунок, запрыгала по ступенькам и докатилась до нас. Марина, жена Пику, набросилась на нее и стала кромсать ее топором.

У входа в здание примэрии первый натиск горных стрелков был отражен. Погиб старший сержант... Зайня вскочил на террасу и, разбив прикладом стекло, прыгнул внутрь. За ним исчезли Тудораке и еще один солдат, который жил в моем доме... Вскоре из здания послышались выстрелы, крики. Разбитые стекла летели вниз. Еще через мгновение мы слышали вопли женщин, которых гитлеровцы закрыли в подвале примэрии. Валериу и еще несколько человек из тех, чьи жены были в примэрии, тоже метнулись к ступенькам и смешались с горными стрелками.

Схватка скоро кончилась. Из здания с поднятыми руками вышли пятеро гитлеровцев. Зайня вел их под дулом автомата. Из тех, что были на улице, в живых остались только трое-четверо гитлеровцев, связанных веревками по рукам и ногам.

За Зайней и другими горными стрелками из примэрии вышла Мэриука, жена Валерия. Одежда на ней была порвана, волосы распущены. Она вцепилась в горло одному из гитлеровцев. Худой, с почерневшим лицом, тонким и длинным носом, этот гитлеровец обессилел от охватившего его страха, и Мэриука буквально тащила его по ступенькам. Потом поставила его на ноги и прислонила к стенке.

— Валериу! — закричала она. — Это он связал меня и измывался надо мной.

Сразу стало тихо. Взгляды всех были обращены к Валериу. Тот замер с винтовкой в руке. Наконец в напряженной тишине, от которой кровь стыла в жилах, Валериу молча поднял винтовку, прицелился и выстрелил. Гитлеровец повалился на ступеньки и покатился вниз. Толпа бросилась было к остальным гитлеровцам, но в этот момент прозвучал решительный голос Зайни, который теперь остался старшим над горными стрелками.

— Стойте! Пленных в примэрию!

Мы заперли немцев в угловой комнате с решетками на окнах и выставили охрану. Погибших земляков положили на землю перед примэрией, по обе стороны крыльца. Из солдат, кроме старшего сержанта, погибли еще двое. Вернувшийся хромым с фронта Никэ Унсоаре так и не смог подняться по ступенькам, а один из братьев Бызгэу, по-видимому, был убит шальной пулей. Еще одна женщина была изрешечена пулями в живот. Рядом с ней лежал державшийся за ее подол застреленный ребенок. Пику Доагэ слегка ранило в руку, и жена перевязала его своим платком.

Затем Зайня выбрал около трех десятков человек из тех, кто недавно был в армии или воевал на фронте. Тем, у кого не было оружия, раздали автоматы, винтовки и взятые у немцев патроны. Затем Зайня разделил всех на группы по четыре-пять человек и попеременно с горными стрелками расставил по окраине нижней половины села. Теперь, решили мы, немцы явятся, чтобы стереть нас с лица земли или вздернуть на виселицы. Большую часть групп, а также два пулемета горных стрелков Зайня сосредоточил в конце главной улицы, по обе стороны от дороги, по которой должны были прийти немцы с вокзала или из других сел, расположенных на шоссе. Группу, в которую входили Валериу, я, Пикю Доагэ, оставшийся в живых Бызгэу и пять-шесть самых надежных горных стрелков, Зайня оставил при себе в примэрии.

— Будем оказывать помощь нуждающимся, — объяснил он нам.

Валериу предложил перерезать телефонные провода, чтобы гитлеровцы не узнали, что произошло в селе.

— Может, ихние еще не успели ничего сообщить...

— Давай режь! — согласился сержант...

Валериу как кошка вскарабкался на телефонный столб

возле примэрии и штыком перерезал у самых фарфоровых чашечек все провода.

— Теперь мы остались сами по себе, — сказал Бызгэу.

— Поэтому-то и нужно, чтобы кто-нибудь пошел через горы в Рошию и попросил помощи у батальона, — проговорил Зайня.

Было ясно, что немцы не поблагодарят нас за то, что мы поднялись против них. Нас, жителей села, у кого здесь были земля и дома, могилы дедов, озабоченность сержанта напугала.

— Кто знает самый короткий путь лесом на ту сторону гор? — спросил Зайня.

— Я, — вызвался Бызгэу.

— Тудораке, — позвал Зайня солдата, который раздавал оружие, — пойдете вместе. До утра должна подойти подмога!

Когда они ушли, мы объявили, что женщинам и детям лучше собраться в верхней части села, ближе к лесу и горам, потому что неизвестно, как развернутся дальнейшие события. Я побежал к Иринукэ и прямо из ворот крикнул, чтобы она взяла сына и шла к матери. Потом бегом вернулся в примэрию. В селе поднялась паника, и я не знал, что случилось. Женщины начали переселяться со всем скарбом из долины наверх, на гору. Несколько женщин шли по улице с малыми детьми на руках. Коров вели на веревках.

Жепа Кристчука вторично вернулась домой. Выпустила из ворот гусей и теперь гнала их по самой середине улицы, размахивая ореховым прутом. Перепуганные, разбуженные среди ночи, гуси шли, поднимая облако пыли.

— А ну хватит! — закричал Зайня.

Но суматоха, однако, не улеглась. В это время на улице появилась группа женщин. Крича и толкаясь, они набрасывались с кулаками и вилами на человека, который напрасно пытался вырваться из их рук.

— Чтоб тебя черти на том свете на костре жарили! — кричала одна из женщин.

— Свою Леопольдину почему не отвел к немцам?

— Плюгавик чертов!..

— Ну что, насытился?

Я сразу понял, что речь идет о примаре, о котором мы забыли. Неизвестно, каким образом женщины отыскали его. Вместе с пограничниками мы с трудом вырвали

примаря из рук женщин. Лицо примаря было все в синяках. Одежда разорвана. В глазах — страх. Женщины связали его, как вора, локтями назад, беспрерывно колотили кулаками и щипали изо всех сил.

— Я хотела выпустить поросенка из хлева, — рассказывала распалившаяся Штефания, жена Дяка, — и отогнать его к тестю, наверх... и на кого, вы думаете, наткнулась?.. На этого субчика.

И она тут же взмахнула прутом и со свистом опустила его на лицо примаря. Мы снова стали успокаивать женщин. Послали их присматривать за детьми, а примаря заперли рядом с немцами.

Только теперь мы вспомнили, о венгерских жандармах и пограничниках. Вначале перепугались, так как не знали, что те задумали делать, и побежали бегом в сторону улицы, разделявшей село надвое. Возле венгерского пограничного поста развернулись в цепь, а Зайня и горные стрелки вышли вперед. Венгры также стояли вдоль улицы, через которую мы, а потом женщины переходили сотни раз. Они стояли неподвижно, держа оружие на плече и глядя в сторону леса и гор.

— Какого черта вы здесь делаете? — спросил Зайня их сержанта.

— Охраняем границу!

— Здесь уже никакой границы нет...

— У нас нет приказа, — подскочил один из венгров и угрожающе щелкнул затвором.

Мы в темноте тоже лязгнули затворами, а Валериу сказал, что надо стрелять, не ожидая, пока они начнут первыми. Однако Зайня подал нам знак успокоиться и, выйдя вперед, на свет, крикнул:

— Бросьте оружие!.. Ступайте на заставу и сидите там. Иначе вам будет плохо!

Венгры положили оружие на землю и направились на заставу, а мы вернулись в примарию. На лестнице столкнулись с женщинами. Среди них была и Мэриука.

— Валериу, что нам делать? — спросила Мэриука мужа.

— Идите по домам, — ответил Валериу.

— Когда нужно будет, мы дадим вам знать, — попытался успокоить их Зайня, видя, что женщины остались недовольны тем, как их встретили.

У примэрии все было спокойно, и мы пошли по улице, ведущей к окраине села, откуда должны были появиться гитлеровцы. Небо над черными как смола горами и лесом было чистым, звездным. Где-то слева, возможно в соседнем селе, и внизу, на железной дороге или на шоссе, время от времени вспыхивали блики света и тут же таяли. Люди сидели вдоль канавы или возле заборов. Молча курили самокрутки, пряча огонь в кулаках. Возбуждение, охватившее нас вначале, когда мы набросились на гитлеровцев, улеглось, и теперь нас мучили сомнения.

— Что будем делать, Валериу, — встретил нас дед Дяк, отец Штефании, — если не подтвердится весть?..

— Какая весть? — спросил Зайня.

— Что мы теперь враждуем с немцами!

— Почему не подтвердится? — удивился Валериу. — Иначе и быть не может!

— А если все это неправда и мы поднялись так, сдуру?

— Тогда будем драться, — ответил ему Валериу, — так как село теперь наше!

Зайня попросил сигарку. Потом объяснил людям, что до прихода горных стрелков мы в любом случае должны сдерживать натиск немцев. Раз уж начали, плохо ли, хорошо ли, назад отступить нельзя! Надо подпустить гитлеровцев как можно ближе и только здесь, у самого села, в узком проходе ударить по ним. Оружие у нас есть, патронов хватит, и никто не сможет легко приблизиться к селу, говорил он.

— Только чтобы люди были надежные, — заключил Зайня. — Чтобы не сдавались!

— Не в правилах горцев сдаваться! — воскликнул кто-то из селян.

— Ни перед кем не сгибали спину и всегда хотели жить, как вольные птицы!

— Теперь мы сами в ответе и за село, и за границу, и за все...

— Уцепимся зубами, братцы! — крикнул Валериу.

— Да и что нам немцы могут сделать? — вступил в разговор Пику. — Разве что убьют, только и всего!..

* * *

Всю ночь и мы и горные стрелки были на страже. Опасное дело, в которое мы ввязались, сплотило нас. Ког-

да ты только солдат, легче покинуть одно село, потом остановиться в другом, и так до тех пор, пока враг не попадется тебе где-нибудь в удобном месте. И более того, в таких случаях все делаешь по приказу. А мы? Как мы могли уйти из родного села? Да нам, собственно, и некуда было идти: позади нас были только лес и горы! Как можно было бросить свои дома, земли, места, где ты вырос и жил, пусть даже горькой жизнью, где покоится прах твоих предков?..

Когда через некоторое время шум поутих, Зайня встал и, подняв вверх руку, сказал:

— Кто хочет уходить, пусть уходит теперь, чтобы потом не сбивать нас с толку. Ведь мы намерены драться по-настоящему.

— Останемся здесь, — первым отозвался Валериу. — У нас свои счеты с немцами. Это они разделили наше село и нашу страну, они втянули нас в войну и хотели связать нас по рукам и ногам!

— И забавляться с нашими женами! — добавил Бижу.

— Мы тоже будем драться! — раздались голоса со всех сторон.

— Драться до смерти! — снова выскочил Бижу.

Но самой большой нашей надеждой было прибытие горных стрелков из-за гор, из Рошии или даже из Бекюша. Зайня говорил, что в любом случае утром они будут здесь.

— Мы, братцы, — говорил он с гордостью, — первыми перешли границу, установленную Гитлером, и освободили первый клочок нашего Ардяла.

— А что ты будешь делать, — спросил дед Дяк, — если это окажется неправдой?

— То есть как это неправдой? Иначе и быть не может, — решительно ответил Зайня.

Я почувствовал, что Зайню тоже точит сомнение, но не стал его беречь, а про себя думал, что слишком уж быстро мы набросились на немцев, и при этом по своему собственному разумению, да еще по подстрекательству жен. Зайня тем временем успокоил людей как мог, расположил их по всем правилам в конце улицы, по канавам, возле заборов и домов, чтобы не оставалось непростреливаемых мест. Потом послал людей за лопатами и заступами и приказал всем копать окопы и укрытия.

— А что, если они придут с пушками? — спросил Бижу.

— Это легче всего, Иоан, — ответил ему Чехан, — пошлем тебя, чтобы ты заткнул им дула!

Все расхохотались. Я подошел к Зайне и шепнул, что было бы неплохо еще раз сходить к венгерским пограничникам. Может, от них удастся узнать что-нибудь о приказе, который получили немцы.

— Пошли! — ответил Зайня.

Мы снова пошли вверх по улице, утопая ногами в пыли. Было тихо. С гор потянуло прохладой. Все дома были заперты. Дворы пустынные. Все перебрались в верхнюю часть села, к своим родственникам или знакомым. В примэрии часовые несли службу по всем правилам. Около крыльца какие-то женщины зажгли свечи у изголовья убитых жителей села, а также горных стрелков и пограничников. Они тяжело вздыхали и проклинали гитлеровцев.

— Мама, что делает папа? — спрашивала дочка Никэ Унсоаре.

— Спит, доченька, — отвечала женщина голосом, охрипшим от плача...

Я догнал Зайню почти у венгерской пограничной заставы, и мы вместе поднялись на крыльцо. Открыли дверь и вошли внутрь. Венгры сидели вдоль стен и курили. Их старший сержант Имре Ласло спросил нас, не знаем ли мы, что творится у них в стране, не покончили ли также и у них с Хорти и Гитлером.

— Что нам остается делать? — волнуясь, спрашивал он. — Не идти же нам и дальше с закрытыми глазами с немцами!

Когда Зайня спросил, правда ли, что немцы получили какой-то приказ в отношении нас, Ласло ответил, что слышал об этом своими собственными ушами. Помолчав, добавил, что минувшей ночью немцы попали в невиданный переплет...

От венгерских пограничников Зайня пошел обратно к нашим, которые залегли на окраине села, а я бросился домой. Добравшись до ворот своего дома, я остановился и перекрестился: мне показалось, что по двору мелькнула тень. Став в тени забора, я взял винтовку в руки и стал наблюдать. Какая-то тень шмыгала по двору то в одну, то в другую сторону. «Караулит! — сказал я самому себе. — Но кто бы это мог быть?» Я потихоньку стал пробираться вдоль забора, чтобы незаметно подойти ближе.

— Кто там? — услышал я писклявый женский голос.

Это была Лавиния, моя жена. Наверное, что-то произошло, подумал я, и быстро подбежал к ней. Лавиния схватила палку и приставила к моей груди.

— Какого черта ты здесь делаешь? — спросил я.

— Охраняю дом.

По голосу ее я почувствовал, что в доме творится что-то неладное. Я хотел было устранить ее, но она прижалась к двери и закричала:

— Не входи, Висалон...

Я разъярился; ведь я даже не представлял себе, что она может от меня скрывать что-либо, и с силой оттолкнул ее.

— Висалон, — закричала она, — не делай глупостей!

Открыв дверь, я натолкнулся на Иринuku и Шандора, венгерского пограничника, с черными густыми, закрученными вверх, на венгерский манер, усами. Только тут я вспомнил, что Шандора не было на заставе...

Иринuku застыла с солдатской одеждой в руках. Щеки у нее загорелись от стыда. Большие глаза смотрели со страхом. Шандор успел только натянуть брюки Василя, моего сына, который был на фронте в Молдове, и теперь пытался надеть и рубашку, которая была ему явно не по росту и рука с трудом пролезала в рукав.

Через мгновение и Шандор замер. Виновато уставился в потолок. Мои руки, державшие винтовку, дрожали...

— Тятя! — произнесла Иринuku, прижимая к груди солдатскую одежду Шандора.

— Висалон! — ворвалась в комнату перепуганная жена. Она встала между мной и ими. — Не ругай их, Висалон! — просила она. — Немцы уйдут, Ардял будет наш. Война пройдет... А он, — она повернулась к Шандору, — на какое-то время скроется в горах или уедет домой в Регин, пока не настанет мир!

Я взглянул на Иринuku. В глазах ее стояли слезы. Шандор неотступно смотрел на Иринuku... «Только этого нам и не хватало...», — с ожесточением в сердце подумал я, но тут же сердце мое смягчилось. Я сел на край кровати, в которой спали дети, и, поставив винтовку между колен, задумался. Иринuku с плачем бросилась ко мне и начала целовать мне руки; Шандор сделал шаг к ней, потом остановился в ожидании моего благословения.

— Пусть это будет твой грех, — сказал я жене.

С горечью в сердце спустился я в долину к своим. Жители, перешедшие в верхнюю часть села, возвращались к своим дворам за каким-нибудь пустяком, без которого не могли прожить даже до утра, когда все должно было решиться в ту или иную сторону. Жена Кристчука прибежала за фотографиями своих детей, сделанными в Клуже в 1940 году, Штефания Дяка тащила цепь для теленка, а баба Леонтина вернулась за свечками. Остальные женщины, что помоложе, собрались возле окопов в долине; беспокойство за жизнь мужей пересилило страх перед немцами, которые должны были появиться с минуты на минуту.

— Валериу, — советовала Мэриука мужу, — не суйся вперед, слышишь?

— Не выходи из окопа, — шептал кто-то рядом, — а то застрелят...

— Ох! — не выдержал в конце концов Зайня. — Уходите наверх!.. Приходите позднее, если уцелеем, повеселите нас, а нет, положите цветы на наши могилы!

Мы усьелись на краю окопа и стали слушать Зайню.

— При появлении немцев каждый должен быть на своем месте, хорошо целиться, стрелять по команде — вот и все!

Выкурив по сигарке, мы разошлись по местам. Дело шло к утру, и нас очень беспокоило, что от горных стрелков не было никаких вестей. Мы даже не знали, добрались ли до них Тудораке и Бызгэу и сообщили ли им, в каком мы находимся положении. Мы то и дело оглядывались назад, в сторону гор, и на душе становилось все тяжелее, так как ничего не было слышно. Небо же над нами все больше светлело.

Через некоторое время послышался треск мотоцикла, который ехал со стороны Братки с зажженными фарами. Поскольку мы были на склоне, заметили его издали.

— Зайня, давай натянем проволоку, — предложил Валериу. — Нам ничего не надо будет делать: головы у них отлетят в одно мгновение.

— Натягивай! — согласился сержант. — Это, наверное, телефонисты или связные...

Валериу быстро пересек улицу, раздобыл проволоку, натянул ее и привязал на противоположной стороне дороги на высоте в половину человеческого роста. Мы притаились в окопах и канавах по обе стороны от дороги и стали

ждать. В темноте проволоку можно было увидеть только на расстоянии шага. Мотоцикл приближался все ближе, и вскоре по их каскам, похожим на котелки, мы определили, что в нем едут немцы. В начале улицы мотоцикл немного сбавил ход, но, видя, что все спокойно, немцы поехали быстрее. Проволокой им, правда, не снесло головы, так как они еще не набрали достаточно большой скорости, но обоих сбило в пыль. Мы выскочили из окопов и канав и набросились на них. Мотор некоторое время еще тарахтел в канаве, потом затих. Гитлеровцев мы обезоружили, поддали им малость, так как они стали сопротивляться, а потом отвели в примэрию.

— Видал, а! — закричал Пику. — С этими мы быстро покончили!

— Быстро.

— Теперь может являться хоть сам Гитлер!

Тем временем неожиданно вернулся Тудораке, который ездил с Бызгэу через горы, чтобы сообщить, что мы сами по себе поднялись против гитлеровцев и заняли село. Тудораке приехал верхом. Мы все окружили Тудораке, который, торопясь, забегая вперед, стал рассказывать.

— Придут, — выпалил он. — Целый батальон переходит через горы, чтобы занять село на этой стороне и держать оборону, пока не подойдут наши из Турды и Клу-жа... Бызгэу остался, чтобы провести горных стрелков прямо через лес...

— Ну и когда придут?

— Днем... а до тех пор нам любым путем надо сдерживать натиск немцев!

— Сдержим! — крикнул Пику. — Пусть только попробуют сунуться!

Зайня остановил разбушевавшихся селян и спросил Тудораке, что слышно по ту сторону. Правда ли, что мы в ту ночь повернули оружие против гитлеровцев.

— Правда, все правда! — повторил Тудораке. — И в Бухаресте, и по всей стране поднялись рабочие и армия. Свергли Антопеску и неожиданно напали на немцев... Бои идут повсюду... Армия уже получала приказ двигаться сюда, к границе, и освободить Верхний Ардял. Дороги забиты бегущими немцами, но нигде нет им спасения, так как в эту ночь весь народ поднялся против них. В Рошии я встретил одного рабочего с лесозаготовок. Он сказал,

что движение начали коммунисты и что они не остановятся, пока не добьются свободы для всех.

Эти слова нас обрадовали даже больше, чем весть, что горные стрелки двинулись нам на помощь. Но в сердце закралась и искорка беспокойства, когда я услышал про коммунистов. Мы еще теснее окружили Тудораке, который должен был знать все, раз говорил с рабочим, и стали расспрашивать, чего именно добиваются коммунисты.

— Я же вам сказал... свободы для всех и никакого угнетения...

Взволнованные, мы не заметили, что стало светло и что вдалеке, со стороны Братки, показались три немецких грузовика.

— Теперь кончайте! — закричал Зайня. — Все по местам!

Нас, тех, что были постарше, расположили ближе к окраине, чтобы мы только поддерживали наших огнем, а в самом конце улицы залегли горные стрелки и самые крепкие из селян: Валериу, Пику и другие. По приказу Зайни мы позволили первому грузовику, ехавшему в двухстах — трехстах шагах впереди остальных, приблизиться к селу. Кузов был открыт, и мы увидели четыре ряда немцев с оружием между ног. Зайня предупредил всех: до его команды не стрелять... Так грузовик достиг начала улицы, с обеих сторон которой залегли наши. Тут из своего окопа Зайня дал автоматную очередь — и все наши винтовки, автоматы, а также пулеметы, которые были у горных стрелков, открыли бешеный огонь. Он был довольно сильным, и потому половина гитлеровцев в кузове сразу же полегла. Остальные же выскочили из грузовика, и тут началось... Мы стреляли несколько рассеянно и только прижали гитлеровцев к земле. Тут размеренно ударили их пулеметы, прорывая между нами глубокие борозды. После первой очереди упали дед Дяка и Бижу. Горные стрелки, увидев это, бросились на гитлеровцев.

Я уже говорил, что бывал в своей жизни и в штыковом бою в Триесте и в Галиции, но такого бесстрашия, как у горных стрелков, не видел. Они ворвались в ряды гитлеровцев, стреляли, кололи их штыками, хватали за горло и катались вместе с ними по земле. Нам стало страшно за наших, и, не стерпев, мы бросились в гущу свалки, забыв о других грузовиках, медленно поднимавшихся в гору. Разгорячившись, я даже не заметил, как кончился этот бой...

— Э, дядюшка Висалон, остановись! — крикнул мне Зайня.

Лицо у него было в крови: один из гитлеровцев ударил его прикладом. Валериу пуля попала в ногу возле колена, он хромал и стонал от боли, а Пику и трое горных стрелков лежали, намертво сцепившись с гитлеровцами.

Но мы не успели даже перевязать раненых. Немцы, дождавшись, пока несколько спасшихся из первого грузовика добежали до них, начали стрелять из пушек. Пушки эти были прицеплены сзади грузовиков, и поначалу мы их не заметили. Первые снаряды попали в дома в конце улицы. Загорелись крыши. Потом снаряды начали падать то на улицу, там, где были укрытия горных стрелков, то опять на дома, пока всю эту часть села не охватило огнем и не затянуло дымом. Из долины гитлеровцы, соскочившие из следующих грузовиков, несколькими рядами поднимались к нам...

— Стреляйте кому когда сподручнее, — крикнул Зайня, — но чтобы ни один не прошел!

Мы стреляли, охваченные страхом и в то же время ободренные храбростью и спокойствием горных стрелков...

И пока мы стреляли так, без передышки и не отрывая глаз от гитлеровцев, подошли горные стрелки. Перевалив через горы, они теперь выходили из леса, развернувшись для атаки... Их цепи, смешавшиеся с женщинами, выбежавшими из домов, будто скатывались в долину... Большая же часть пошла в обход села с одной и другой стороны и вышла из леса рядом с немцами...

Увидев, как гитлеровцы забираются в грузовики, мы поняли, что победили, и, радостно крича, выскочили из окопов. Потом бросились обниматься с горными стрелками, которые шли сплошным потоком. Рядом с ними шли наши жепы.

Что было потом, не знаю, так как я тут же пошел домой. Беспокоился о жене, детях, Иринке, которая не стала ждать и сама решила свою судьбу в эту памятную ночь...

В ЗАСАДЕ

Рассказ новобранца

Мы с нетерпением ждали вечера. С самого рассвета, когда мы перешли в наступление, и до наступления сумерек все мы были в самом настоящем аду. Гитлеровцы непрерывно обстреливали нас артиллерийским и минометным огнем и с ожесточением около двадцати раз контратаковали. Их взбесило то, что мы неожиданно выбили их с позиций на высоте Бытка и отбросили назад на берег и к опушке леса Эскалия. А некоторым взводам одной из наших рот удалось даже выйти в лес и занять оборону прямо в расположении немцев.

Мы еще больше приблизились к городу Тыргу-Муреш. Однако наши позиции были очень невыгодными. Взводы, особенно расположенные в лесу, глубоко вклинивались в боевые порядки немцев. А произошло это из-за того, что ни батальону, расположенному слева и наступавшему вместе с нами на высоту Черы, ни батальону, наступавшему

справа, который должен был продвигаться через лес и по ту сторону леса, не удалось выбить немцев с занимаемых ими позиций. Как и другие наши части, мы не стали ждать часа наступления. Ночью мы ползком подтянулись по склону высоты и, прижавшись к земле, остановились в ста шагах от гитлеровцев.

— Если бы мы это не сделали, — объяснил нам наш командир взвода лейтенант Ноня, — на рассвете нам пришлось бы брать высоту на глазах у немцев...

И поэтому мы внезапно, словно выросшие из-под земли привидения, бросились на ошеломленных немцев.

Если бы нам не удалось сделать это, мы предстали бы перед немцами совершенно открытыми, и они уничтожили бы нас всех до единого. Когда мы выбили немцев с занимаемых ими позиций, наше положение еще больше осложнилось. Мы очень глубоко вклинились в их оборону. Фланги у нас были открытыми, поэтому нам пришлось отражать атаки немцев не только с фронта, но и слева, со стороны высоты Черы, и справа, со стороны леса Эскалия.

Наш батальон занимал оборону ромбом: одна рота располагалась впереди, две — по сторонам и одна сзади. В течение всего дня немцы старались или перерезать нашу связь с частями, атакуя нас с обеих сторон, или выбить с высоты Бытка и отбросить назад в сторону населенного пункта Пэрэсэни, атакуя с фронта.

— Если мы выйдем из окопов и из леса, — заметил встревоженный лейтенант Ноня, — мы пропадем: немцы уничтожат нас с тыла.

Мы получили приказ любой ценой оборонять высоту Бытка и опушку леса. В такой обстановке нас могло спасти только наступление остальных наших батальонов, остановленных немцами. А пока мы должны были собственными силами сдерживать лавину немцев с фронта и волны атакующих нас с двух сторон. На нас обрушилась вся огневая мощь немцев на этом участке фронта. Высота Бытка и опушка леса, за которые мы зацепились, как за соломинку, сотрясались от взрывов. Все было окутано дымом. Время от времени, считая, что подавили нас, немцы подымались в атаку. Но каждый раз в пятидесяти шагах от наших позиций мы огнем и гранатами останавливали их и вынуждали ползти обратно в лес и искать убежища в окопах. Так повторялось несколько раз. Каждый раз мы подпускали их поближе, держали в напряжении,

обманывали своим мнимым исчезновением и опять оставляли уничтожающим огнем.

Обстрел и беспрестанные атаки немцев изнурили нас настолько, что временами хотелось выбежать из окопов навстречу огню немецких пулеметов и покончить с этим раз и навсегда. Более опытные солдаты успокаивали нас, зеленых рекрутов. Они знали, что в подобной обстановке побеждает тот, у кого нервы крепче.

Атаки немцев стали еще более ожесточенными с приближением сумерек, когда в некоторых местах им удалось проникнуть в нашу оборону. Наша артиллерия открыла яростный огонь, но ей не удалось остановить волны гитлеровцев. Тогда мы попросили помощи у советской артиллерии, у советских частей, которые расположились по ту сторону леса. На сей раз мы не стали ждать, пока немцы приблизятся к нашим позициям, и открыли огонь с дальних дистанций, чтобы вынудить их развернуться. Это позволило нам выиграть время. Командир нашего отделения, сержант Думитраке, лежа под деревом, посылал короткие автоматные очереди по лежащим немцам.

Справа от Думитраке за ручным пулеметом залег Ион Боатэ. Он брал немцев на мушку и ругался, когда деревья мешали ему вести огонь. Сержант Думитраке и капрал Ион Боатэ были нашими «старичками».

Нас же призвали в армию только этой весной, и мы научились стрелять уже в ходе боев с немцами. У нас не было ни выносливости, ни уверенности старших солдат, поэтому мы больше смотрели на них и делали то, что делали они. Когда гитлеровцы подползали к нам так близко, что мы видели их угрюмые лица, нами овладевал страх. В таких случаях мы не отрывали глаз от Думитраке и Боатэ. Так было и сейчас. Вставляя дрожащими пальцами в автомат новый диск, я случайно послал одну пулю в небо.

— Георге, мать твою... — рывкнул рассвиревевший Думитраке, — что же ты делаешь?!

— Господин сержант, я только сменил диск.

— погоди, мы с тобой еще поговорим, — пригрозил он, — а теперь давай стреляй куда надо.

Я положил автомат на бруствер окопа, уперся локтями в землю и, забыв о страхе, открыл огонь. В это время к нам прибыл советский артиллерист-наблюдатель, долговазый, белокурый офицер. Он стал расспрашивать нас о расположении позиции гитлеровцев.

— Бах?.. Бах? — спросил Думитраке советского офицера.

— Да, да! — подтвердил он наши догадки.

Потом офицер стал проводить линии и делать какие-то расчеты на маленькой, как грифельная доска, планшетке. Тем временем к нему подошел один из его товарищей, молоденький паренек, который с радией пробрался к нам через взрывы снарядов. Державший планшетку офицер протянул ему бумагу с расчетами. Радиист, ловко покрутив ручки аппарата, стал шептать в эбонитовую трубку. Через минуту он повторил сказанное, поскольку гитлеровцев скапливалось перед нашими позициями все больше и чувствовалось, что они вот-вот поднимутся в атаку. Прошло несколько минут. Мы и русские напряженно вглядывались в движущиеся волны немцев. Вдруг несколько снарядов одиноко просвистели и упали примерно в ста шагах перед нашими позициями прямо в гущу немцев.

— Хорошо... стреляй!.. Стреляй! — крикнул в трубку радиист.

В ту же минуту позади нас послышался протяжный металлический рев. Небо озарилось синие-белыми и краснорылыми полосами.

Этот ливень огня и расплавленного железа, обрушившийся на головы гитлеровцев, продолжался всего семь-восемь минут, но показался бесконечным. Лес горел...

И вдруг все кончилось. Русские офицеры свернули карту, уложили радию и свернули по пиларке. Стали ждать.

Когда дым в лесу немного рассеялся, перед нашими глазами предстали стертые с лица земли позиции гитлеровцев и горящий лес.

— Ну, до свидания! — сказал советский офицер с картой.

— Молодец, Иван! — крикнул кто-то из нас. — Спасибо!

Мы подняли свои винтовки, ящики с патронами, гранаты и пошли в глубь леса, поближе к опустошенному «катышами» месту. Между нами и гитлеровцами чернела поляна и у нас теперь был хороший сектор обстрела. Мы стали быстро окапываться.

Дым постепенно рассеивался. Стало смеркаться.

Рытье окопов мы закончили, когда еще можно было различить зеленую, местами тронутую осенней желтизной

листву леса. Лежа в окопах мы вглядывались в листву и думали о том, что нас ждет впереди.

Для нас, рекрутов, призванных летом, это был первый настоящий бой...

В день восстания наш 7-й батальон горных стрелков находился в городе Дева. Мы не закончили даже индивидуальной подготовки, когда нас подняли по тревоге и направили вверх по реке Муреш с задачей остановить противника в районе Алба-Юлия, прежде чем он займет дефиле.

На следующую ночь по двум понтонным мостам мы переправились через реку Муреш. Прибыв на рассвете в указанный район, заняли позиции, пересекающие шоссе, реку и железную дорогу в направлении от населенного пункта Чиглмэ к Орашtie.

Вскоре в этом районе наша часть была заменена другими, более подготовленными частями, которые вступили в войну, когда она только начиналась. Эти части бросили в помощь нашим немногочисленным войскам, находящимся на границе.

Мы выступили из населенного пункта Джигмэу и ни одного дня не задерживались в каком-нибудь месте, так как фронт был в постоянном движении.

В течение двух недель, пока фронт не стабилизировался в районе среднего течения реки Муреш, мы метались с одной позиции на другую в тылу наших ведущих бой частей. Не знаю, как это получалось, но как раз в те моменты, когда наша часть тоже должна была вступить в бой с гитлеровцами, прибывали другие части и сменяли нас. А мы форсированным маршем трогались в другой район. Мы были сыты по горло ночными маршами по грязным и размытым дорогам, мучительным выжиданием в окопах и траншеях. Особенно досадно было, что вместо нас другие должны были воевать с немцами.

Однако незаметно для самих себя мы привыкали к треску пулеметов, к свисту пуль, к ожесточенным бомбардировкам, когда казалось, земля вот-вот разверзнется под ногами... Но до боя на высоте Бытка мы ни разу не оставались, как сейчас, один на один с гитлеровцами.

— Ты что здесь делаешь? — прервал мои мысли Думитраке.

— Сижу...

— А зачем посылаешь пули на ветер?

— Только одну, господин сержант, когда досылал затвор, — защищался я.

— Смотри у меня, Георге!

Думитраке был человеком рассудительным, но мы боялись его из-за угрюмого, мрачного вида и манеры резко разговаривать. Он обучал нас, и это заставляло его быть примером во всем. Солдаты поговаривали, что он многое пережил и поэтому держался с нами на расстоянии. Год назад, когда он был на войне, его жена спуталась с одним богачом.

— Георге, углуби окоп! — приказал он мне.

— Господин сержант, что будем делать дальше? — осмелился я спросить Думитраке. — Неужели останемся здесь?..

— А как же?!

— А если немцы нападут на нас...

— А разве до сих пор они не нападали?

Я замолк и принялся выгребать землю из окопа руками: с лопатой негде было развернуться.

Думитраке приказал и остальным солдатам углублять окопы до полного профиля. Потом мы разложили боеприпасы и проверили связь с соседями справа и слева.

Мой окоп был расположен в кустах, справа от окопа сержанта Думитраке. Лес погрузился в темноту. Вести наблюдение стало трудно. Вскоре все приготовления были закончены. Настало время передохнуть.

И надо же, командир нашего взвода, лейтенант Ноня, назначил наше отделение в засаду.

— Если удастся, попытайтесь выйти на опушку поляны, расчищенной «катюшами», — посоветовал Ноня сержанту Думитраке. — Там у вас будет хорошее поле обзора... С кем ты пойдешь?

— С кем? Ну, с Боатэ, у него ручной пулемет, и с Георге.

Охваченный страхом, я вылез из окопа. Даже не помню, когда мы отправились в засаду. В себя я пришел уже в лесу. Впереди полз сержант. За ним Боатэ. Я был последним.

В сорока — пятидесяти шагах от нас виднелась поляна. Мы остановились. Осмотревшись, поползли дальше. Продвигались осторожно, чтобы не наскочить на немцев.

С противоположной стороны поляны слышалась немецкая речь и глухой скрежет лопат.

— Роят, — объяснил нам Думитраке. — Давайте и мы начнем. Надо быстрее. Пока шумно, они ничего не услышат.

Мы выбрали место за деревьями, установили ручной пулемет и начали рыть. Руки у меня дрожали. Через несколько минут меня прошиб пот. Думитраке и Боатэ рыли спокойно. Время от времени они делали мне знаки остановиться, и мы прислушивались: не услышали ли нас немцы. После того как наши выбили их с опушки леса, они стали окапываться в глубине леса. Через некоторое время у немцев наступила тишина.

Боатэ взялся за ручной пулемет, Думитраке за автомат. Я ощупью отыскал свою винтовку и, зажав дыхание, прижался к сержанту.

— Все дрожишь? — шепотом спросил меня Думитраке.

— Да...

— Ничего, пройдет!

Когда немцы снова начали рыть окопы, мы тоже взялись за лопаты. После того как рытье было окончено, мы стали по очереди дежурить у пулемета. Не знаю почему, но я попросил сержанта назначить меня дежурить первым и занял место Боатэ за ручным пулеметом.

— Как только заметишь что-нибудь подозрительное, буди нас! — приказал мне Думитраке.

Думитраке и Боатэ скрылись в окопе. Стало тихо, и я сразу почувствовал себя одиноким.

В каких-нибудь ста шагах от меня были немцы, и мне чудилось, что темнота кишит их тенями.

Думитраке и Боатэ, положив оружие под головы, вскоре уснули. Я тоже стал клевать носом.

Лес погрузился в темноту, и я уже ничего не различал. Немцы тоже закончили рытье окопов, и у них тоже стало тихо.

Я напряженно всматривался в темноту, но ничего не видел. Подумал, что нужно разбудить сержанта Думитраке и спросить, все ли кажется ему спокойным. Вдруг я печально коснулся лбом пулемета и вздрогнул. После этого снова начал различать поляну, росшие по ту сторону деревья и кустарники, мерцающие сквозь листву звезды. Стал слышать и скрежет лопат немцев.

Я так и не разбудил сержанта Думитраке. Начал рассматривать сожженную «катюшами» поляну с черными обугленными стволами деревьев. Земля была изрыта снарядами. То тут, то там виднелись трупы немецких солдат. Слева поляна сужалась настолько, что немцы могли бы преодолеть ее за несколько перебежек. Но там было выставлено сторожевое охранение от других наших взводов. Однако справа за нами больше никого не было. Охранение здесь обеспечивал резервный взвод, прикрывавший тыл и фланги наших позиций в лесу. 3-й батальон горных стрелков, который выступил на рассвете вместе с нами, отстал и не достиг леса. Справа поляна скоро кончалась и была закрыта высоким и густым кустарником. Я сразу решил, что если немцы попытаются напасть на нас, то пойдут именно отсюда. Я направил ручной пулемет в эту сторону и не сводил глаз с кустарника... «Нет, в сумерки они не пойдут, — утешал я себя. — Может быть, позже, после полуночи, но тогда дежурить будет Думитраке или Боата, так что мне нечего бояться!»

Стало немного светлее. Тише. Движения немцев слышались теперь отчетливее. Они продолжали лихорадочно рыть окопы. Потом начали забивать какие-то колья, ударяя по ним чем-то таким, что приглушало удар. «Укрепляют оборону, — обрадовался я. — Значит, у них нет мысли атаковать нас!»

Через какое-то время все стихло. Подул легкий ветерок.

Наступила тишина по ту сторону от нас на всем протяжении цепи высот и сел по реке Нираж. Только изредка над головой у нас пролетали снаряды, которые немцы выпускали из села Копунка или даже из самого Тыргу-Муреша. Снаряды рвались далеко в тылу, может быть, в населенных пунктах Болинтинени, Пэрэсэни или Троица и дальше, так как я уже не слышал их взрывов. Неужели немцы думают, что мы позволим им пройти здесь? Даже если бы нам пришлось грызть зубами землю, все равно мы выгнали бы их из Трансильвании!

Проснулся сержант Думитраке. Я подумал, что он проснулся от холода или оттого, что у него онемела рука, на которой он лежал. Но он шарил на ощупь, пока не наткнулся на вещевой мешок. Порывшись в нем, спросил:

— Еду не приносили?

«Значит, его разбудил голод», — подумал я. Минувшей ночью между атаками нам удалось стряпать только по одному сухарю. Нервы мои были напряжены настолько, что я совсем забыл об еде, но вопрос сержанта пробудил у меня волчий аппетит.

— Нет, не приносили еще, господин сержант...

— Боатэ, — начал он будить капрала. — Отправляйся за едой и скажи артельщику, что, если он еще раз забудет о нас, я позабочусь о том, чтобы его послали сюда, в засаду...

Боатэ поднялся из окопа и стал тереть глаза. Думитраке протянул ему вещевые мешки и котелки. Показал дорогу:

— Не отклоняйся ни вправо, ни влево! Держись прямо!

Боатэ уполз с вещевыми мешками за плечами, прижимая к груди котелки, чтобы они не зазвенели и не выдали нас. Сержант Думитраке снова улегся на своем ложе из листьев на дне окопа, но уснуть не мог. Он лежал накрывшись плащ-палаткой и молча смотрел на звезды, мерцавшие сквозь листву деревьев. Немцы были буквально в двух шагах от нас, но это не волновало его. Он привык к войне. «После долгих лет пребывания на фронте, — подумал я, — война стала для него горькой привычкой, от которой он не мог отделаться». Он смело шел в атаку. Когда ложился за ручной пулемет, вел огонь уверенно, словно рубил дрова. Ни бомбардировки, ни пули не пугали его... И все же война была для него мучением, болью. «Теперь по крайней мере мы знаем, за что воюем!» — сказал он мне однажды в засаде. Со временем я понял, что смертельная ненависть к гитлеровцам, расчетливая, ясная и холодная, накладывала отпечаток на все его поведение.

Вслушиваясь в тишину, я забыл о Думитраке и снова стал думать о немцах. Сентябрьское небо прояснилось. Стало холоднее. Ветерок нес с собой запах золы и пепла.

В нескольких шагах от себя я увидел Боатэ. Мы схватили вещевые мешки и стали быстро вынимать оттуда куски черствого черного хлеба и куски сала, обваленные в перце. В котелках оказались только комки водянистого желатинового мармелада.

— Боатэ, что это такое? — с недовольством в голосе спросил Думитраке.

— Немцы накрыли наши кухни! — объяснил Боатэ.

— Черт бы их побрал! — процедил Думитраке. Разозлившись, он взял мармелад и запустил им в дерево. — Неужели не могли сварить кофе?

— Кофе привезут утром, — ответил капрал.

Лежа на животе и не спуская глаз с немцев, мы стали есть хлеб с салом. Думитраке первым закончил трапезу и начал отчитывать Боатэ.

— Послушай, Боатэ, я не наелся!

— Господин сержант, тогда я еще раз пойду!

В этот момент все мы замерли. Кустарник справа слегка заколыхался. Думитраке сделал нам знак прижаться к земле. Колыхание на минуту прекратилось. Затаив дыхание, мы ждали. Потом ветви зашуршали. Боатэ схватил ручной пулемет, а мы с Думитраке взяли гранаты.

Взяв автомат и растворившись в темноте, Думитраке выбрался из окопа, пополз по-кошачьи вправо, засел против поросли. Он никогда раньше времени не раскрывал себя и подпускал жертву на очень близкое расстояние, чтобы неожиданно наброситься на нее. Кусты продолжали шуршать. Вдруг Думитраке пополз вперед и вскоре скрылся в двигающейся тени... «Он с ума сошел!» — подумал я и с силой сжал гранату. Боатэ крепче прижал к плечу ручной пулемет. Через какое-то время кустарник начал шевелиться. Казалось, кто-то прижимал его к земле, а затем отпускал.

— Господин капрал, наверное, на него набросились немцы! — прошептал я. В ответ Боатэ закрыл мне рот ладонью. Кустарник шевелился еще некоторое время, потом все прекратилось. Теперь даже Боатэ не выдержал и легонько свистнул. Думитраке ответил ему.

Вскоре появился и он сам. В одной руке он держал автомат, а другой прижимал к груди каску. Усевшись возле нас, прошептал:

— Никого... это ветер, — и, указывая на каску, добавил: — Берите... Там орешник!

Я протянул руку и нащупал в каске орехи. Мы стали щелкать.

— Господин сержант! Я пойду принесу еще, — проговорил Боатэ.

Но Думитраке не разрешил ему. Он сказал, что нам лучше было бы расположиться прямо в кустарнике и там организовать засаду.

Мы по очереди поползли в орешник.

Устроившись на новом месте, мы снова принялись грызть орехи. Легкий ветерок раскачивал верхушки орешника, и потому было незаметно, что мы рвали орехи.

После полуночи меня сменил Боатэ. Мы с Думитраке легли, укрывшись плащ-палатками, и быстро уснули. Сколько мы спали, не знаю, но нам показалось, что уже через минуту Боатэ разбудил нас и жестом указал на какие-то тени на поляне. Тени перебегали с места на место, подбирали с земли какие-то предметы и волокли их в лес. Нам даже послышались глухие стоны.

— Немцы собирают своих убитых и раненых, — пояснил нам Боатэ.

Думитраке подполз к Боатэ и стал наблюдать за немцами. Сердце у меня часто забилося, кровь ударила в виски. Спина покрылась холодным потом. Ведь никогда раньше я не видел немцев так близко. На поляне их было немного, человек семь-восемь.

— Господин сержант, что будем делать? — спросил Ион Боатэ, прижимая к плечу ручной пулемет. — Открывать огонь?

— Нет, — ответил ему Думитраке, — оставь их в покое, не трогай... Только если перейдут поляну...

Из-за леса, с высоты Бытка, доносился приглушенный шум моторов. Когда он стихал, слышались шаги. Выйдя из-за кустарника, я увидел, что немцы выходят из леса и собираются у подножия высоты... «Не могут смириться с мыслью, что потеряли высоту. Бытка», — подумал я.

— Боатэ, — приказал сержант Думитраке, — ступай в роту и доложи командиру, что немцы сосредоточивают у высоты Бытка пехоту и танки.

Когда Боатэ вернулся, тени немцев исчезли. Боатэ сообщил нам, что на командный пункт роты прибыли связанные и от других засад, расположенных на опушке леса. Они также доложили о передвижениях немцев.

— Наша задача — следить за лесом, — передал Боатэ приказ командира роты.

— У немцев уже пропала всякая охота наступать из леса, — заметил Думитраке.

Вскоре со стороны леса послышались приглушенные голоса и топот. Потом мы услышали приближающийся шум подвод, ржание лошадей, немецкие команды. Через несколько минут лес заполнился стуком колес и беспоряд-

дочным топотом лошадей. «Это колонна подвод», — прошептал сержант Думитраке.

Я зная, что нам нечего бояться. Ведь в нашу задачу входило только поднять тревогу и быстро отойти на наши основные позиции. И все же я не мог преодолеть страха, который рос с приближением подвод. Затем мы услышали непонятную речь. Колонна остановилась в ста шагах от нас. Лошади начали громко фыркать, встряхиваться, греметь сбруей.

— Подвезли боеприпасы, — сказал Боатэ.

— Тихо! — прошептал Думитраке.

Мы крепко сжимали в руках оружие и прислушивались. Наступила минута тишины, а потом к нам донеслись обрывки команд и топот. Лес наполнился приглушенным скрежетом пил и звонкими ударами топоров. Мы слышали, как с треском падали деревья, как обрубали ветки, как люди кряхтели от натуги при погрузке дров на подводы. Вдруг кто-то рассерженным тоном отдал по-немецки команду, и шум несколько поутих.

— Это немцы приехали за бревнами, — заметил Думитраке.

Боатэ снова тайком пробрался к нашим и доложил, что немцы прибыли с подводами и недалеко от нашей засады рубят лес. Мы с Думитраке оставались в засаде и продолжали наблюдать за дровосеками. Вскоре капрал Боатэ возвратился и передал приказание продолжать наблюдение за немцами и установить, не строят ли немцы из срубленных деревьев укрепленные укрытия.

— Как же мы узнаем, что они строят? — вспыхнул Думитраке. — Пойти к ним, что ли?

— Зачем идти, — сказал Боатэ, — мы же услышим, что они будут делать.

Думитраке и Боатэ продолжали наблюдать за лесом, а я улегся на землю, чтобы немного поспать. Устал я ужасно. Глаза слипались. Я боялся, что немцы могут напасть на нас и захватить меня спящим. И все же мне удалось немного вздремнуть. Мысли мои рассеялись. Свист пил и стук топоров смешались и приглушенно звенели в ушах. Поначалу я вздрагивал и просыпался каждый раз, когда падало дерево, потом растянулся на земле и уснул...

Меня разбудил Думитраке. Из леса как раз напротив орешника, в котором мы находились, слышались шаги. Держа оружие наготове, мы прижались к земле и стали наблюдать. Три тени стали перебегать от дерева к дереву и подавать кому-то знаки. Оружия у них не было, и Думитраке шепнул, что их надо подпустить поближе. Вдруг вслед за ними из леса выскочило еще несколько десятков теней. Видимо потеряв всякое терпение, они опрометью побежали прямо в сторону наших позиций. Заметив орешник, на секунду остановились. Тут мы увидели, что это и были дровосеки. В руках они держали топоры, а за плечами у них висели котомки.

Двое из них остановились напротив нас, бросились на землю и поползли прямо в нашу сторону. Они чем-то очень напоминали слепых кротов, отчаянно ищущих укрытие. Сержант Думитраке сделал нам знак, чтобы мы ничем не выдавали себя и выжидали. Дровосеки подползли прямо к нашему орешнику. Думитраке дал им немного опомниться, потом протянул руку и схватил одного из них за плечо.

— Тихо! — прошептал Думитраке.

Крестьяне онемели.

— Что с вами? — строго спросил их Думитраке.

— Мы убежали от немцев... — пробормотал по-румынски один из них.

— Нас погнали за дровами, — добавил другой, показывая на лес.

Прячась за деревьями, в орешнике стали останавливаться другие перебежчики.

— Зовите остальных! — потребовал Думитраке.

Один из крестьян выполз из орешника, поднялся на ноги, как-то по-особому свистнул несколько раз и стал подавать знаки рукой. К нам бросилось двадцать — тридцать теней. Орешник заколыхался. Со стороны леса слышалась пулеметная очередь — и над нашими головами просвистели пули.

— Ни дна вам, ни крыши! — рассердился Думитраке и приказал: — Всем лежать и не двигаться!

Мы снова прижались к земле, приготовившись встретить немцев огнем, если они придут за крестьянами. Но больше никто не стрелял. И в лесу не было заметно движения. В наступившей тишине по-прежнему слышался

стук топоров и скрежет пил дровосеков. Затаив дыхание, и мы и крестьяне лежали в орешнике. Вскоре крестьяне забыли, что немцы находятся совсем рядом, и, сгрудившись вокруг нас, стали кричать:

— Братцы, братцы!..

— Братья, мы так долго ждали вас!

— Ведь прошло уже четыре года...

— Немцы относились к нам, как к собакам...

— Некоторые, — уже спокойнее сказал кто-то, — живут здесь, по эту сторону фронта, и теперь могут идти домой. Мы же с той стороны... Мы пойдем с вами!

— Братья, дайте нам оружие! — попросил кто-то.

Лес снова пронзила автоматная очередь — и в орешнике замолчали. Если бы мы ответили на автоматную очередь немцев, то забудоражили бы оба фронта, завязалась бы пулеметная и даже артиллерийская перестрелка.

— Ох! — вздохнул Думитраке... — Если кто-нибудь из нас проронит хоть слово, живо отправлю назад, к немцам! Боата, — обратился он к капралу, — собери всех крестьян и отведи в батальон!

— Ползите по-кошачьи! — шепнул Боата крестьянам и первым выполз из орешника. За ним поползли крестьяне.

После ухода крестьян в засаде остались только мы с Думитраке. Стало светать. Звезды бледнели. В такое время часовые борются со сном. Солдаты крепко спят. Шум в лесу утих. Со стороны леса слышалось, как, медленно удаляясь, дребезжали нагруженные повозки.

Настало время уходить и нам: рассвет не должен был застать нас в орешнике. Мы сложили гранаты в вещевые мешки, разбросали по изрытой земле листья и пошли. Неожиданно послышались еще какие-то шаги — и мы снова прижались к земле. Сквозь деревья увидели двух человек, которые бежали прямо к нам. Это были тоже крестьяне с котомками за плечами и с топорами в руках. Один из них был одет в свитер из крестьянской шерсти, на голове — качула¹, на другом была свитка из домотканой шерстяной ткани и тоже качула. Мы подождали, пока они войдут в орешник. Заметив нас, крестьяне замерли. Когда Думитраке улыбнулся им, они повеселели.

— Что случилось? — спросил их сержант.

¹ Головной убор из бараньей шкуры.

— Мы убежали, — выпалил одним духом крестьянин в свитере.

— Вижу.

— Мы скрылись в лесу сегодня ночью, — добавил другой крестьянин, судя по произношению, венгр из Трансильвании...

— Когда немцы открыли огонь, мы притаились за деревьями и ждали, когда подводы уедут...

Я понял, что крестьяне не знают о переходе на нашу сторону других крестьян и что они пришли сами по себе.

— Братья, у нас большое горе! — начал рассказывать румын. — У меня немцы забрали сына. И у всех, у кого были сыновья... У него, — он показал на венгра, — забрали двоих.

— Моих сыновей погнали в Тыргу-Муреш, — пожаловался венгр. — Загнали в plombированные вагоны, надели форму и так, зелеными, необученными, хотят бросить в бой...

— Тихо! — остановил их Думитраке и стал прислушиваться.

Над лесом поднималась утренняя заря. Сержант Думитраке подал мне знак, и я с ручным пулеметом на плече пошел вперед. За мной тронулись крестьяне. Думитраке шел последним. Он беспрестанно оглядывался назад, опасаясь, что немцы могут ударить нам в спину. Когда мы прибыли к своим, лейтенант Ноня отправил нас с крестьянами на командный пункт.

Успокоившись, крестьяне начали рассказывать, как на железнодорожной станции Гара Микэ, недалеко от города Тыргу-Муреш, немцы загнали молодежь в вагоны и отправили в Германию. Рассказали и о том, зачем немцы погнали их ночью в лес. Оказалось, что им нужен был материал для постройки дзотов и укреплений по ту сторону города, на противоположном берегу реки Муреш, который они укрепляли уже несколько дней. Крестьяне рассказывали все вместе, перебивали друг друга и проклинали немцев. Многого мы не успели узнать, так как командир нашей роты отправил нас с крестьянами в батальон, который располагался как раз на опушке леса.

Здесь, в землянке командира батальона, толпились офицеры. Среди них был и генерал, командир нашей дивизии горных стрелков. Склонившись над картой и держа телефонную трубку, генерал чего-то ждал. Возле него

стоял коренастый командир нашего батальона с телефоном в руках. Генерал исподлобья посмотрел на нас и опять склонился над картой.

Думитраке не мог больше ждать. Он молодецки приложил руку к каске и гаркнул:

— Господин генерал, разрешите доложить! Сегодня ночью, находясь в засаде, я...

— Секунду!

Генерал остановил его, начал говорить в трубку и водить карандашом по карте: — Части и танки сосредоточены у склона на высотах Бытка и Черо. Так... Так... Точно!.. Упредите их и совершите артиллерийский налет! Даю вам на это полчаса! Да, да, действуйте.. Генерал дождался, пока над нами прогремели первые артиллерийские залпы, склонился над перископом, посмотрел в него, потом повернулся, взял телефонную трубку и крикнул: — Хорошо! Сотрите их в порошок! Надо сорвать их наступление!

И сразу воздух наполнился грохотом. Снаряды летели со всех сторон, где были укрыты батареи, и лавиной обрушивались на подножие высоты. Какое-то время взрывы грохотали волнами, потом залпы перемешались, снаряды стали беспрерывно свистеть над нами. Там, под горой, на позициях немцев, где они сосредоточили свои танки и новые части для контратаки, взрывы нашей артиллерии причиняли огромные разрушения. Охваченная пламенем земля стонала.

Мы стояли по стойке «смирно» и не сводили глаз с генерала. Мы впервые видели его. Он был высоким, худощавым. Усталые глаза. Седые виски.

— Как вы поступили с остальными крестьянами? — спросил генерал одного из офицеров.

— Господин генерал, они попросили послать их в бой. Мы выдали им винтовки и отправили в батальон, расположенный у высоты Черо, как раз там, где находятся их села...

Генерал кивком головы одобрил такое решение и подошел к нам.

— А этих крестьян вы привели? — спросил он нас.

— Никак нет, господин генерал, — бойко ответил Думитраке, — они сами пришли!

— Bravo! — проговорил генерал. Достал пачку сигарет, открыл ее и протянул крестьянам. Сигареты были толстые, белые, с позолоченными наконечниками. Кре-

стьяне взяли по одной, прикурили от зажигалки командира батальона, несколько раз затянулись и замолчали. Слух их привлекла начавшаяся сильная бомбардировка. Генерал сел у глиняной стены на круглую деревянную скамейку и внимательно посмотрел на крестьян.

— Ну так что же творится у немцев?

Крестьяне, покуривая, переминались с ноги на ногу и молча смотрели на генерала. Они явно устали стоять по стойке «смирно». Крестьянин, говоривший с венгерским акцентом, замкнулся в себе, стал боязливым. Он был очень худым, высоким. Лицо его посинело то ли от холода, то ли от страха. Сине-пепельные глаза смотрели печально. С дымящейся сигаретой в руках, венгр словно окаменел. Другой крестьянин, крепкий и жилистый, со смуглым лицом и карими глазами, держался смелее. Затянувшись дымом сигареты, он начал рассказывать своим немного плаксивым голосом:

— Одно горе и слезы там, господин генерал... Немцы словно взбесились... Убивают и мучают людей, сажают их в вагоны и отправляют в Германию. Одного крестьянина из нашего села, сына Тисика, поймали, когда тот бежал в лес, и расстреляли... Моего соседа Надя Белла повесили на балке крыльца за то, что сын его убежал неизвестно куда, спасаясь от немцев... Анике Бижу выстрелили в живот за то, что она не открывала дверь, пока ее муж Бижу не убежал черным ходом... Меня силой заставили гнать скот из села до станции Гара Мика...

— А что ты скажешь о фронте? — прервал его генерал.

— Что я могу сказать?.. Долго он не продержится... Напрасно немцы принялись строить укрепления по ту сторону Муреша...

Испугавшись грохота, крестьянин замолчал. Теперь немцы тоже открыли огонь. Они стали бешено обстреливать обороняемую горными стрелками вершину высоты Бытка, наши позиции в лесу и установленные в тылу у населенного пункта Болянтинени румынские батареи. Землянка задрожала. На голову посыпалась земля. Генерал, держа сигарету в зубах, задумался, прислушиваясь к грохоту артиллерии. Вдруг откуда-то послышался гул танков. Генерал бросил сигарету, посмотрел в перископ, попросил передать ему телефонную трубку и начал говорить с командиром горных стрелков, расположенных у подножия высоты Бытка.

— Смотрите в оба, а то немцы пойдут в атаку, — начал он. — Они захотят выйти из-под обстрела... Подпустите их поближе... Но из окопов не выходите! На сегодня наша задача — удержать в своих руках высоту Бытка!

Генерал уселся на деревянную табуретку, достал новую сигарету, прикурил от зажигалки и, повернувшись в сторону венгерского крестьянина, спросил его:

— А как дела у вас в селе?

Крестьянин несколько раз тяжело вздохнул, попытался что-то сказать, но его начали душить слезы. Тогда он порылся в карманах, достал оттуда клочок бумаги и протянул его генералу. Это была величиной в ладонь листовка на венгерском языке, отпечатанная черным крупным шрифтом. Генерал расправил ее на колене и стал ждать, когда крестьянин успокоится. Но о своем товарище начал рассказывать другой крестьянин — румын.

— Он из села Корунка, что по ту сторону леса. Там сейчас немцы... Я же из Мурджешти. Что в нашем селе делается сейчас, не знаю. Но вчера, когда немцы забрали нас со скотиной, наши были у самого села.

— Теперь они находятся в самом селе, — пояснил генерал.

— Да поможет вам бог! — радостно воскликнул крестьянин. Румын продолжал: — Немцы забрали у него троих детей!.. Самый старший из них, Шандор, этим летом погиб на фронте... Дьюлу отправили в заплombированном вагоне. Иштвана, которому исполнилось тринадцать лет, поймали, когда он бежал сюда... Мы весь день рыли укрепления по ту сторону Муреша, у Сынтианы и Сынкрая... Ночью нас послали на повозках за бревнами для убежищ и кольями для заграждений. Мы улучили момент, спрятались в лесу, дождались утра и тайком пробрались сюда...

Генерал бросил сигарету и попросил карту.

— Где вы со своими повозками перешли реку Муреш? — спросил он румынского крестьянина.

— У Подени вброд, другого пути нет!

— И где наши люди, которых забрали немцы?

— Об этом он лучше знает, — сказал румын, показывая на венгра.

— На станции Гара Микэ, — начал рассказывать венгр. — Там все железнодорожные линии заполнены заплombированными вагонами. Немцы их охраняют... ждут паровозов из Регина.

Венгерский крестьянин прервал свой рассказ и снова стал всхлипывать. Ему показалось, что единственная надежда, которая помогла ему перейти фронт, рушится. Он устремил свой взгляд куда-то в пустоту, прижав к груди качулу. Треск пулеметов и взрывы гранат доносились до землянки. Бой на склонах высоты Бытка был в полном разгаре. Генерал выждал, пока шум боя стихнет. Затем подал майору знак, чтобы тот переговорил по телефону с командиром батальона, ведущего бой на высоте Бытка.

— Господин генерал, наши части остановили немцев в ста шагах от нашей обороны, один немецкий танк уничтожен, другой застрял на склоне... Остальные четыре повернули обратно, — доложил командир батальона.

Генерал поднялся с табуретки и развернул карту перед майором и остальными офицерами.

— Ночью, — сказал генерал, обращаясь к командиру нашего батальона, — вы начнете наступление в направлении населенного пункта Корунка, окраины города Гара Микэ и Подени... На рассвете вам надлежит овладеть Подени. Одну роту вышлите на станцию Гара Микэ с задачей освободить людей, томящихся там в заплombированных вагонах. За вашим батальоном следуют третий и четвертый батальоны. В их задачу входит очистить от немцев лес, село и город.

— Слушаюсь, господин генерал! — проговорил наш командир.

Затем генерал попросил связать его с командиром корпуса и начал объяснять ему, что он намерен делать в следующую ночь...

— Господин генерал, мне нужна помощь корпусной артиллерии, — просил генерал. — Артиллерия должна непрерывно обстреливать Подени и железную дорогу, ведущую на Регин, чтобы немцы не смогли ни форсировать реку Муреш, ни сбежать на поездах. А-а-а, — обрадовался он, — значит, советские войска перехватят железную дорогу на Регин! Лучшего и желать нельзя.. Благодарю вас, господин генерал... Да, конечно, обещаю вам, что завтра, 28 сентября, мы вступим в город Тыргу-Муреш!

На несколько минут в землянке воцарилась тишина. Держа трубку, генерал впился глазами в карту. Обвел жирной красной линией брод Вадул Поденилор и станцию Гара Микэ.

Наша артиллерия прекратила обстреливать высоту Бытка. Атака немцев, как и остальные семь-восемь атак за этот день, захлебнулась. Земля больше не содрогалась. На лес и горы легла тишина. Я смотрел на генерала и удивлялся, с какой уверенностью он заявил, что через день мы вступим в Тыргу-Муреш. Тогда я не знал, что это решение было принято заранее, а теперь его выполнение ускорялось на один день, чтобы спасти жизнь заложников, собранных в вагонах.

В глазах венгра засветилась надежда. Изменившись в лице, он растерянно смотрел на генерала, потом вдруг бросился к генералу, схватил его за руку и хотел приложиться к ней губами. Генерал дружески взял его за плечи.

Потом генерал подал посыльным, скопившимся в окопе и у двери землянки, знак, что можно уходить, и, подняв руку к берегу, который обычно носят горные стрелки, вышел.

Мы доложили командиру нашего батальона, как действовали ночью в засаде, и сказали, где именно, по нашему мнению, можно было бы проникнуть в расположение немцев. Сообщили, что крестьяне просили оставить их в качестве проводников и обещали провести нас по дорогам, известным только им.

Вместе с крестьянами мы вернулись на наши позиции в лесу и расположились на отдых в окопчике. Венгерский крестьянин рассказал о своем горе и другим солдатам. Те угостили его салом и хлебом, но он ни к чему не притронулся, только курил сигарету за сигаретой. Съездившись на дне окопа, мечтал, что ему все же удастся увидеть своих детей, угнанных немцами в неволю...

* * *

Вечером у нас в тылу сосредоточилось еще два батальона горных стрелков. Наш 7-й батальон горных стрелков наступал впереди. Ему предстояло открыть путь на город Тыргу-Муреш и Подени. К исходу дня небо покрылось тучами. С гор волнами попола туман. К вечеру стал накрапывать дождь. Стемнело рано.

Думитраке, Боате и я снова вернулись в засаду в тот же самый орешник. Мы лежали на животе с плащ-палатками на плечах. Перед глазами у нас была погруженная в темноту поляна, очертания суховатых, высоких деревь-

ев. За этими деревьями и находились позиции немцев. Мы могли рассчитывать только на свой слух, и поэтому вынуждены были бодрствовать. Привыкнув к неустанному шороху дождя, стали различать и другие шумы. Некоторое время спустя мы слышали треск хвороста и шарканье шагов в направлении опушки. В том же направлении гревели кастрюлями и котелками. Через какое-то время всё стихло. Немцы словно провалились сквозь землю. Спокойствие ночи нарушал только шум дождя.

— Они тоже измотались, — прошептал Думитраке.

Возможно, он был прав. В тот день немцы восемь — десять раз поднимались в атаку и столько же раз откатывались назад. Части, оборонявшие вершину высоты Бытка, выполнили приказ генерала: они удерживали вершину и тем самым приковали к себе главные силы немцев. Изнуренные атаками, немцы, казалось, радовались этой дождливой ночи, которая дала им возможность перевести дух.

Мы же знали, что на рассвете пойдем в решительное наступление. Мною опять овладел страх, и я не понимал, как это Думитраке и Боатэ могли оставаться спокойными. Вот почему я обрадовался, когда в полночь к нам в орешник пришел лейтенант Ноня с двумя связными. Он молча осмотрел орешник, поляну и послал одного из связанных привести сюда весь взвод. Солдат в орешник набилось много. Дождь разошелся. Между мной и Думитраке лежал венгерский крестьянин. Второй — румын из села Мурджешти стал проводником в другой роте, которая тоже подтянулась к опушке. В нашем тылу под прикрытием орешника сосредоточились остальные взводы нашей роты.

Тишина, темный лес, шум, дождь, близость немцев — все это держало нас в напряжении. На наше счастье, как раз в это время в лесу снова слышался шум повозок и топот лошадей: немцы опять приехали за бревнами.

Колонна повозок, как и в первый раз, остановилась в нескольких сотнях шагов от нас. В лесу снова зазвенели топоры и загудели пилы. Вскоре мы слышали треск падающих деревьев. В это время к нам прибыл командир роты. Разыскав лейтенанта Ноню, он прошептал:

— Теперь... в самый раз!..

Это означало, что мы прямо сейчас должны идти в наступление. Кошачьими шагами мы вышли из орешника. Впереди взвода шли Ноня, Думитраке и Боатэ, а мы с

венгерским крестьянином, который указывал нам дорогу, — за ними. Остальные солдаты быстро построились и двинулись за нами по ложбине, ведущей в сторону, откуда доносились удары топоров. В конце ложбины мы издали заметили фигуру немецкого часового. Думитраке вырвался вперед, в нескольких шагах от часового бросился на него, как тигр, и сбил с ног.

— Ох-х! — только и успел произнести немец.

Дровосеки остановились и стали вслушиваться в тишину леса. Другие немецкие часовые в бешенстве набросились на них за то, что они приостановили работу.

Мы подождали, пока вновь послышится треск деревьев, и стали пробираться поближе к дровосекам. В этот момент страх у меня окончательно пропал. Напуганный или, может быть, воодушевленный тем, что мы сбили первого немецкого часового, венгерский крестьянин начал кричать:

— Братцы, бей немцев!

Нам ничего не оставалось как вступить в бой. Вначале мы стреляли вверх, а потом набросились на немцев. Дровосеки бросили пилы и топоры и стали разбегаться по лесу. Некоторые из них побежали к лошадям, другие, прячась от пуль, лезли под повозки. Наши солдаты в одну минуту наполнили лес.

— Эй вы, дурачье! — кричал наш проводник вдогонку бежавшим крестьянам. — Чтобы вас черт побрал! Я вернулся с румынами, мать вашу! Пошли освободим наших! Пишито, Шандор, Лоци, Петер! — выкрикивал он имена своих односельчан. — Эй вы, черти! Айда на станцию!

Когда слова венгра дошли до крестьян, многие из них схватили топоры и брошенные немецкими солдатами винтовки и присоединились к нам.

Схватка у повозок быстро кончилась, и мы, сопровождаемые нашим проводником, вышли на лесную дорогу. Растянувшись по дороге, мы как сумасшедшие понеслись вперед, уничтожая еще не пришедших в себя гитлеровцев.

Лес пробудился от человеческих голосов. А сзади нас нарастал шум боя. Другие батальоны полка вышли на прорыв.

На опушке леса мы наткнулись на машины. Опрокинули их и подожгли, а немецкие солдаты после выпущенных нами нескольких пулеметных очередей разбежались. Тут мы почувствовали, что выбились из сил, и замедлили бег. Мы страшно устали и промокли до нитки.

Выйдя из леса, мы заметили чернеющее вдали село Корунка. Там сверкали молнии и грохотал гром. Немецкая артиллерия вела бешеный огонь по оставленным гитлеровцами позициям. По размытому полю мы снова побежали прямо к батареям. Как ворвались в село, не помню. Я очутился рядом с Думитраке и Боатэ и стал кричать и бросать гранаты. Много наших солдат здесь погибло. Немцы оборонялись с отчаянием. До последнего патрона. Пока шла схватка с немцами, крестьяне подняли на ноги все село. Жители села, родные и близкие которых были угнаны немцами в заплombированных вагонах, вышли на улицу с топорами и вилами.

Здесь венгерский крестьянин, наш проводник, отстал от нас и смешался с толпой, которая побежала к городу через поле. Мы тоже бросились за толпой, ведь перед нами стояла задача взять станцию Гара Микэ, где содержались взятые немцами заложники. Другие роты продвигались прямо по окраине города с задачей не дать немцам опомниться и захватить переправу Вадул Поденилор.

Мы шли за толпой крестьян. Охваченные жаждой местности, они двигались к станции Гара Микэ. Завязнув в грязи, мы с трудом пересекли картофельное поле и огороды. Неподалеку от разрушенного и эвакуированного немцами госпиталя мы подтянули свои силы и построились по-зводно. Оставив позади маленькие домики, мы направились к шоссе и железной дороге. На обочине ведущего из города шоссе остановились. Остановились и крестьяне. Они сбились в кучу и с надеждой смотрели на нас. По сигналу лейтенанта Нони мы переползли шоссе и очутились у железнодорожных рельсов. Станция находилась немного левее, в трехстах — четырехстах шагах от нас, и была закрыта пеленой дождя. Недалеко от нас стояли четыре ряда вагонов, охраняемых стоящими к нам спиной немецкими часовыми.

— Их немного, — прошептал Думитраке. — Возьмем их тепленькими!

Впереди двух составов уже пыхтели паровозы. Из их труб валил густой дым. В задачу нашего взвода входило захватить паровозы, а потом вагоны. Второй взвод пробрался между шоссе и железной дорогой, остановился прямо против поездов и приготовился открыть огонь с другой стороны. Но крестьяне, заметив, что мы приготовились к штурму, поднялись и начали громко кричать, и в резуль-

гате немцы обнаружили нас и первыми открыли огонь. Крестьяне бросились на землю. Нас же огонь немцев заставил на некоторое время остаться за насыпью железной дороги. В эту минуту из вагонов начали выпрыгивать немцы. Они, как муравьи, рассыпались вдоль насыпи, укрылись за нею и начали вести по нас ожесточенный огонь. Больше ждать мы не могли и пошли в атаку. Наши пулеметы заставили прижаться к земле тех, кто выпрыгнул из вагонов. Несколькими перебежками нам удалось достигнуть первого паровоза. Мы с Боатэ взобрались на тендер и оттуда начали вести огонь вдоль состава, чтобы немцы, оставшиеся в вагонах, не смогли из них выйти. Несколько солдат вскочили на второй паровоз и на соседние вагоны. Машинисты паровозов сбежали после первых же выстрелов. Разгорячившийся Думитраке с остальными солдатами отделения, бросая гранаты и ведя огонь на ходу, начал пробираться вдоль первого ряда вагонов. Лейтенант Ноня приказал остальным солдатам взвода атаковать другие поезда. Самая сильная схватка произошла у первых вагонов, где располагался немецкий конвой. Грохотали взрывы, вагоны окутало дымом, и мы не могли различить, где наши и где немцы. Здесь, у первого вагона, Думитраке был ранен. Он вскочил в открытую дверь и, крепко прижав автомат к груди, выпустил все до последнего патрона. Вскочивший за ним другой горный стрелок упал. Но зато ни один гитлеровец из этого вагона не спасся. Немцы, которым удалось выпрыгнуть из вагонов, сгруппировались в конце состава, куда прибежали остальные немцы. Завязались ожесточенные схватки. На помощь нам подошли взводы, которые до этого вели огонь из-за насыпи. Тут подняли невообразимый шум люди, которых немцы заперли в вагонах. Они ведь не знали, что происходит снаружи. Прибывшие с нами, крестьяне, рванувшись от паровозов, где они укрывались во время схватки, с топорами бросились к вагонам. Все перемешалось, и мы уже не имели возможности вести огонь. Тогда мы с Боатэ побежали по крышам вагонов и стали вести огонь сверху по скоплениям гитлеровцев. Те, упорно обороняясь, стали шаг за шагом отступать. Крестьянам тем временем удалось открыть передние вагоны. Запертые в них люди с воплями выскочили на насыпь. Гитлеровцы поняли, что проиграли бой, и, обезумев, стали открывать двери остальных вагонов и стрелять в людей. Некоторые гитлеровцы

даже не открывали дверей вагонов: они взбирались по колесам вагонов, всовывали дула автоматов в решетки окон и выстреливали полные магазины до последнего патрона. В ответ мы всей силой обрушились на гитлеровцев. Они были уничтожены все до единого.

В этой последней схватке с пулеметом в руках пал Ион Боатэ. Я поднял его на руки и отнес на насыпь. Потом мы с лейтенантом Ноня, за которым неотступно следовал санитар, пытавшийся перевязать ему руку, вернулись к первому вагону, где был ранен Думитраке. Сержант был еще жив. Он сидел, прислонившись спиной к колесу вагона. Лицо у него было сине-белое, глаза сощурены, губы сжались. По одежде расплзлось темно-красное пятно. Лейтенант Ноня встал перед сержантом Думитраке на колени, а я не выдержал и заплакал.

— Что с тобой, Думитраке? — спросил лейтенант Ноня. Думитраке пожал плечами, попытался улыбнуться.

— Иона Боатэ убили, — проговорил лейтенант.

— Тогда командование отделением пусть примет на себя Георге Марин... — прошептал Думитраке.

Сказав это, Думитраке навсегда закрыл глаза. Собравшиеся возле нас солдаты нашего отделения сняли каски. Все до одного плакали...

В это время появился венгерский крестьянин — наш проводник. Рядом с ним стоял один из его сыновей. На руках он держал другого сына, мертвого. Я хотел сказать ему что-нибудь в утешение, но не смог. Через несколько минут венгр пришел в себя. Снял качулу, попрощался с нами и, держа мертвого сына на руках, пошел рядом со вторым прямо по степи. Он возвращался домой той же дорогой, которой привел нас сюда.

Мы долго молча смотрели им вслед, пока они не скрылись за пеленой дождя...

ОКРОВАВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Рассказ сержанта

Мы залегли в кустарнике. Пучки травы запутались в наших касках и на плечах. В предрассветной мгле поблескивала река Муреш. На еще темном небе мерцали звезды. Фронт пока безмолвствовал. Этот берег был забит нашими войсками, на противоположном находился гитлеровцы. Мелкорослый кустарник ближе к берегу становился все реже. Позади нас зеленым поясом тянулась узенькая полоска леса. А дальше начинались огороды и сады.

Мы, связанные рот, оставшихся где-то около села, уже больше часа находились на опушке прибрежной рощи, как раз на линии наших сторожевых постов. Недалеко от нас под прикрытием густой листвы, растянувшись на земле, в кружок сгруппировались офицеры. Среди них я сразу различил громадную фигуру нашего командира батальона майора Думбравы. Он внимательно смотрел в сторону реки и время от времени обращался к кому-нибудь из

офицеров. Обычно майор был неразговорчив: больше думал, чем говорил. И поэтому мы прозвали его «мыслителем». Он никогда не спешил принять решение, и солдаты подчас шутили, что скорее рак на горе свистнет, чем папаша командир отдаст приказ. Но когда приказ был отдан, майор требовал точного его исполнения. Сегодня он приказал нам и командирам рот подползти ближе к берегу и вести наблюдение, но так, чтобы «господа гитлеровцы» ничего не учуяли.

Офицеры еще в селе изучили карты. Я там слышал, как они говорили о высоте Сынджеорджику и отметке 495, о прибрежной роше и отмели на изгибе Муреша, о понтонах, плотках и лодках. После полуночи командиры разбудили нас, и мы все вместе отправились на рекогносцировку. С рассветом нам предстояло изучить реку, подходы к ней и обрывистый противоположный берег, занятый гитлеровцами. Мы, связные, сидели; наострив уши, и все время посматривали в сторону офицеров, ожидая сигнала. Я знал, что наши части снова должны переправиться через реку, неожиданным ударом прорвать оборонительные позиции немцев и захватить высоту Сынджеорджику с отметкой 495. Об этом мне сказал мой друг и командир роты Мирча Павелеску. Когда мы проходили через рошу, я пристал к нему:

— Что будем делать, Мирча?

— Будем переправляться через реку...

— Хм, мы и вчера переправлялись! Почему же не остались там?

— Вчера была только демонстрация. Чтобы немцы подумали, что именно там мы будем атаковать... Но на этот раз переправляемся по-настоящему!

— Эта демонстрация дорого нам стоила... Только наша рота потеряла двадцать человек... Переправляться, возвращаться, снова переправляться...

— Иначе мы все пропали бы здесь! — сказал он уверенно, и меня удивила прозвучавшая в его голосе решительность.

— Будто немцы дураки! — пробормотал я и вернулся к солдатам.

С Мирчей мы были одногодки и выросли в одном селе. Неделию назад мне и в голову не пришло бы, что он будет командиром моей, седьмой роты, а я — его связным. В армию нас призывали осенью тысяча девятьсот сорок

второго года. Павелеску попал в военное училище и вышел оттуда летом тысяча девятьсот сорок четвертого года офицером запаса. На фронт он прибыл, когда разгорелась битва за Ардял. Мы в то время стояли в Бобохалме, около Тырнавеи.

До армии Мирча окончил нормальную школу и получил место учителя в нашем селе, сменив своего отца. Старик ввел сына в класс, где сам проработал сорок лет, и вручил список учеников, которые со слезами на глазах провожали старого учителя. Его стараниями еще в начале века была построена эта небольшая низенькая школа, и теперь он передавал ее своему единственному сыну, как эстафету сердца и разума. Это была мечта всей его жизни, и старый учитель был по-настоящему счастлив. Каждый день он приходил в школу, усаживался где-нибудь на задней парте и с интересом слушал своего сына. Ему хотелось полностью передать сыну секреты этой благородной профессии, требующей столько энтузиазма и щедрости сердца. Но счастье старика длилось всего две недели. В начале октября Мирчу призвали в армию, и его старый отец вновь поднялся на кафедру, чтобы удержать за сыном место до окончания войны...

Мирча словно был предназначен стать учителем. Он был мечтательной и восторженной натурой, наивным, как ребенок, и бесконечно добрым. Таким воспитал его отец. У Мирчи был живой, смелый ум и нежное сердце, всегда восприимчивое к ласке, которой он мало видел, так как рано лишился матери. Нам ничего не стоило упросить Мирчу постеречь наши рубашки, пока мы барахтались в воде, а вечером, после купания, мы забирались в заросли ив, и он читал нам стихи или сказки. Мирча тайком брал книги из дому, пронося их под рубашкой, и таким же путем, но более потрепанные возвращал на место.

Приезжая домой на каникулы, он с большим удовольствием дружил с нами. Девчонки и мальчишки просили его рассказывать о городской жизни, петь городские песенки. Но Мирча больше всего любил говорить о деревенских делах.

— Не дождусь, когда вернусь обратно, — признавался он нам в день отъезда...

Многие из друзей детства теперь погибли. Когда к нам в полк прибыл Мирча, в живых из наших земляков осталось только трое: я, Тырле Петре и Аким Ион. Тырле

Петре теперь стал капралом и командовал отделением как раз в нашей роте. Громоздкий и неуклюжий Аким Иоп, тот самый, что и взрослым парнем просил Мирчу рассказать какую-нибудь сказку, воевал в другом батальоне, кажется в четвертом. Буртике Думитру погиб под Одессой, а Настасе Марин — в глубине России, под Сталинградом. О Мындру Георгице ни мы, ни его родные ничего не слышали с тех самых пор, как наш фронт в Молдове повернулся против гитлеровцев...

Больше всех я дружил с Мирчей. Мы были соседями и росли вместе. Его отец даже посадил нас за одну парту.

— Будьте друзьями, Драгомир! — сказал он мне.

— Мы и так друзья, — смутился я, уставившись в пол.

— Не давай детям обижать его...

— Никому не дам, господин учитель...

Когда нам удавалось достать молока, мать быстро замешивала мамалыгу, и я звал к нам Мирчу.

— Тебе понравилось, Мирча? — спрашивала мать.

— Никогда такой вкусной не ел, тетя Лисандрэ! — тихо отвечал Мирча.

Теперь, когда Мирча прибыл на фронт, я и радовался, и вместе с тем очень беспокоился за его жизнь...

Майор Думбрава вышел из укрытия, поискал кого-то глазами и недовольно крикнул:

— Связной седьмой!

— Слушаюсь! — выскочил я из окопа.

— Проводи господина младшего лейтенанта в роту.

Я замер в положении «смирно», немой и взволнованный, так как навстречу мне по земляным ступенькам шел Мирча. Он крепко обнял меня, чуть не плача от радости.

— Драгомире, как поживаешь, Мартиника?

Я глазам своим не верил, а Мирча, не обращая внимания ни на командира батальона, ни на солдат, продолжал тормозить меня:

— Как поживаешь, Мартиника!

Мартиникой меня прозвали в детстве, за то, что я был сильный, как медведь...

— Кто-нибудь еще есть из наших? — спрашивал Мирча.

— А как же! Тырлэ Петре, Аким Иоп!

— Где они? Я хочу повидать их!

Мирча нетерпеливо схватил меня за рукав. Казалось, он будто только затем и приехал, чтобы повидать нас, а

не получил только что под свое командование седьмую роту.

— Я очень доволен, что мы вместе, — проговорил он, радуясь, как ребенок.

— Но Аким не с нами... Он в четвертом батальоне.

— Это не беда, переведу и его...

Когда мы отошли от командного пункта, я взял Мирчу за руку:

— Кто тебя послал сюда?

— Как кто? — пожал он плечами с наивным выражением лица. — Я сам потребовал... Потребовал, чтобы меня послали добровольцем. Только, ради бога, не проговорись об этом отцу.

— Может, ты думал, что на войне без тебя не обошлось бы?

— Обошлось бы, конечно, обошлось бы! — ответил он с таким прямотушем, какого я ни у кого другого не встречал. — Но мне тоже хотелось сражаться за Ардял!

Обезоруженный его ответом, я растерянно замолчал... «Он слишком мечтателен, — подумал я, — и может погибнуть в первой же атаке!.. И погибнуть зазря... В тысячу раз больше пользы он принес бы в селе, работая учителем. Кто-то должен рассказывать детям о нашей борьбе и наших жертвах в этой войне!.. И никто не смог бы сделать это лучше его!..»

В тот вечер мы выступили из Бобохалмы и ночью прибыли на Муреш, в Видрэсэу, где и была проведена та самая «демонстрация» по переправе у села Кирилени с целью разведки оборонительной системы на реке. Немцы встретили нас ураганным огнем. Как только мы сошли с шоссе и пересекли железную дорогу, развернувшись фронтом к Мурешу, артиллерия противника начала обстрел. Гитлеровцы организовали непреодолимую стену заградительного огня на всем протяжении от железной дороги до реки...

Когда наша рота попала в полосу взрывов, Мирча писклявым голосом, протяжно, как учили в военном училище, скомандовал: «Перебежками, вперед!» И как только послышался вой снарядов, он упал на землю и заорал: «Ложись!» Однако солдаты по свисту определили, что снаряды летят мимо. Многие солдаты воевали уже два-три года и хорошо понимали неписаную музыку артобстре-

лов. Новобранцы, что прибыли на передовую после 23 августа, тоже научились грызть зубами землю...

Получилось так, что из всей роты один только Мирча молниеносно плюхнулся на землю, вызвав тем самым беззлобный смешок солдат. «Почему вы не ложитесь?» — спросил он удивленно. «Хм, немцы далековато хватили», — ответили солдаты. И действительно, снаряды упали далеко, на железную дорогу и шоссе. Вскоре, однако, вой снарядов снова раздался в вышине и резко оборвался. «Ложись!» — закричал опять Мирча. «А теперь немцы пожадничали: недолет!» — со смехом объясняли солдаты. Мирча весь вспотел от досады и решил больше не бросаться на землю. Но теперь вражеские снаряды упали прямо в боевых порядках роты и только один Мирча остался на ногах... «Ложись!» — закричали солдаты. Аким Ион, которого Мирча перевел в нашу роту, стрелой бросился к нему, свалил на землю и своим громадным телом прикрыл от взрывов...

В тот день никаких приказов больше не было, я все время находился на командном пункте батальона, под железнодорожным мостом. Меня ни на минуту не оставляло чувство страха за Мирчу. Вечером, когда наша рота расположилась в прибрежной роще, готовясь к завтрашней атаке, я бегом бросился к своим. Мирча растянулся под деревом. Лицо у него осунулось, пожелтело. У него был измученный вид. Солдаты со смехом рассказали мне, как вел себя Мирча во время обстрела. Некоторые в насмешку называли его «барышня младший лейтенант».

— Пропадет он зазря, Драгомир! — сказал мне Тырлэ Петре, чуть не плача.

На душе у меня стало очень скверно, и я молча прилег рядом с Мирчей. Он догадался, что я слышал от солдат о случившемся, и, придвинувшись ко мне вплотную, зашептал:

— Пока не отвыкну от того, чему научили в училище, будет трудно.

— Ты смотри, как делают солдаты, — посоветовал я.

— Хм, я так и хотел делать, но рефлексы виноваты!

— Пошли ты к чертовой матери рефлексы! — сказал я в сердцах, а сам подумал: «Конечно, хорошо бы побыть с ним рядом в бою. Ведь войну не выиграешь на одной вере и энтузиазме. Здесь от человека требуется, кроме того,

и хладнокровие, и хитрость, и умение, которые сразу не приобретешь». Но мне надо было находиться на командном пункте батальона. Оставив Мирчу на попечении Тырлэ Петре и Акима Иона, я вернулся к железнодорожной линии.

И на второй день Мирча не избавился от всего того, чему научился на занятиях в военном училище. Во время одного из обстрелов кто-то из солдат не сдержался и крикнул ему издали, так чтобы все слышали:

— Что вы падаете со всего размаху?.. Только яму выдолбаете!

Но через несколько дней Мирча резко изменился: он стал таким, будто воевал с самых пеленок...

И все же, находясь в разведке на берегу реки, я опасался, как бы Мирча там, в офицерском кругу, не сказал чего-нибудь такого, за что его поднимут на смех другие командиры рот. Офицеры, однако, молча и неподвижно ожидали приближения рассвета. Только под утро до нас все чаще стали доноситься щелчки открываемых и закрываемых эбонитовых крышек биноклей: по-видимому, офицеры тоже потеряли терпение.

И вдруг в предутренней тишине в долине, выше по течению реки, раздалась длинная пулеметная очередь. Эхо выстрелов долго плыло над водой. С холма, описав дугу, взвилась ракета, осветив все вокруг трепещущим металлическим светом. Водная гладь Муреша блестела, пустынная и спокойная.

— Не стрелять! — приказал Думбрава тем, кто был в сторожевом охранении.

Немцев, видимо, пугала тишина в долине. Через несколько секунд за холмом снова раздалось несколько выстрелов. Над нами просвистели снаряды. Они глухо упали где-то сзади, на шоссе между Чипэу и Йернугом. Было ясно, что немцы еще днем пристрелялись по шоссе, так как снаряды падали точно в цель. Когда все стихло, с шоссе до моего слуха донесся далекий и приглушенный шум орудий и повозок, топот лошадей. Это наши батареи спешили занять позиции до окончания ночи. Повозки полковых обозов подвозили боеприпасы и еду. Значит, немцы стреляли не зря: оттуда, с вершины холма, где засели гитлеровцы, они видели нас как на ладони.

— Может, придут и понтоны? — спросил один из офицеров.

— А они уже прибыли с вечера, — услышал я спокойный голос Думбравы.

Мне хотелось услышать и голос Мирчи. Пусть бы он сказал что угодно, только бы почувствовать, что и он офицер. Но Мирча сидел с краю молча и задумчиво, как будто его тут совсем и не было. Он только глухо закашлял в кулак. «Сейчас Думбрава на него набросится», — подумал я и пополз с бидоном воды. Приблизившись к Мирче, я увидел, однако, что он владеет собой лучше многих.

— Драгомир, — спросил он меня, — наши все умеют плавать?

— Теперь уж кому какое счастье выпадет, — ответил я. — Не будешь же ты отбирать?

— Ну нет, — возразил Мирча, — почему люди должны зря погибать?

Вскоре темнота рассеялась. Только в пизине, над водой, еще тянулась полоса белесого тумана. Казалось, это был прозрачный и легкий пар от спокойного ровного дыхания вечно бодрствующей реки. Долину уже пронизывал утренний свет. Из тумана, словно из волн, выступила гордая вершина Сынджеорджиу. Между нами и немцами остался только этот мостик застывшего тумана над рекой, под серебряным покровом которого мы могли бы незаметно переправиться через Муреш.

— Сейчас самое подходящее время, — произнес Думбрава, глядя на часы.

Пелена тумана поднималась все выше. Вскоре полностью выступил гребень высоты с двумя вершинами: одна — напротив нас, в Йернута (отметка 495), другая — напротив села Чипэу (отметка 463). Между этими двумя вершинами хребет несколько прогибался, и весь холм напоминал огромное седло, висящее в воздухе. Напротив двух вершин холм был высоким и обрывистым, как стена. Между ними, ближе к Мурешу, он становился более пологим и спускался к двум селам на берегу реки. От Оарбы Муреш спокойно направлялся до Чипэу, откуда поворачивал к северу, пока не натыкался на холм и не возвращался назад. Затем, сделав широкие петли у подножия холма, он продолжал свой путь до Йернута. Здесь его воды снова ударялись в холм и, огибая село, спокойно спускались в долину. Таким образом, между селами Муреш делал большой изгиб к югу до шоссе и железной дороги. Но напротив сел река подходила прямо под обрыва-

стую стену двух вершин и образовывала широкие отмели, которые были удобным местом для сосредоточения и переправы войск. На изгибе реки у села Йернут мы должны были переправиться через Муреш. И хотя холм здесь был почти отвесным, расстояние до вершины, до отметки 495, было вдвое короче, и можно было укрыться в мелком, уже пожелтевшем кустарнике.

Высота Сынджеорджиу составляла, как говорили офицеры, «стержень немецкой обороны на среднем Муреше». Она господствовала над окрестностями и долиной, над южным берегом реки, прибрежными рощами и селами, над шоссе и железной дорогой и над нашими позициями на противоположном берегу реки. Немцы на вершине холма расположились в казематах и дотах, а мы в долине — как на ладони. Кроме того, мы должны были переправляться через Муреш на понтонах или вброд.

— Да, положение не из легких, — сказал один из офицеров.

— Правильно, не из легких, — подумав, согласился Думбрава.

Затем он шепотом объяснил, что, если мы захватим высоту Сынджеорджиу, вся немецкая оборона в центре Трансильвании рухнет и тогда нашим войскам откроется путь на Клуж. «Мыслитель» был родом из Клужа и, конечно, стонал от нетерпения скорее быть там.

— Пока не переправимся через реку, будет тяжело! — убеждал он офицеров. — Нужно застигнуть немцев в окопах, чтобы они не успели сделать ни единого выстрела!

Уже совсем рассвело, и высота полностью предстала перед нами, окутанная холодным утренним светом. Туман рассеялся. Над водой плыла легкая сиреневая дымка. Мне десятки раз пришлось бывать в атаках, но сейчас я со страхом глядел на свинцовую поверхность реки, на высоту. На меня как будто повеяло дыханием смерти... «Может, только Думбрава, — подумал я, — отдает отчет в том, что нас ожидает... Ведь нам придется пересекать Муреш прямо вброд и ползком под ураганным огнем добираться до вершины».

Повернувшись к Мирче, я не мог не удивиться, с каким спокойствием и внешней безмятежностью он рассматривал реку и высоту. В зубах он рассеянно жевал травинку. Лицо, озаренное какой-то мыслью, выражало

волю и решимость. Он поднял к глазам бинокль. Офицеры определяли, в каком порядке пойдут в атаку роты...

— Разрешите мне переправляться в первую очередь, господин майор! — неожиданно нарушил тишину Мирча.

Я в душе выругался и со страхом ждал решения Думбравы. Может, ему тоже не хотелось самому решать порядок атаки рот в таком бою? Но майор тоном, не допускающим возражений, произнес:

— Нет. Вы останетесь в резерве. Будете переправляться вместе со мной после остальных рот!

Мирча продолжал задумчиво жевать стебелек травы. Неужели он не почувствовал, что возражения майора исходят из недоверия и опасений? Ведь до Думбравы, без сомнения, дошли разговоры и шутки солдат о «барышне младшем лейтенанте»...

Не расстраивайся, — добавил майор через некоторое время. — Может, еще надо будет контратаковать.

Река переливалась множеством светлых бликов, желтоватый склон вершины еще оставался в тени. Стояла удивительная тишина. Казалось, ничто не предвещает бури и жестокой схватки на другой день...

Мы ползком вернулись назад. В небольшой рощице повсюду шли приготовления к атаке. Желто-зеленые понтоны, широкие плоты, черные резиновые лодки немецкого производства — все было расставлено по кустам и под деревьями, накрыто травой и ветками и охранялось солдатами. Мирча пошел в роту, чтобы проверить готовность к атаке, а я, как связной, остался на командном пункте батальона в рощице.

День прошел довольно спокойно. Светило золотистое осеннее солнце. Немцы, казалось, не обращали на нас никакого внимания и дали только несколько минометных залпов по селу и шоссе, да у реки прозвучала одинокая пулеметная очередь, будто рассердившись на затянувшуюся тишину. Между тем в рощу подошли еще два батальона. Они готовились перейти Муреш вслед за нами. Мы были убеждены, что гитлеровцы ничего не пронюхали и что на другой день мы их застигнем врасплох. Откуда нам было знать, что это молчание готовило нам ловушку? Правда, не все получилось по-ихнему, но нам это стоило больших жертв и моря крови.

До полудня я сидел, сжавшись в комок, на дне окопа, снедаемый тяжелыми мыслями. До обеда я почти не дотронулся, зато без конца пил воду. Мне не хотелось ни с кем разговаривать.

Думитру Оанча, радист батальона, который прибыл на фронт вместе с Мирчей, подсел ко мне.

— Ты что-то очень мрачный, — начал он.

Я неопределенно хмыкнул, надеясь, что он оставит меня в покое.

Но Думитру, узнав, из какой я роты, стал рассказывать, каким образом попал на фронт Мирча. После 23 августа Мирча направил командованию письмо с просьбой направить его в одну из воинских частей, сражавшихся в Трансильвании, но не получил никакого ответа. Тогда в начале сентября он приехал в Бухарест, в генеральный штаб, и добился, чтобы его в числе офицеров-добровольцев отправили на фронт. Мирча попал в одну команду с радистом. В дороге они подружились и в дивизии попросили послать их в один батальон.

— Знаешь, у него золотое сердце и он чист, как ребенок! — хвалил радист Мирчу.

«И мне ты это рассказываешь!» — подумал я, молча кивнув головой.

Радист по специальности был электротехником. Он был высокий, жилистый, сильный. На его цыганском, продолговатом и осунувшемся лице горели умные, черные, как уголь, глаза. В течение дня Думитру несколько раз выходил в траншею курить, а я все сидел неподвижно и грустно. Я страшился завтрашней атаки. Радист понял это и ни о чем больше не расспрашивал. Собравшись уходить, он положил мне руку на плечо и по-приятельски шепнул:

— Как бы то ни было, а немцев мы обязательно побьем...

Конечно, в те дни каждый солдат знал это, но то, как Думитру сказал об этом еще раз, будто вселяло в меня спокойствие. У меня как-то легче стало на душе.

Не знаю почему, но намеченную на утро атаку мы начали глубокой ночью, на четыре часа раньше. Командир дивизии неожиданно изменил свое собственное решение. Может быть, ему, как и всем — и офицерам и солдатам, хотелось как можно скорее выбить гитлеровцев и хортистов из Трансильвании?

Вечером, когда долину и прибрежные рощи окутала темнота, наш батальон занял позиции на берегу реки. Солдаты сгруппировались у понтонов и плотов, готовясь спустить их на воду. Нам придали еще взвод легких противотанковых орудий, которые нужно было переправить через реку и на руках дотянуть до вершины, и несколько отделений саперов с зарядами тротила и противотанковыми минами.

Наши наблюдатели, укрывшись в прибрежном кустарнике, в течение дня установили, что у гитлеровцев по берегу расположены доты и укрепления из железобетона. Доты сверху замаскированы дерном и ветками и имеют сектор обзора и обстрела в направлении брода... Видимо, поэтому мы и начали атаку в два часа ночи, в темноте, пока огонь немецких дотов был неэффективен.

В рощицу подтягивались и другие батальоны полка, которые должны были переправляться через Муреш вслед за нами.

Еще до начала атаки мы осторожно вышли из зарослей кустарника и, присмотревшись к отливающей чернотой поверхности воды и к высокому, обрывистому берегу на той стороне, подтащили по песку все переправочные средства к самой воде. Река, темная, как нефть, текла у наших ног, спокойная и безмолвная. Только иногда слышался тихий всплеск воды о железные борта понтонов. Над Сынджеорджиу высоко в небе сверкали звезды. Глубокая тишина, царившая кругом, до предела обострила наш слух.

Я выпросил у майора Думбравы разрешение переправляться вместе со своей ротой и теперь лежал на песке, свернувшись клубком, рядом с Тырлэ Петре и Акимом Ионом. Нам была выделена лодка. Мирча Павелеску вместе с Думбравой и другими офицерами находились на наблюдательном пункте в конце окопа, выходящего к самой воде. Непривычная тишина радовала и пугала.

— Может, они все же проникли что-нибудь, — сказал один из офицеров, но ему никто не ответил.

Командир батальона посмотрел на часы и подал сигнал, которого все ждали, застав дыхание. Темнота на берегу заполнилась движущимися тенями, вода тихо заплескалась, и понтоны быстро наполнились солдатами. На плотках были установлены легкие автоматические орудия, пулеметы, минометы, сложены боеприпасы. В низких и

широких штурмовых лодках должны были переправляться командиры рот.

Один из офицеров нагнулся в окопе, посмотрел на часы и повернулся к Думбраве.

— Да, господин майор.

Думбрава тоже посмотрел на часы и молча махнул рукой. Офицер вышел из окопа и быстрым шагом направился к отмели. Потом мы услышали всплеск воды, и лодка, в которую сел офицер, отчалила от берега. За нею тихо, близко друг к другу двинулись вперед понтоны и плоты. Когда они удалились от берега, Думбрава обратился к другому командиру роты, стоявшему рядом с ним:

— Теперь ваша очередь...

Второй офицер исчез в темноте, и вскоре на воде появились другие понтоны и плоты. Когда все переправляющиеся вышли приблизительно на одну линию, на середине реки, Думбрава взял трубку телефона и шепотом доложил командиру полка:

— Первые две роты вышли на середину реки, господин полковник... От вас тоже хорошо видно?... Сейчас трогаюсь и я... Ждать больше не буду, может образоваться разрыв между ними и резервом... Благодарю вас, господин полковник!.. Да, доложу вам по радио, как только установлю рацию... Имею честь!

Прямо напротив окопа, где находился наблюдательный пункт, были спущены на воду три штурмовые лодки. Взвод командования, связисты и телефонисты быстро вскочили в них и расположились по краям с оружием наготове. В среднюю лодку с рацией на спине сел радист Думитру Оанча. Думбрава вошел в воду последним. Перед этим он подозвал Мирчу и, по-отечески положив руку на его плечо, сказал:

— Когда отъедем на пятьдесят — шестьдесят метров, трогайтесь и вы...

Наша рота, уже готовая к переправе, ждала сигнала. Увидев нас, несколько солдат вынесли из кустарника резиновую лодку и спустили ее на воду между понтонами, раскачиваемыми на волнах. Я, Тырлэ Петре и Аким Ион вскочили на корму, положив пулемет на мягкий и широкий борт. Связные и телефонисты с оружием в руках расположились по обоим бортам. Мирчу я усадил в середине лодки.

— Драгомире, — запротестовал он.

— Мы переправлялись уже не через одну реку и знаем, как это бывает... Разуйся, — шепнул я ему.

— Ты думаешь, что...

— Ничего не думаю, но в носках будет легче.

— Хм... но ведь там мне нужны будут ботинки.

— А, достанем другие!..

Мы бесшумно отчалили от берега. Лодка, как пушилка, понеслась вперед легко и свободно. За нами на некотором расстоянии друг от друга — на случай неожиданного обстрела — вытянулись понтоны и плоты, нагруженные солдатами. В роще слышалось приглушенное движение: другие батальоны, готовясь к штурму, также выходили к реке...

Мы не спускали глаз с лодок, с которыми переправлялся майор Думбрава. За ними, как темные широкие пятна на блестящем, черном стекле, виднелись плоты и понтоны. Берег скрывался в черной пустоте, над которой возвышался холм... Вскоре мы вошли в тень, отбрасываемую холмом на воду, и теперь уже ничего не различали в густой тьме. Тырлэ Петре и Аким Ион залегли за пулемет, я впился руками в висевший на груди автомат. В напряженной тишине мы ждали, что вот-вот грозно прогремит первый выстрел.

— Держитесь правее, а то нас сносит течением, — шепнул Мирча. — Ложбинка, в которой мы должны высаживаться, правее!

«Господи, — подумал я с досадой. — Видно, он не отдает себе отчета, в каком положении мы находимся, что нас ожидает, если гитлеровцы откроют огонь сейчас, пока мы на воде!» Позднее я понял, что Мирча не такой уж наивный!

Сердце мое, казалось, выпрыгнет из груди. Я знал, что эти несколько мгновений, которые отделяют нас от берега, были самыми тяжелыми. Именно в такие моменты, в тридцати — сорока метрах от берега, когда мы ни на воде, ни на земле, немцы обычно открывали огонь. И в этом случае выход один — пересечь плотную свистящую стену огня и добраться до берега.

Мы прильнули к мягким и прохладным бортам лодки, выставив вперед оружие. Но ничто не нарушало прибрежной тишины. Передние плоты и понтоны приближались к берегу медленно, с опаской. Их догнала вторая очередь лодок, а потом и мы. Все сгрудились в кучу...

Сам по себе момент высадки должен проходить молниеносно: как только почувствовал, что лодка коснулась земли, прыгай в воду и бросайся вперед, вперед, как можно дальше от берега! Но, сбитые с толку молчанием немцев, первые две роты замешкались на берегу. Солдаты залегли на краю прибрежного кустарника. Кругом было тихо и темно.

— Вперед, — услышал я грозный шепот Думбравы. — Вперед!

На песке зашевелились тени солдат. Затем они поднялись и бросились вперед. Наша лодка уткнулась широким носом в берег. Мы выпрыгнули прямо на землю и разбежались в разные стороны, как куропатки. Мирча пополз на животе к кустарнику. Мы последовали за ним.

Вот подошли наши понтоны, и солдаты рассыпались по берегу. Несколько мгновений в ночной тишине слышалось плескание тех, кто возился с орудиями, пулеметами и боеприпасами, но и на этот раз немцы не подали никаких признаков жизни. Мирча поднялся с земли, отыскал глазами ложбину, по которой мы должны были взбираться на высоту, и шагнул в темноту. За ним двинулись и остальные. Обливаясь потом, как загнанные лошади, мы молча и быстро поднимались вверх. Подозрительная тишина вокруг нагоняла на нас страх. На несколько мгновений мы остановились. Слева и несколько выше нас слышался глухой треск кустарника, топот ног, шум скатывающихся камешков и металлический стук лопат. Первые две роты, посланные Думбравой вперед, беспрепятственно поднимались вверх по крутому склону... «Хорошо, но где же немцы?» — спрашивал я самого себя, и меня все больше мучила страшная догадка, что мы попали в ловушку...

— Пожалуйста, — проворчал Мирча, — теперь надо останавливаться и обуваться!

Чувствуя себя виноватым, я нагнулся и помог ему зашнуровать ботинок. Осторожно, размеренным шагом мы стали подниматься выше. Кустарник редел, и в ложбине становилось светлее. Теперь мы уже видели дальше вокруг себя. Остальные солдаты нашей роты вплотную держались за нами. Все понимали опасность создавшегося положения.

— Не идите по тропинке. Она наверняка пристреляна или заминирована, — предупредил нас Мирча, и я еще раз

убедился, что из всех нас лучше всего владеет собой Мирча Павелеску. Напрасно я думал, что он не разбирается в военной обстановке...

Каждая минута тишины была дорога, и мы ускорили шаг, чтобы быстрее достичь хребта. «Ох, скорей бы добраться туда!» — потирая лоб, я самого себя.

Выбившись из сил, мы вновь остановились. Слева по-прежнему было слышно, как поднимаются вверх другие роты. Отсюда, с высоты, Муреш казался светлее, и спешившие к берегу понтоны, плоты и лодки другого батальона были видны как на ладони.

— Драгомире, — шепнул мне Мирча, — так же хорошо было видно и нас... Если немцы не ушли, они нарочно позволили нам переправиться через реку и подняться сюда... Иначе они могли бы перестрелять всех нас на воде!

Меня вдруг охватил страх. Я почувствовал, что Мирча безусловно прав. Действительно, Муреш с его отливавшей темным серебром поверхностью хорошо просматривался отсюда. Плоты, понтоны и лодки плыли по водной глади, как темные пятна, и были хорошей мишенью для гитлеровцев. «Конечно, они не хотят открывать огни! — думал я о немцах. — Отошли на хребет или фланги, чтобы потом зажать нас в огненном кольце!»

— Остаемся на месте, — решил вдруг Мирча и велел по цепи передать задним взводам, чтобы они развернулись на склоне, оставив свободным дно ложбины.

— Если они пойдут в контратаку, то спускаться будут здесь, — шепнул мне Мирча, — и мы прихватим их... Иди, передай командиру батальона, что мы в ложбине...

Да, Мирча Павелеску вовсе не был «барышней младшим лейтенантом», как его называли солдаты. Одно дело — его романтическая натура, мягкое сердце и чистота чувств, как у ребенка, и совсем другое — глубина его ума, его воля и решимость... Я крепко пожал руку Мирчи, но в батальон уйти не успел.

В тот момент, когда плоты и понтоны, переправлявшиеся через Муреш, пересекли середину реки, а третий батальон, оставив берег, тоже начал переправу, гитлеровцы открыли бешеный огонь. С противоположной стороны холма вдруг поднялся страшный гул. Снаряды со свистом пролетели над нашими головами. На нас повеяло дыханием смерти. Первый вал разрывов ухнул позади нас, в

долине, в прибрежных рощах и на Муреше. Вверх взметнулись ослепительные языки пламени, задрожала земля. Второй вал снарядов прошуршал ниже и разорвался прямо на воде, между понтонами и лодками, подняв над Мурешем облака черного дыма. В долине стало темно, как в пещере, и тихо, как в могиле.

Но вот послышался сухой треск. В воздух взвилось несколько ракет, осветив долину и реку сиреневатым светом. Понтоны и плоты на Муреше стали хорошо видны на темной поверхности воды. Обстрел немцев усилился. Снаряды падали сплошным дождем. Огромные фонтаны кроваво-красного пламени, земли и воды опрокидывали понтоны, разбивали плоты и лодки. Вверх взлетали люди и бревна, оружие и коробки с патронами, охваченные пламенем доски. Муреш кипел, как в аду. Люди отчаянно барахтались в бешеном круговороте. Казалось, невозможно пробиться сквозь эту плотную стену фашистского огня. И все же вскоре к берегу пристали первые плоты. Солдаты залегли на песчаной отмели, и в этот момент из прибрежных кустов яростно застрочили немецкие пулеметы. Пропустив нас, гитлеровцы отрезали место переправы и теперь пытались остановить роты второго батальона. На узкой песчаной полосе вдоль берега разгорелся жестокий бой.

— Ничего, пробьются, — сказал Мирча, видимо, о тех, кто вел переправу. — Иди и передай командиру батальона, что мы на своем месте, в ложбине...

Но и на этот раз я не успел уйти. Мирча вдруг ухватил меня за плечо и пригнул к земле. С хребта высоты по ту сторону ложбины немцы открыли впереди нашей роты перекрестный пулеметный огонь. Солдаты залегли, их тени растворились в темноте. Наши на берегу стреляли короткими очередями. Несколько сигнальных ракет вновь взвились в воздух. Немецкие пулеметы застрочили еще яростнее.

— Никому не двигаться, — сердито крикнул Мирча. — Всем прижаться к земле!

«Испугался все-таки!» — подумал я, но ошибся. Когда наступило некоторое затишье, Мирча вдруг повел нас еще выше по ложбине, чтобы лучше видеть происходящее на берегу. Но вот темнота опять засверкала сотнями и тысячами выстрелов. Снизу, с берега, к вершине холма протянулись зеленовато-белые линии трассирующих пуль. Два молчавших до сих пор немецких дота открыли безжало-

стный, уничтожающий огонь, прижав наших на берегу к земле. Один дот вел огонь с фланга, как раз из ложбины, в которой залегли мы... Две первые роты с криками «ура» устремились вперед...

Высота Сынджеорджиу гудела от взрывов и криков. Наши солдаты бросали гранаты, падали на землю и вновь поднимались в атаку. Но ряды их заметно поредели. Дот, что находился в ложбине, по которой продвигалась наша рота, не переставая, изрыгал смертельный огонь. Гитлеровцы выпустили новую партию ракет и сосредоточили огонь пулеметов буквально на одну ладонь от земли, так что наши не могли даже пошевелиться...

И тут в ложбине мы заметили черные силуэты гитлеровцев. Они выскакивали из-за дота и, пригнувшись, бегом спускались вниз, исчезая в кустарниках. Немцы готовились атаковать наш батальон с фланга!

Случилось именно то, что предполагал Мирча. Через связных он приказал взводам, находившимся сзади, ползком подтянуться на правый склон ложбины, оставив немцам низину. Гитлеровцы все спускались, собираясь прямо под нами.

— Пусть соберутся все, — шепнул Мирча командирам двух взводов. — Когда поднимутся в контратаку, открывайте огонь в спину! — Потом, показав рукой в сторону дота, добавил: — Мы идем дальше...

Вместе с отделением саперов Мирча пополз выше. Следом за ними по кустарнику двинулись два взвода. По дну ложбины, крадучись, длинной цепочкой спускались немцы. Выше, по склону ложбины, задыхаясь, поднимались мы — туда, откуда появились немцы...

Я нагнал Мирчу, когда до дота оставалось не более сотни шагов.

— Что ты хочешь делать? — спросил я его, переводя дыхание.

— Нужно взорвать дот, — ответил он мне спокойно.

— Мирча, — пытался остановить его я.

— Это все, что можно сейчас сделать, — шепнул он мне убежденно. — И как можно быстрее, пока немцы не пропихали, что мы добрались сюда!

Повернувшись к саперам, Мирча решительным тоном приказал:

— Винтовку — в одну руку, гранату — в другую... Те, кто с тротилом, — вперед!

От страха за Мирчу я позабыл обо всем: о гитлеровцах, спускавшихся в долину, о взводах, поднимавшихся за нами к доту... Я думал только о Мирче и старался держаться как можно ближе к нему. Мне даже пришла в голову мысль самому заложить заряд. Мирча с саперами поддерживали бы нас огнем.

Мирча, напрягшись, как пружина, неумоимо полз вперед, словно притягиваемый дотом. Тырлэ Петре и Аким Ион тоже загорелись идеей уничтожить дот. Они ползли сбоку от Мирчи, выставив вперед автоматы и готовые открыть огонь по первому его знаку.

Впереди в темноте то и дело вспыхивали голубовато-белым пламенем амбразуры дота. Сзади плотной группой молча ползли наши взводы. Слева, на склоне, ведущем на высоту с отметкой 495, залегли две другие наши роты.

Когда мы подползли совсем близко, Мирча оглянулся и подал знак саперам приблизиться к круглому панцирю дота.

В ложбине начался бой. Наши взводы, засевшие в засаде, открыли яростный огонь по гитлеровцам, поднявшимся в контратаку. И в это время со страшным грохотом взлетел на воздух ненавистный дот: Высота заходила у нас под ногами и словно раскололась пополам. Послышались крики «ура». Это роты, что находились на склоне, прорвали оборону гитлеровцев...

Мы бросились в окопы. Они зигзагом шли по склону. Окрыленный успехом наших рот, я вырвался вперед, расстреливая на ходу бегущих гитлеровцев. Наши солдаты, обгоняя друг друга, выскакивали из окопов и бегом поднимались вверх по склону. От быстрого бега у меня перехватило дыхание. Остановившись, я увидел позади себя Мирчу, Тырлэ Петре и Акима Иона.

Неожиданно мы оказались перед укрытием, в дверях которого пятеро или шестеро гитлеровцев поспешно устранили пулемет. Еще несколько немцев, по-видимому офицеры, стреляли вверх красными ракетами... Укрывшись за поворотом окопа, мы бросили гранаты. Только одному немцу, телефонисту, удалось спастись, и он, как ошалелый, удирал по окопу с телефонной трубкой в руке...

«Господи, — пронзила меня мысль... — ведь мы уже на вершине!»

Мирча Павелеску, Тырлэ Петре, Аким Ион да несколько саперов, оставшихся в живых после штурма до-

та, забросали гранатами еще несколько фашистских укрытий. Заняв вокруг все немецкие окопы и траншеи, наши солдаты лихорадочно готовились к обороне. Обстрелянным бойцам хорошо было известно, что сейчас наступил самый тяжелый момент боя: немцы с минуты на минуту могут перейти в молниеносную атаку... Две другие роты, вошедшие в прорыв, развернулись фронтом и рассредоточились по склону левее нас...

Во всей этой суматохе я услышал спокойный и строгий голос Думбравы. «Мыслитель» обеспокоенно искал Мирчу.

— Он в укрытии, господин майор! — крикнул я.

Окруженный связными и телефонистами, Думбрава остановился на краю окопа, всматриваясь в темноту по ту сторону склона, в глубину немецких позиций.

— Быстро свяжись с полком! — приказал он Думитру Оанче. Радист принялся устанавливать рацию. В это время из укрытия вышел Мирча. Майор направился навстречу:

— Браво, Павелеску! Прямо скажу, не ожидал!

Потом они молча стали смотреть в сторону Муреша. Долину время от времени освещали плавающие ракеты. Темноту пронизывали трассирующие пули. Черные волны Муреша вскипали от взрывов. Вниз по течению плыли опрокинутые понтоны, вырванные с корнем деревья, трупы людей и лошадей. Несколько солдат барахтались в волнах. Десятки снарядов пролетали над нашими головами и разрывались на реке и берегу, безжалостно сметая все вокруг. В прибрежных кустарниках и на песчаных отмелях беспорядочно сновали тени. И с нашей, и с немецкой стороны яростно строчили пулеметы. Немцы стремились ликвидировать прорыв.

— Только теперь начинается бой за переправу, — заметил Мирча.

— Если наших там разобьют, — сказал Думбрава, — зря мы прорывались сюда.

И только теперь я понял всю сложность обстановки, в которой мы оказались. Вот почему немцы до сих пор не контратаковали нас и не перенесли сюда огонь с переправы. Они временно оставили нас в покое. Спешить им было некуда: как покончат с теми, на берегу, у них будет достаточно времени наказать и нас за нашу дерзость...

В конце концов наши проиграли битву за переправу. Ожесточенная, яростная схватка закончилась быстрее, чем мы предполагали. Переправа сильно обстреливалась. Наша артиллерия прочесывала противоположный берег, чтобы помешать немцам преследовать переправившихся. Немецкая артиллерия пристрелялась по этому же месту, не давая нашим ротам сойти на берег. Одна из наших рот, высадившись на берег, завязала ближний бой с гитлеровцами. Но ни наши, ни немецкие артиллеристы не знали об этом и одинаково продолжали обстреливать узкую прибрежную полосу. Тогда и наши и немцы стали сигнализировать ракетами, требуя прекратить огонь. Но пока все выяснилось, снаряды падали и падали, добивая румын и немцев, перемешавшихся у переправы... Те из наших, кому удалось уцелеть, в беспорядке вернулись обратно в прибрежную рощу...

Вскоре замолкли и автоматы. На реке, в долине и на высоте установилась тишина. Наступила такая же безмолвная ночь, как и накануне, когда мы готовились к переправе. Но теперь мы оказались одни на гребне высоты. Думбрава ворчал как рассерженный медведь, проклиная и гитлеровцев, и наших артиллеристов, что не остановились вовремя. В сопровождении связанных майор обошел все роты и выдвинул их еще ниже по склону, ближе к немцам. Таким образом, высота 495 осталась в тылу, немного левее нас: Думбрава был опытным командиром и правильно предполагал, что немцы сосредоточат огонь в первую очередь по вершине. Майор изменил и боевой порядок рот, расположив их треугольником, так чтобы можно было отражать атаки противника и спереди и с боков. Наша седьмая рота заняла оборону справа, на седловине между двумя вершинами. Небольшая ложбинка спускалась от нас, расширяясь в сторону немецких позиций на склоне. Майор Думбрава определил приблизительную полосу обороны и приказал как можно быстрее окопаться.

Мирча установил имевшиеся в роте два пулемета на краю ложбины, а между ними — противотанковое орудие, присланное Думбравой. Два взвода он расположил по одному и другому склону, третьим прикрыл ложбину, а четвертый оставил в резерве, оттянув его немного назад, ближе к вершине. Думбрава выразил удовлетворение избраным боевым порядком, так как тоже был уверен, что

немцы используют для атаки именно ложбину. Майор еще раз окинул взглядом склон и, убедившись, что все спокойно, направился на командный пункт. Думбрава горел нетерпением связаться с полком.

Радист Оанча крутил какие-то ручки и прислушивался к треску, раздававшемуся в наушниках. Время от времени размеренно спокойным, но более строгим и резким, чем обычно, голосом он говорил в микрофон:

— «Муреш»... «Муреш»... «Муреш»!... Я — «Олт»... Я — «Олт»... Я — «Олт»... Отвечайте, слышите ли меня?.. Отвечайте, слышите ли меня?

Увидев Думбраву, Оанча прикрыл микрофон ладонью и сказал:

— Сейчас свяжусь, господин майор.

В одном из углов укрытия, слабо освещенном оставленной немцами свечой, Думбрава увидел четырех солдат. С их одежды ручьями стекала вода. У одного из них, сержанта, левое плечо было забинтовано, рука висела на повязке. Хмурые изнуренные лица, плотно сжатые губы. Солдаты дрожали от холода.

— Что с вами? — спросил Думбрава.

— Господин майор, — ответил сержант, — мы из третьего батальона, который пытался переправиться через реку...

— Сколько из вас добралось до берега?

— Одна рота, господин майор... Одиннадцатая... Да и то, — горестно продолжал сержант, — в живых остались только мы и еще несколько человек. Они не смогли оторваться от немцев и остались в кустарнике, у переправы...

Думбрава нахмурился, будто только сейчас узнал о неудаче двух других батальонов.

— Идите сюда, — сказал он солдатам.

В глубине, где горела свечка, стоял столик из неоструганных досок, прибитых к двум рейкам, загнанным в земляную стену, и опирающихся на два тонких и высоких столбика. Майор развернул карту и нагнулся над ней. Отыскав отметку 495, Думбрава перевел карандаш в сторону между Мурешем и высотой.

— Здесь есть немцы? — спросил он у солдат.

— Есть, — ответил сержант, — но мы все же прошли между ними... Это место меньше простреливается.

Думбрава переместил карандаш правее, ближе к реке.

— А здесь?

— И здесь... Здесь установлены их пулеметы...

Потом Думбрава показал склон слева от ложбины, где поднимались в атаку наши первые две роты.

— Здесь тоже, господин майор, — подтвердил сержант. — Они везде!

Думбрава бросил карандаш на карту и уставился в стену укрытия. Все затаили дыхание. Слышались только потрескивание свечки и ровный отчетливый шепот радиста, который непрерывно пытался установить связь с полком. Солдаты, пробившиеся к нам, на гребень высоты, вышли из укрытия по окопу, где смешались со связными. Те сидели молча, сбившись в кучу, готовые в любую минуту мчаться в свои роты с новыми приказами, но Думбрава не торопился.

— «Муреш» у аппарата, господин майор! — радостно сказал Оанча.

Думбрава вздрогнул, будто очнувшись от своих мыслей, и направился к рации. Он взял у радиста микрофон и другую пару наушников и, немного нагнувшись, стал слушать. Оанча покрутил ручки, в аппарате замигала какая-то лампочка, и Думбрава начал:

— Теперь обстановка ясна, господин полковник... Да, я проверил... Только четверо. От них я узнал, что и на склоне немцы. Да, понял, господин полковник... Удерживать высоту любой ценой до новых указаний! Очень хорошо, господин полковник... Ожидаем рассвета.

Связные помчались в роты, чтобы передать приказ командира полка, полученный в этот поздний час: любой ценой удерживать высоту 495 до рассвета, пока другие батальоны снова попытаются переправиться через Муреш. Задача была неимоверно трудная, а рассвет уже приближался. Стало прохладнее, небо постепенно бледнело. В расположении нашей роты, в конце ложбины, солдаты продолжали углублять окопы. Пулеметчики лежали за пулеметами, готовые в любое мгновение открыть перекрестный огонь по ложбине.

Мирчу Павелеску я нашел в окопе на краю ложбины. Он внимательно рассматривал склон, постепенно спускавшийся в сторону немцев. Далеко в глубине чернели два лесочка. Немцы, без сомнения, сосредоточили там свои войска и начнут оттуда атаки. Самый короткий и скрытый путь из этих лесочков до вершины высоты лежал через нашу ложбину.

— Будто специально приготовлена для немцев! — проговорил Мирча.

Когда я сообщил ему приказ полка, он на мгновение замер, то ли напуганный, то ли удивленный, а потом пробормотал себе под нос: «Этого, конечно, следовало ожидать...»

Я так и не понял, что он имел в виду, когда сказал «Этого, конечно, следовало ожидать»: приказ, что мы должны удерживать высоту любой ценой, или то, что утром остальные батальоны попытаются снова переправиться через Муреш. Мне показалось, что Мирча не осознал до конца, что «любой ценой» означает фактически — ценою нашей жизни... «Этого, конечно, следовало ожидать», так как, само собой разумеется, мы не могли сдать высоту ни за что на свете!

Но и на этот раз я ошибся: Мирча очень хорошо понял приказ. Он тут же вызвал командиров взводов, выдвинутых к ложбине, и спокойно объяснил им, что необходимо отрыть еще одну линию окопов по краю ложбины и другую сзади, почти у самого хребта.

— Да побыстрее, — добавил Мирча, — до рассвета!

— Что ты хочешь делать? — спросил я его, когда мы остались одни.

— Приказ велит не погибнуть, а «удерживать высоту любой ценой». А если мы погибнем, ее никому будет удерживать!

Да, у Мирчи была врожденная способность быстро и правильно схватывать действительный смысл и значение событий.

— Знаешь, ты, оказывается, настоящий командир, — сказал я с восхищением.

— Не говори глупостей, — запротестовал он совсем по-детски. — Сейчас я должен был бы рассказывать детям сказки и читать им стишки...

— Ничего, придет время и ты снова будешь учить детей, — пытался я выдержать бодрый тон. — И еще наших детей будешь учить.

Но Мирча был задумчив, как никогда. Через некоторое время он чуть слышно произнес:

— Я только об отце думаю... Останется он один...

У меня не хватило сил возразить ему, так как было абсолютно ясно, что теперь наши жизни тесно связаны с этой проклятой высотой. Солдаты продолжали лихорадоч-

но копать окопы на краю ложбины. Время от времени немцы напоминали о себе, выпуская одиночные снаряды то по склону, то по вершине высоты, то по нашим позициям, то по переправе. Стреляли они из-за холмов, что тянулись вдоль Муреша, от Икланда, или, быть может, от Вайдейю. Однако разрывы были такими редкими, что солдаты почти не обращали на них никакого внимания, хотя, конечно, случайный такой снаряд мог упасть нам прямо на голову. Заслышав свист, я каждый раз вздрагивал и с тревогой смотрел на Мирчу.

Вскоре связисты дотянули телефон до окопа Мирчи, и я вернулся на командный пункт батальона. «Если гитлеровцы не атакуют нас до того, пока другие батальоны перейдут Муреш, — говорил я самому себе, — мы спасены». Сейчас немцы будто забыли о нас. Главной их заботой была переправа, так как они, конечно, ожидали, что наши вновь попытаются переправиться через реку. Безусловно, для них было важнее, чтобы ни одна душа не пересекла Муреш, а что касается ликвидации нашего батальона, то, по их мнению, это было делом времени. Поэтому гитлеровцы не спешили, и это еще больше усиливало наше беспокойство.

На рассвете, в то же самое время, что и накануне, два других наших батальона снова ринулись к переправе. Густая пелена тумана, словно белый мостик, перекинулась через реку, окутав прибрежные кустарники. Тишину этого предрассветного часа неожиданно нарушил протяжный свист. Это наша артиллерия начала обстреливать противоположный берег, стремясь помочь переправляющимся. Немецкая артиллерия в ответ била по рощице, откуда переправлялись наши солдаты. Наши батальоны спешно покинули рощицу и под покровом серебристого тумана спустились к реке. Когда в какое-нибудь место попадали одновременно несколько снарядов, облако дыма разрывалось, и можно было увидеть наших солдат, которые толпились у понтонов и лодок или же прямо бросались в реку. Но немцы перенесли огонь на воду. «Как только достигнут берега, будет легче», — обманывал я самого себя. Наша артиллерия перенесла огонь несколько выше, чтобы обезопасить место высадки, но тут начали бить немецкие пулеметы. Весь огонь противника, как и накануне, сосредоточился на узкой прибрежной полосе. Дым и копоть взрывов смешались с пылью и туманом. Над пе-

реправой повисло темное свинцовое облако. С высоты мы с болью в сердце наблюдали за происходящим в долине.

Майор Думбрава тоже вышел из укрытия. Рядом с ним связист держал в руках телефонный аппарат. Майор молча с тревогой наблюдал за долиной и переправой. Потом он повернулся в сторону наших позиций, так как именно сейчас можно было ожидать контратаку гитлеровцев на высоту. Видимо, он нервничал в ожидании этой атаки, так как, когда один из командиров рот спросил его по телефону, что надо делать, Думбрава раздраженно крикнул в трубку:

— Глаз не спускать с немцев, вот что делать!.. Сейчас они и нас сбросят в Муреш!

Думбрава послал связных в роты с приказом внимательно следить за немцами и быть готовыми отбить атаку, которая вот-вот начнется. Но немцы не начинали атаку, и это нас взбесило и окончательно вывело из терпения.

Мирчу Павелеску я нашел у пулемета на новой позиции, с более широким сектором обстрела.

— Нет, не обязательно они начнут сейчас, — сказал Мирча, выслушав приказ. — Может, они сначала хотят покончить с теми, что у переправы, а уж потом примутся за нас!

— Может быть, — согласился я.

— Что у переправы? — спросил меня Мирча.

— Плохо. Наверное, и на этот раз они не пробьются...

Мирча сразу стал задумчивым и повернулся в сторону ложбины.

— Они попытаются пройти здесь, — произнес он через некоторое время, показывая в сторону перелеска у подножия высоты.

Именно тогда немцы и начали атаку, и таким образом я остался рядом с Мирчей у края ложбины. Внизу, у подножия высоты, напротив отметки 495, на которой мы находились, и отметки 463, справа от нас, оба лесочка еще были окутаны утренним туманом. Между этими лесочками, ближе к нам, по склону тянулись позолоченные осенью виноградники и кукурузные поля. Отсюда, без сомнения, и должны были появиться немцы.

Между тем бой у переправы начал стихать, и Мирча послал меня обратно в батальон, чтобы выяснить обстановку. Обстрел стал реже, только изредка разрывались снаряды. Но немецкие пулеметы из прибрежного кустар-

ника непрерывно поливали свинцом реку, преследуя группы наших отступающих солдат.

Туман рассеялся. Стало совсем светло. Было видно, как уцелевшие солдаты выскакивали на тот берег и скрывались в кустарнике. Попытка двух других батальонов переправиться через реку и на этот раз окончилась безрезультатно.

Думбрава не отрывал глаз от реки, будто отказываясь верить, что батальоны, которые мы ожидали с таким нетерпением, возвращаются назад, в рощицы у Йернута. Думитру Оанча позвал майора к телефону. Думбрава быстро спустился в укрытие, а мы прильнули к двери, чтобы услышать, о чем будет разговор.

— «Муреш», «Муреш»! Я — «Олт», — начал радист. — Я — «Олт», я — «Олт»!

— Да, видел, господин полковник, — услышали мы затем низкий, дрожащий от волнения голос Думбравы. — Ожидаем... Конечно, начнут... Понятно, любой ценой! Понял, господин полковник. Будем ждать бурю!

В это время немцы начали обстреливать высоту. Первые снаряды упали цепочкой вдоль наших позиций. Голубоватое пламя смешалось с землей и дымом. Все вокруг потемнело. Потом снаряды стали падать вперемежку. Земля глухо стонала. Наш окоп ходил ходуном. Нас бросало из стороны в сторону. У меня начала кружиться голова. Несколько снарядов упало недалеко от укрытия, засыпав часть траншеи вместе с солдатами. Санитары пронесли первых раненых, перемазанных землей и кровью.

Обстрел все усиливался. Я с тревогой смотрел в сторону ложбины, где была наша рота. Но тут надо мной раздался пронзительный свист снаряда. Другой снаряд упал прямо у входа в укрытие. Взрывом убило двух связанных и оторвало несколько бревен. Сплывывая землю, я осмотрелся. Из облака пыли, окутавшего укрытие, вынырнул Думбрава, вслед за ним — Думитру Оанча. Майор остановился рядом со мной и, опершись локтями о бруствер окопа, поднес к глазам бинокль. На дне окопа Думитру Оанча с наушниками на голове кричал в микрофон:

— «Муреш», «Муреш»! Докладывает «Олт»! Докладывает «Олт»! Противник крупными силами атакует высоту 495... Передаю координаты для артиллерии!..

Оанча начал передавать ряды цифр, которые ему диктовал Думбрава и в которых я ничего не понимал... «Наконец-то начали!» — сказал я про себя.

Внизу, у подножия высоты, появились серые силуэты гитлеровцев. Они поднимались вверх, охватывая высоту широкой дугой. Думбрава оторвал глаза от бинокля и, посмотрев на карту, продиктовал радисту новые цифры. Потом снова взялся за бинокль и застыл, опершись грудью и локтями об окоп. Цепи гитлеровцев медленно поднимались по склону. Расстояние между ними и первой линией наших стрелков все сокращалось. Теперь бинокль был уже ни к чему. Выждав, когда немцы широким фронтом вышли на склон и развернулись в цепь, майор скомандовал:

— По указанным координатам огонь!

Думитру Оанча повторил его слова в микрофон, и воздух со стороны реки задрожал. На гитлеровцев обрушился огонь нашей артиллерии. Ряды их смешались и поредели. Беловатое по краям и более темное в центре от поднятой в воздух земли и сажии облако медленно сползло в сторону виноградников, кукурузных полей и лесочка. Пытаясь выйти из зоны нашего заградительного огня, немцы короткими и быстрыми перебежками приближались к нашим окопам. Но майор сообщил нашей артиллерии за Мурешем новые данные, и гитлеровцы снова оказались в зоне огня. Вскоре снаряды стали падать в каких-нибудь двухстах шагах от нас. Переносить огонь еще ближе к нашим позициям было уже опасно. Пользуясь этим, немцы бросились вперед, стреляя на ходу из автоматов и пулеметов. Наши роты слева тоже открыли огонь. Разгорелся ожесточенный бой.

— Сержант Глигэ! — крикнул Думбрава по окопу.

— Слушаюсь! — подскочил я к нему.

— Беги в роту и передай младшему лейтенанту Павелеску, чтобы они ни в коем случае не обпаруживали себя... Пусть как можно дольше укрываются в ложбине... Если немцы будут атаковать, пусть допустят их до самого гребня и только тогда открывают огонь.

Я повторил приказ и бросился по окопу в расположение своей роты. Где перескакивая из одной воронки в другую, где ползком, я добрался до траншеи, которая привела меня прямо к Мирче. Мирча установил свой командный пункт как раз в конце ложбины, откуда хорошо просмат-

ривались и сама ложбина, и склон высоты слева, по которому поднимались немцы. Рядом, в другом окопе, залегли у пулемета Тырлэ Петре и Аким Ион. Отсюда были хорошо видны серые силуэты немцев, их головы в квадратных касках и даже серебристые плетеные погоны на плечах. Едва я успел передать приказ, как все бросились на дно окопа: в двадцати шагах впереди нас со страшным треском разорвался случайный, «слепой» снаряд. Тырлэ Петре, отряхивая землю, проворчал:

— Того и гляди за нас примутся...

— А ты что думал, они решили нас простить? — съязвил Аким.

— Нет, не думаю, но мы ведь тоже не зря переходили Муреш...

— Смотрите, — вмешался я. — Они уже в ложбине...

По ложбине пробиралась небольшая кучка гитлеровцев, удравших от наших рот слева. Там, на склоне, безостановочно и разъяренно грохотали пулеметы, беспорядочно трещали винтовочные выстрелы, короткими, отрывистыми очередями строчили автоматы. Иногда слышался свист и раздавались разрывы снарядов. Немцы, проскочившие через наш заградительный огонь, упорно рвались к высоте, но их косили и прижимали к земле пулеметные очереди наших рот. И каждый раз, спасаясь от огня, семь-восемь гитлеровцев с краю прятались в ложбине. Вскоре в кустарнике перед нашей ротой скопилось до сотни немцев.

— Господин Мирча, — умолял Тырлэ Петре, — разрешите израсходовать хотя бы один диск!

— Ты что, сумасшедший! — набросился на него Мирча. — Они даже не должны подозревать о нашем присутствии...

Затем наступил момент передышки, когда ни гитлеровцы, ни наши не стреляли. Каждый, кто был на фронте в подобных схватках, хорошо знает, что этот момент — решающий для атаки. До сих пор гитлеровцы пытались только преодолеть полосу нашего заградительного огня. Теперь, когда артиллерия с той и с другой стороны была по тылам, немцы перегруппировывались для атаки. Вот снова заговорили их пулеметы. Теперь гитлеровцы ползли более плотной стеной. Вдруг они поднялись во весь рост и с криками рванулись вперед... Бешено застрочили наши пулеметы, но немцы продолжали бежать вперед, оставляя

на склоне убитых и раненых. Тогда наши забросали их гранатами. Гитлеровцы бросились на землю и, немного отступив, начали лихорадочно окапываться. Только черные квадратные каски мелькали над землей...

Мирча Павелеску отнял бинокль от глаз, лицо его просветлело. Было ясно, что первая атака немцев отбита и что высота 495 может быть удержана...

Остальную часть дня немцы донимали нас обстрелом и все время держали под угрозой начала атаки. Иногда обстрел усиливался, и гитлеровцы начинали шевелиться в окопах на склоне.

— Антихристы! — не выдержал Тырлэ Петре. — Без пули доканают нас...

В тылу, ближе к берегу, немцы несколько раз поднимались в атаку со стороны Лекинца, стремясь овладеть переправой. Но им так и не удалось стать по-настоящему хозяевами переправы: как только они выходили к берегу, наша артиллерия из-за Муреша сразу же начинала обстреливать и прибрежные песчаные отмели, и прибрежные кусты. По склону немцы тоже не сумели подняться, так как путь им преграждали взводы из резерва нашего батальона. Гитлеровцы вынуждены были отойти в свои укрытия. После обеда они уже не могли даже приблизиться к переправе, потому что весь огонь нашей артиллерии с того берега сконцентрировался на узкой песчаной косе как раз напротив того места, которого они так домогались.

— Наши-то молодцы! — радовались мы, наблюдая, как падают наши снаряды. — Будто прямо рукой кладут!

Еще более сильная канонада допосилась несколько выше по течению, возможно, в Оарбе де Муреш или в Огре: там тоже разгорался бой. Казалось, что гитлеровцам не хватает ни сил, ни времени заняться нами. Но мы ошибались: именно потому, что немцы считали себя хозяевами высоты Сынджеорджиу, они и позволили себе временно оставить нас в покое. И только к вечеру, будто снова вспомнив о нас, гитлеровцы усилили обстрел, переместив его в район ложбины.

— Э-хе-хе! — озабоченно протянул Думбрава и потребовал соединить его с Мирчей Павелеску. — Видишь, они и тебе оказывают надлежащее внимание... Выжидай и не обнаруживай себя раньше времени!

Немцы сосредоточили огонь как раз по краю ложбины, там, где наша седьмая рота прикрывала с фланга подступы к высоте 495. Снаряды падали беспорядочно, так что уже невозможно было прислушиваться к их свисту, чтобы вовремя уберечься от них. Высота содрогалась. Ложбина потонула в море дыма и пыли... «Пропадут наши», — подумал я. Мне хотелось быть около Мирчи Павелеску, Тырлэ Петре и Акима Иона, но у меня не было никакого повода уйти с командного пункта батальона. Я не спускал глаз с ложбины, но кроме темно-серого огромного облака в той стороне нельзя было ничего различить. На землю опускались серые сумерки, и горизонт в той стороне словно засыпало пеплом...

«Сейчас, наверное, начнется атака!» — подумал я. Думбрава с мрачным видом наблюдал за происходящим в ложбине. Наконец я решился и обратился к нему с просьбой отпустить меня к своим ребятам.

— Оставайся здесь, — раздраженно бросил мне Думбрава. — Ты можешь понадобиться!

Немцы, однако, не поднялись в атаку, а через несколько минут и вовсе прекратили обстрел. Сумерки сгущались, угрожающе надвигаясь со всех сторон. В долине и на высоте установилась могильная тишина. Позиции гитлеровцев будто вымерли.

Думбрава хотел узнать о Мирче, но телефонный провод оказался поврежденным в результате обстрела.

— Я быстро слетаю туда, господин майор, — опять вызвался я.

— Не надо, — сказал он, — пойдем лучше к раненым...

Раненых разместили в подорванном нами доте. Думбрава шел по окопу, глядя себе под ноги. «Если он оставил командный пункт, значит, уверен, что немцы уже не будут больше атаковать и что ночь пройдет спокойно», — думал я. Тишина и все более сгущавшаяся темнота распростерлись и в сторону Муреша, на переправу, и вверх по долине реки до Оарбы, откуда раньше доносился немолчный гул орудий. Ночь принесла успокоение и на этот перепаханный снарядами и обильно политый кровью клочок земли. В траншее для раненых было тесно, душно, пахло кровью. Со всех сторон раздавались глухие стоны. Санитары торопливо перевязывали раненых и переносили их в ближайшие окопы. Думбрава остановился на краю траншеи. Мимо прошли санитары. Поставив

посилки, они облегченно вздохнули, вытирая платками вспотевшие лица.

— Ну и тяжел же ты, братец! — проговорил один из них.

Раненый лежал на боку и тихо стонал. На дне траншеи стояла такая темень, что нельзя было различить лица раненого. Один из санитаров нагнулся над ним и начал быстро перебинтовывать ему руку, задрав вверх разорванный в клочья рукав френча. Раненый очнулся, то ли от непривычной тишины, то ли от боли, и хотел было подняться. Но санитар прижал его к носилкам и держал так до тех пор, пока не закрепил бинт. Раненый поднялся и дернул плечами, порываясь уйти.

— Нельзя, — остановил его санитар.

— Я сейчас весь ваш окоп разворочу, — проворчал раненый густым, низким голосом.

Я сразу узнал этот голос: это был Аким Ион.

— Что случилось? — спросил Думбрава.

— Господин майор, — ответил Аким Ион, — эти привели меня силой...

— Что-то не верится, — улыбнулся майор, глядя на могучую грудь Акима Иона.

— Господин майор, — умоляющим тоном продолжал Аким. — Я могу стрелять и одной рукой...

Думбрава уступил ему дорогу, и Аким Ион быстро направился обратно по траншее, так что я даже не успел спросить у него о Тырлэ Петре и Мирче. Майор обошел других раненых, молча постоял в конце траншеи, где лежали умершие от ран, и, подавленный, вышел. Затем, повернувшись к связным, сказал:

— Ступайте в роты и возьмите сведения о потерях за сегодняшний день...

Я бегом бросился в свою роту. Пригнувшись, пересек гребень высоты и побежал вниз по склону, будто перепуганному дикими свиньями. Не успел я вскочить в первый попавшийся окоп, как вблизи раздался неожиданный взрыв. Земля заходила у меня под ногами. Эхо взрыва прокатилось по долине. Вслед за этим несколько снарядов взорвалось на гребне высоты. Снаряды падали редко, беспорядочно. На склоне и над ложбиной скрестились зеленые нити трассирующих пуль. Через какое-то мгновение гитлеровцы открыли ураганный огонь по нашим позициям, от края и до края... «Сейчас будут ата-

ковать, — подумал я. — Без сомнения, сейчас будут атаковать».

Я еще быстрее побежал по траншее, не обращая внимания на падавшие кругом снаряды. Когда траншея оборвалась, я короткими перебежками преодолел полосу обстрела. Добравшись до своей роты, я буквально свалился в окоп, прямо между Мирчей и Акимом. Они не отрывали глаз от ложбины. Рядом за пулеметом лежал Тырлэ Петре. Я посмотрел в ту же сторону и обомлел: гитлеровцы и на самом деле начали атаку... «Ожидали ночи, — пронеслось у меня в голове. — Ведь их в несколько раз больше...»

Немцы сплошной темно-серой массой поднимались по направлению к нам. Аким вдавил диск автомата в землю и, нахмурившись, хладнокровно стрелял одной, здоровой рукой. Тырлэ Петре тщательно прицелился и начал безостановочно строчить из пулемета, поливая фашистов свинцовым дождем. Другие два пулемета ударили справа и слева от нас. Мирча Павелеску замер и напряженно следил за приближением гитлеровцев, стремясь разгадать их замысел.

— Хорошо, что ты пришел, — шепнул он, искренне обрадовавшись мне. — Нельзя давать им приблизиться. Ведь ночь!

Я пристроился со своим автоматом рядом с Мирчей и начал стрелять по скоплениям гитлеровцев в ложбине. Мирча выстрелил вверх ракету. Взводы, расположившиеся на склонах, открыли огонь и, пока ракета освещала ложбину, все пулеметы строчили безостановочно. Гитлеровцы опять поднялись в атаку, но мы их вновь прижали к земле. Однако из глубины тянулись все новые и новые цепи фашистов. Казалось, им нет конца.

Вдруг один из наших пулеметов замолчал. В завесе огня образовалась пустота. Немцы сразу же устремились в том направлении. Если бы им удалось прорваться на этом участке, они бы вбили клин между нами и остальными ротами.

— Аким... Драгомир! — крикнул Мирча. — Узнайте, что там с пулеметом!

Мы мигом бросились по окопу. Оказалось, пулемет вместе с расчетом засыпало взрывом. Уцелел только один поднощик патронов. Обезумев, он разрывал руками землю и сумасшедшими глазами смотрел на приближавших-

ся гитлеровцев. Вот он извлек из земли одного раненого и положил его сзади в окопе. Потом стал вытаскивать за ноги мертвого. Мы лихорадочно искали пулемет. Наконец я наткнулся на раскаленный от стрельбы ствол. Мы быстро перетащили пулемет в воронку от снаряда и стали прилаживать только что начатую ленту. Гитлеровцы были уже на расстоянии не более сотни шагов и шли так плотно, что казались сплошной движущейся стеной.

— Пулемет!.. Пулемет! — кричали наши солдаты.

Я ухватился за рукоятку, прицелился и с силой нажал на гашетку, выпустив длинную очередь. Живая стена гитлеровцев дрогнула, упала на землю... Ко мне подскочил Аким Ион и решительно оттолкнул меня в сторону:

— Я останусь здесь... Иди, побудь с Мирчей!

Аким позвал подносчика и приказал ему:

— Соединяй ленты!

Гитлеровцы опять попытались подняться, но пулеметные очереди вновь прижали их к земле...

Когда я прибежал к Мирче, немцев остановили повсюду: и на склоне и в ложбине. Гитлеровцы залегли. Их силуэты походили на холмики земли. Грохот боя постепенно затихал, и на высоте опять устанавливалась тишина. Фашисты то ли были напуганы нашим отпором, то ли просто устали, но стреляли все реже и реже, будто нехотя... «Какого черта они намерены теперь делать?» — спрашивал я самого себя. И будто в ответ на мои мысли из ложбины донесся шум моторов. Грохот поднимался со стороны одного из перелесков, нарастая с каждым мгновением...

— Танки! — произнес Мирча упавшим голосом. Он потребовал связать его с Думбравой и спокойным тоном, которого я от него не ожидал, доложил:

— По ложбине поднимаются танки... Прошу направить мне и второе орудие!..

А потом, ухватив меня за руку, потащил к орудию, скрытому в кустарнике... «Он, видно, не понимает, что такое танки!» — думал я. Пальцы Мирчи нервно вцепились в мою руку.

— Что будем делать, Драгомир?

Я почувствовал, что и ему тоже страшно, и постарался ответить как можно спокойнее:

— Подпустим поближе, ведь у нас небольшие орудия... Темнота нас прикроет...

Мирча, однако, быстро взял себя в руки, и ему в голову пришла удивительно простая, но смелая мысль: гитлеровские танки могут подняться на склон или ударить во фланг нашим двум другим ротам только в конце ложбины. Мирча тут же на месте принял решение, которое сначала напугало меня: подтянуть к концу ложбины взвод резерва и сосредоточить здесь всю огневую мощь роты — пулеметы и противотанковые орудия. Здесь же в полной готовности залегли саперы... Мирча поставил на карту все, и только это спасло нас.

Линия обороны нашей роты приняла форму полукруга. Весь огонь, как в фокусе, мы сосредоточили по дну ложбины. Если бы гитлеровцы вздумали атаковать нас в другом месте, мы пропали бы... Когда я сказал об этом Мирче, он убежденно ответил:

— Все будет в порядке... Сейчас темно, и они будут следовать за танками... Ни за что на свете они не покинут ложбину!

Через несколько минут в ложбине показались массивные силуэты танков с белым крестом на броне. Они поднимались медленно, переваливаясь, с потушенными фарами. Башни были открыты, и в каждой из них торчала голова одного из танкистов. Дула орудий были направлены в нашу сторону. Передний танк шел как раз по дну ложбины, два других — по бокам и еще один — сзади, вслед за первым танком. Грохот моторов угрожающе нарастал. Выйдя к переднему краю, где залегли гитлеровцы, танки выпустили по одному снаряду, которые с воем пронеслись у нас над головами... «Они считают, что мы где-то дальше!» — подумал я...

Мирча до этого ни разу не встречался в бою с танками. Он инстинктивно прижался ко мне. Думаю, больше всего на него подействовал рев моторов и невероятный лязг гусениц. Я замер возле орудия, не отрывая взгляда от ложбины. По спине пробегали мурашки, мысли будто застыли... Вот гитлеровцы поднялись с земли и черными стаями окружили танки. Мирча поднял руку, чтобы дать сигнал к бою, но я его остановил: нас пока хорошо защищала темнота, а танки стреляли поверх наших голов. Но через несколько мгновений я сам испугался — настолько близко уже были к нам танки — и шепнул:

— Вот теперь...

Ракета взвилась вверх, осветив танки и скопившихся вокруг них гитлеровцев. Наши открыли огонь из всех видов оружия. Мирча выстрелил еще одну, ослепительно белую ракету, чтобы наши лучше сориентировались. Танки взревели и нацелились в нашу сторону. Но вдруг передний танк дернулся вверх и остановился. Одно из наших орудий попало в его мотор, бак с бензином вспыхнул, танк загорелся. Гитлеровцы, следовавшие за танком, бросились в разные стороны, стремясь укрыться в темноте.

Теперь мы уже обнаружили себя, и с первых же залпов других танков одно из наших орудий вместе с расчетом взлетело на воздух. Но тут рядом с нами ударило наше второе орудие — и еще один танк, шедший сбоку, остановился с разорванной гусеницей. Мотор продолжал реветь, но танк не двигался с места... Тогда со страшным грохотом, сотрясая землю, вышли вперед два других танка. Один из них остановился и открыл ураганный огонь по нашему орудью. Воспользовавшись этим, второй танк прорвался вперед и подмял под себя и само орудие, и его расчет...

— Бросайте! — рывкнул Мирча как сумасшедший.

Саперы бросили противотанковые гранаты — загорелся и третий танк. Четвертый, окруженный немцами, поспешно спускался назад по ложбине. Танк с подбитой гусеницей продолжал стрелять. Вокруг него залегла уйма фашистов. Наконец у гитлеровцев в танке кончились боеприпасы. Выскочив из машины, они слились с остальными и стали пятиться назад. Наши неотступно преследовали их по всей ширине ложбины...

Слева замолчал наш пулемет, и я с содроганием сердца подумал об Акиме Ионе. Однако я не мог даже пошевелинуться. Немцы находились всего лишь в двухстах шагах и вели яростный огонь, прижимая нас к земле. Воспользовавшись этим, другая часть гитлеровцев вклинилась между нами и нашими ротами на склоне. Там разгорелся жестокий бой, и, чтобы помочь нашим, нам нужно было оставить ложбину...

— Беги к господину майору и попроси разрешения уйти отсюда, — приказал мне Мирча.

Я был убежден, что Думбрава не разрешит нам этого сделать, но тем не менее со всех ног побежал на командный пункт батальона. Гребень и высота 495 находились

под непрерывным обстрелом. Там, где прорвались гитлеровцы, я слышал взрывы гранат и громкое «ура». Беспрерывно стрекотали пулеметы и автоматы. «Наши контратакуют!» — решил я.

На командном пункте были только несколько телефонистов и Думитру Оанчу. Он лежал, вытянувшись у радиции, с наушниками на голове и вертел ручки аппарата.

— «Муреш»! «Муреш»! «Муреш»! — кричал он в микрофон, стараясь перекрыть грохот разрывов. — Я — «Олт»! Я — «Олт»! Танки и пехота противника вклинились в нашу оборону на склоне...

Совсем рядом разорвался снаряд. У нас перехватило дыхание. Окоп, в котором мы находились, закачался, как корабль во время шторма... Когда я пришел в себя, Оанча руками откапывал аппарат и на чем свет стоит проклинал гитлеровцев. Наконец он вытащил радию наверх и, попробовав все ручки, снова начал кричать в микрофон:

— «Муреш»! «Муреш»! «Муреш»! Я — «Олт»! Я — «Олт»!.. Заградительный огонь по отметке 495. Заградительный огонь по отметке 495!

— Что ты делаешь? — удивился я.

— Так приказал господин майор, — ответил мне радист.

Я узнал, что сам Думбрава с небольшой группой солдат из резерва пошел в контратаку, приказав перед этим артиллерии на том берегу открыть огонь прямо по позициям наших рот на склоне, куда прорвались гитлеровцы. Несколько снарядов разорвались еще ближе к нам. Фонтан земли вперемешку с пламенем и дымом взметнулся вверх. Я почувствовал вдруг, что меня подхватило и подбросило в воздух. Очнувшись, я увидел радиста с одним только микрофоном в руке. Рядом валялась сплюснутая радиция. Склон стонал от взрывов нашей артиллерии. Все потонуло в облаке пыли и дыма. Из этого облака поодиночке выползали наши солдаты, уцелевшие после схватки с гитлеровцами. Не ожидая приказа, они стягивались поближе к гребню высоты, туда, откуда Думбрава повел людей в контратаку.

Радист бросил микрофон у аппарата, и мы вместе стали пробираться туда, где залегли наши солдаты. Навстречу попался связной. Он искал кого-нибудь из офицеров, так как Думбрава был смертельно ранен и хотел передать командование батальоном. Однако в последней

схватке на склоне погибли все офицеры, и мне ничего другого не оставалось, как возвращаться назад, в ложбицу, за Мирчей Павелеску. Когда я прибежал в свою роту, шум боя затихал. Немцы спешно покидали то место, где только что бушевал огонь нашей артиллерии.

Думбраву мы нашли в воронке из-под снаряда. Он лежал вверх лицом, охраняемый несколькими телефонистами, связными и солдатами, которые залегли по краю воронки в сторону гитлеровцев. У изголовья майора сидели Думитру Оанча и два санитары. Напуганный страшной вестью, запыхавшийся Мирча Павелеску опустился на колено возле Думбравы. Тот стонал и прерывисто дышал. Пробитая осколком снаряда грудь была вся перебинтована. Кровь пропитала бинт и расплылась темным пятном. При свете ракеты лицо майора было мертвенно бледным. Почувствовав, что мы столпились вокруг него, Думбрава хотел приподняться, но тут же бессильно упал на бок. Мирча Павелеску нагнулся над ним и робко, по-детски, назвал себя. Думбрава повернул голову и, открыв глаза, чуть слышно прошептал бескровными губами:

— Один ты остался?

Мирча пожал плечами.

— Принимай командование батальоном, — продолжал Думбрава озабоченно и, глядя на Мирчу лихорадочно блестящими глазами, добавил: — Я тебя оставляю в довольно тяжелом положении!..

Он хотел сказать еще что-то, но только беспомощно пошевелил пальцами и замолчал.

— Павелеску, — напрягая силы, вновь заговорил командир батальона, — полковник сказал мне, что скоро начнется буря... Понимаешь?.. До тех пор высоту нужно удерживать любой ценой!..

Майор замолчал. Дыхания его почти не было слышно. Мы склонились над Думбравой в гнетущем молчании. Все вокруг потонуло в темноте. Выстрелы нашей артиллерии, преградившей путь гитлеровцам, слышались все реже. Думбрава вновь зашептал:

— Павелеску, у тебя кто дома остался?

— Отец, господин майор! Больше никого!

На глаза Думбравы навернулись слезы.

— Хотелось еще раз увидеть Клуж... и мать, — проговорил он еле слышно. — Павелеску, может, зайдешь к ней?..

Майор протянул Мирче какие-то бумаги и продолжал, все больше слабей:

— Увидишь дом издалека... Во дворе растет большая айва... Айва как раз поспеет... Мать каждую осень собирала ее для меня... Но я не приходил, и она складывала ее между окнами... С тысяча девятьсот сорокового года четыре раза сохла у нее айва... Но мать все надеялась, что я вернусь... В последний раз она писала...

Думбрава затих. Один из санитаров чиркнул спичкой, и мы увидели остекленевшие глаза Думбравы на вытянувшемся застывшем лице. Пальцы умершего вонзились в землю. Все встали, сняли каски и несколько секунд стояли, опустив головы. Телефонисты и связные подняли тело майора и унесли его по ту сторону гребня.

Мы остались у края воронки втроем: я, Мирча Павлеску и Думитру Оанча, радист. Мы еще держали каски в руках, и прохладное дуновение ночи охлаждало наши разгоряченные лица. Но ветер дул с долины, из расположения гитлеровцев, и вместе с прохладой приносил запах жженой серы и крови.

Кругом была тяжелая, свинцовая тишина. Недалеко от нас, на гребне, оставшиеся в живых солдаты поспешно рыли новые траншеи и укрытия. Мирча повернулся в сторону ложбины, где удерживала свои позиции наша рота.

— Теперь мы остались одни и нас немного. Надо всем собраться здесь, — проговорил он.

Из ложбины мы переместились на гребень высоты, в укрытие, где раньше находился командный пункт Думбравы. Из всего батальона едва набралась одна рота с четырьмя взводами. Мирча расположил взводы полукругом. Телефонисты, связные, а также легкораненные находились в резерве, за укрытием. Это было нечто вроде нашего резерва на случай необходимости заткнуть дыру в нашей обороне на гребне высоты.

Взяв меня с собой, Мирча обошел выдвинутые вперед посты. Нас осталось очень мало, и мы были так измотаны, что больше всего боялись, как бы немцы не захватили нас врасплох и не окружили. Несколько пулеметов Мирча установил по бокам наших позиций для обеспечения флангов, а остальные сосредоточил впереди с таким расчетом, чтобы встретить гитлеровцев концентрированно.

ным огнем. «Они не должны чувствовать нашей слабости!» — объяснил Мирча.

Всматриваясь в темноту, мы обходили наши позиции. Стояла тихая осенняя ночь. Будто и не было сейчас никакой войны.

В укрытие мы вернулись задумчивые. Нас не покидало чувство тревоги. «Выдержим ли мы еще одну атаку?» — мучительно думал я. Конечно, мы и в мыслях не допускали, что гитлеровцы займут высоту, но, с другой стороны, сможем ли мы долго им противостоять...

В укрытии дрожал слабый свет. Огарок свечи, еще оставшийся от немцев, догорал в нише стены. Свернувшись в комок, на полу дремали связные, телефонисты и несколько раненых. Среди них я разглядел Акима Иона. Он лежал, положив голову на колени Тырлэ Петре. Второй раз Акима рапило в живот, и по всему было видно, что жить ему осталось недолго. Широкое лицо его пожелтело, губы побелели, глаза запали. Пот, который вначале выступил у него на лбу, теперь высох, оставив землистые пятна. Только блестящие холодным, стеклянным блеском глаза говорили, что он еще не свел последние счета с жизнью. Когда он заметил нас, взгляд его потеплел. Мы с Мирчей встали у его изголовья. Аким чуть дышал.

— Думал, не придете, — сказал он тихо, с упреком.

Я взял его большие, тяжелые, холодеющие руки в свои ладони. Все четверо мы молчали.

Потом мне рассказали, что, когда гитлеровцы окружили Акима, он поднялся из-за пулемета, схватил за ствол подвинувшуюся под руку винтовку и, размахивая ею, сбил с ног нескольких гитлеровцев, пока автоматной очередью ему не прошило живот... Санитары, подобравшие Акима, с большим трудом разжали его пальцы, которыми он, уже падая, вцепился в горло одному из гитлеровцев. Не было никакого смысла обманывать себя: Аким Ион доживал последние минуты. Он лежал, сжав зубы от боли, но был в полном сознании.

— Если до завтрашнего утра не подойдут наши, — шепнул он, уставившись неподвижным взглядом в потолок, — тяжело вам будет!.. Но может, кто-нибудь из вас уцелеет... — Аким Ион остановился, обессиленный, и только спустя некоторое время закончил строго: — Петре... и ты, Драгомир, берегите Мирчу... Никто, как он, не смо-

жет рассказать обо всем, что здесь было, как защищали мы этот клочок земли!..

.. Не стесняясь, Мирча плакал, как ребенок. Тырлэ Петре вытирал глаза кулаками, а я потерянно гладил большую руку Акима, которая все больше холодела. Через несколько мгновений, уже коснеющим языком, Аким с трудом произнес:

— Мирча... Расскажи обо всем детям, как когда-то в детстве нам рассказывал...

Солдаты, что находились вместе с нами в укрытии, с сочувствием смотрели в нашу сторону, но за эти дни они видели не одну смерть. Мы же с Акимом вместе провели свое детство, и нам было тяжелее. Тырлэ Петре все еще держал на коленях голову Акима. Мирча тихо плакал, уткнувшись лбом в земляную стену...

Накрыв тело Акима плащ-палаткой, мы вышли из укрытия. Ночь была такой же тихой и пустынной. Только выше по течению реки, в направлении Оарбы де Муреш, изредка слышались оружейные залпы. У Мирчи в руках была ракетница. Вместе с ним мы спустились в окоп, где Думитру Оанча вел наблюдение. Мирча поднял ракетницу и выстрелил одну белую ракету. По установленному коду она означала: «Мы здесь! Нуждаемся в помощи!» Ответа мы ждали очень долго, или нам так только показалось. Но вот на том берегу Муреша взлетела одинокая красная ракета: «Стойте на месте!.. Ждите!»

«Что ждать? И самое главное — сколько ждать? Ведь именно от этого зависит наша судьба и судьба высоты», — подумал я. Мы с тяжелым сердцем смотрели за Муреш. Этот приказ ждать только ухудшал наше положение.

— Господин младший лейтенант, — нарушил молчание радист, — может, мне удастся пробраться туда, к нашим...

Мирча отрицательно покачал головой, хотя это было единственное, что нам оставалось попробовать. Но Мирча не хотел рисковать жизнью радиста, потому что только чудом можно было пробраться через позиции гитлеровцев.

Мы спустились в окоп, где находились раненые. На месте разрушенного нами дота и в близлежащих траншеях прямо на земле лежало около сотни раненых. Один из раненых подофицеров расположил легкораненых, а их было человек пятьдесят, вдоль траншей. Рядом с каждым лежало оружие, так что даже раненые готовы были встре-

тить гитлеровцев. Сам подофицер, раненный в спину, лежал лицом вниз и тихо стонал.

— Нам нужны боеприпасы, господин младший лейтенант, — попросил он. — Особенно гранаты нужны...

— И нам нужны, — ответил ему Мирча, беспомощно разведя руками. — Проверьте вещевые мешки и карманы убитых... Может, найдете что-нибудь...

Отойдя дальше, мы услышали повелительный голос подофицера: он посылал санитаров поискать гранаты у убитых. По пути нам встретился фельдшер. Он доложил Мирче, что у него не осталось больше никаких медикаментов и ни одного бинта.

— Мы начали рвать на бинты рубашки.

— Придется рвать и плащ-палатки, — ответил ему Мирча.

В укрытие на гребне высоты мы возвращались в тяжелом молчании. На одном из крутых подъёмов остановились. Стояла такая глубокая тишина, что было просто не по себе. ...«Может, наши и не думают больше переправляться, — со страхом подумал я. — Тогда чего же мы должны ждать?»

Невдалеке от укрытия нас встретил сержант, которого Мирча посылал во все взводы, чтобы собрать сведения о наличии людей. Всего на позициях у нас оказалось сто двадцать три человека... «А переправу начали более семисот человек», — прикинул я. Выслушав рапорт сержанта, Мирча сказал:

— Хм, не так уж плохо... Оружие?

— Пять тяжелых, одиннадцать легких пулеметов, двадцать три автомата. Остальные — винтовки.

— Боеприпасы?

— Мало... Только что при людях... Надо бы еще гранат!

— Конечно, надо бы, — ответил Мирча и глубоко задумался.

Я тоже думал, думал о том, что все же кто-то должен попытаться пересечь Муреш и добраться до наших. Мирча, конечно, не хотел рисковать ничьей жизнью и потому не принимал окончательного решения. А что, если мне пойти через реку вместе с Оанчей? Но я не успел сказать об этом Мирче... В стороне укрытия неожиданно раздалась автоматная очередь, послышались крики и еще одна очередь. Потом все стихло. Мы бросились по траншее,

перескочили через несколько земляных ступенек и очутились у входа, завешанного плащ-палаткой. В укрытии столпились солдаты. С трудом протолкавшись вперед, я увидел сначала Оанчу в угрожающей позе с автоматом в руке. Раненые приподнялись на локтях и, ошеломленные, уставились куда-то в угол. Прижавшись спиной к стене, в углу стоял гитлеровец. Он был высокого роста, полный и крепкий, но дрожал как лист и от страха потерял дар речи. Маленький, худенький Тырлэ Петре приставил ему к груди дуло своего ручного пулемета. Я хотел было броситься к Петре, но Мирча остановил меня.

— Что вам надо на нашей земле? — строго спрашивал Тырлэ Петре гитлеровца. — Разве мы когда-нибудь приходили к вам, в вашу неметчину?

Немец стоял ни жив ни мертв. Казалось даже, что у него обморок: мутные глаза его смотрели бессмысленно, голова безжизненно упала на грудь. Но Петре дулом пулемета приподнял его подбородок и посмотрел немцу прямо в глаза.

— Ну, так отвечай, мы хоть раз ступали на вашу землю?

Гитлеровец не отвел взгляда. В глазах его вспыхнула ярость. Это еще больше забесило Петре. Он приподнялся на цыпочки, схватил гитлеровца за грудь и начал бить его о стену, приговаривая:

— Тогда что тебе надо здесь, бешеная собака? Где ж ваш бог, проклятые?

Он размахнулся пулеметом и хотел было ударить гитлеровца по голове.

— Стой! — закричал Мирча и схватил капрала за руку. — Так нельзя, Петре.

Повернувшись к радисту, Мирча спросил, показывая на немца:

— Откуда он?

— Мы его поймали у наших сторожевых постов... Подпустили вплотную... Из всего дозора один он остался...

Мирча допросил немца, время от времени делая какие-то пометки на карте. Гитлеровец довольно покорно отвечал на вопросы. Только один раз Мирче пришлось повысить голос, когда немец не хотел раскрывать расположение своей артиллерии. Окончив допрос, Мирча набросал на листе бумаги схему высоты Синджеорджиу,

наши позиции и позиции гитлеровцев на ней и, сложив листок, подошел к нам:

— Кому-то нужно добраться на ту сторону, в полк... В укрытии вдруг стало тихо-тихо.

— Я пойду, господин младший лейтенант, — раздался голос Оанчи.

Я тоже сделал шаг вперед и встал рядом с радистом. Но Мирча назначил одного Оанчу и протянул ему бумагу. Радист спрятал листок под кожаную подкладку каски. Мирча, обняв его за плечи, тихо сказал:

— Если сможешь вернуться, захвати патронов и бинтов...

Мне и Тырлэ Петре Мирча велел взять еще троих солдат и сопровождать радиста через расположение немцев к реке.

— Там ожидайте его и таким же путем возвращайтесь... Смотрите, чтоб вас не застал день, — напутствовал Мирча.

Выйдя из укрытия, мы некоторое время постояли, чтобы свыкнуться с темнотой и тишиной. Долина Муреша была все такой же молчаливой, а линия фронта будто вымерла. На небе собирались темные облака со стороны гор, откуда подул слабый ветерок, принесший запах дождя.

Пленного гитлеровца мы передали под охрану раненых, что залегли на месте бывшего немецкого дота. Затем, вытянувшись цепочкой, стали спускаться по дну ложбины к реке. Мы держались в тени, шли нагнувшись, всматриваясь в темноту и прислушиваясь к тишине. Следом за мной шел Тырлэ Петре с ручным пулеметом в руках, готовый в любую минуту залечь и открыть огонь. Затем следовал Оанча, а за ним — остальные солдаты, которые должны были в случае необходимости прикрыть нас огнем. Немцев мы пока не встречали. Возможно, их позиции были где-то в стороне. Ветер крепчал, и уже слышался плеск воды. До прибрежного кустарника мы добирались ползком и еще сотню шагов до реки — на локтях и четвереньках.

Песчаная отмель была изрыта снарядами, усеяна трупами, разбитыми плотами и лодками. Мы укрылись в кустарнике. Вдруг до нас донеслись шаги, а потом мы увидели гитлеровский дозор. Немцы проходили вдоль берега, возле самой воды, так что волны реки иногда касались

их сапог с короткими голенищами. Гитлеровцы несколько раз прошли мимо нас. Вскоре облака закрыли реку, и поверхность воды стала совсем темной.

— Давай! — шепнул я радисту.

Но Оанча подождал, пока немцы прошли еще раз, и уж тогда выполз из кустарника и стал пробираться между трупами к воде. Когда немцы останавливались, оглядываясь, радист замирал, его ничем нельзя было отличить от валявшихся в беспорядке трупов.

Так он пересек песчаную отмель и незаметно, как рыба, соскользнул в воду. Он сразу же опустился на дно, так что над поверхностью воды плыла только большая круглая каска; свои ботинки он оставил возле нас, и, пока не скрылся из виду в отливающих чернотой волнах, я не выпускал их из рук.

Мы затаились в кустарнике, не спуская глаз с реки. Наконец над рощицей на том берегу взвилась зеленая ракета. Значит, Оанча благополучно добрался до полка. Мы облегченно вздохнули и стали наблюдать за немцами, силуэты которых проплывали мимо нас то в одну, то в другую сторону.

Между тем пошел мелкий, холодный дождь. Немцы прошли еще раз вверх, еще раз вниз и, съжившись от холода, исчезли в укрытии справа от нас. Мне пришла в голову идея — поднять шум где-нибудь в стороне и тем самым отвлечь гитлеровцев, но кто знает, сколько дозоров здесь, у самой реки...

Перевалило за полночь, и нам уже порядком надоело прислушиваться к неумолчному шуму дождя и плеску волн о берег. Я не отрывал глаз от воды. Тырлэ Петре лежал за пулеметом, направленным в сторону немецкого укрытия. От томительного и напряженного ожидания у меня перед глазами засверкали разноцветные искры, причудливо пересекаясь друг с другом.

Вдруг Тырлэ Петре с силой сжал мою руку, и я заметил на воде темную скользящую тень. Это была широкая, низко сидящая лодка, в которой ничего не было видно. Сначала я подумал, что это просто лодка, которую несет по течению. Но лодка направлялась к берегу. Мне стало ясно, что это Оанча, и, когда лодка оказалась напротив нас, я прокричал, как болотный коростель. Лодка резко развернулась в нашу сторону. Тырлэ Петре прижал ручной пулемет к плечу. Я привстал на колени. Лодка все

приближалась, раскачиваемая волнами, и я уже различал лицо Оанчи. «Еще... еще немного!» — беззвучно шептал я...

И как раз в эти мгновения автоматная очередь разорвала тишину. Над рекой резко просвистели пули... Вторая очередь хлестнула по воде рядом с лодкой... Третья ударила прямо по лодке. Лодку бросило в сторону и подхватило течением. До берега оставалось не больше двадцати — тридцати метров... «Если его пронесет мимо нас, он угодит как раз в лапы гитлеровцам», — пронеслось у меня в голове. Я прикинул, что, если Тырлэ Петре будет вести огонь по немцам, мы в это время бросимся в воду за лодкой...

Но Оанча перевалился через борт, и лодка, подталкиваемая им, опять направилась в нашу сторону. Немцы из кустарника выпустили еще одну очередь... «Значит, здесь только эти!» — обрадовался я. Лодка остановилась, потом дернулась еще раз и застыла.

«Наверное, он ранен», — мелькнула у меня догадка.

Гитлеровцы, осторожно осматриваясь, вышли из кустарника. Держа автоматы наизготовку, они собирались встретить лодку.

— Стреляй! — крикнул я.

Тырлэ Петре выпустил длинную очередь из своего пулемета. Гитлеровцы перевернулись на месте и, взмахнув автоматами, все трое рухнули на песок. Мы стрелой бросились к лодке. Ухватившись за конец веревки, болтавшейся на лодке, мы с силой потянули. Но лодка шла все тяжелее, и тут я увидел, что радист судорожно уцепился за лодку и что его вот-вот утащит по течению... «Он и взаправду ранен!» — перепугался я и поспешил к Оанче.

Тырлэ Петре безостановочно обстреливал прибрежные кусты, так как гитлеровцы из других дозоров, всполошившись, пробирались к берегу. Пока остальные из нашей группы выгружали из лодки ящики с патронами, я вытащил радиста на берег и стал расстегивать ему френч, чтобы обнаружить рану, но Оанча крепко схватил мою руку и пробормотал:

— Быстрее к господину младшему лейтенанту...

Не дожидаясь остальных, я взвалил радиста на спину и стал подниматься по склону. Дождь размочил землю, и ноги скользили и разъезжались во все стороны. Вскоре

у переправы стрельба прекратилась. Оглянувшись назад, я заметил приближающиеся тени наших солдат. Тяжело дыша, они тащили мешки и ящики с патронами. Я шел не останавливаясь. У воронки, где находились раненые, я позвал санитаров, чтобы те перевязали радиста, но Оанча потребовал как можно скорее доставить его к командиру... В укрытии, увидев при свете догорающей свечи окровавленную грудь и пожелтевшее лицо Оанчи, я понял, что радист боялся раньше времени скончаться...

Мирча Павелеску опустился на колени у изголовья радиста и стал расстегивать ему френч.

— Господин младший лейтенант, — начал радист. — Нужно удержать высоту еще один день и одну ночь!..

Мирча и все, кто были в укрытии, застыли в изумлении, не желая верить своим ушам.

— Разверните карту, господин младший лейтенант, — слабым голосом сказал Оанча.

Мирча торопливо достал карту. Радист собрался с силами, приподнялся на локте и затуманенным взглядом посмотрел на карту.

— В следующую ночь наш мотомеханизированный отряд переправится здесь, — он показал дрожащим пальцем по карте, — в Оарбе де Муреш... Переправятся танки и пехота. В шесть утра они атакуют с фланга и тыла гитлеровцев со стороны высоты 463 и этого лесочка... Мы должны удерживать высоту до тех пор... до шести часов утра... любой ценой!.. Так приказал командир полка господин полковник.

Не договорив, Оанча рухнул на плащ-палатку и захрипел. Солдаты сняли шапки и замерли, не спуская глаз с радиста. Мирча ощупал френч Оанчи. Там оказалось несколько писем из полка. В подкладке френча Мирча обнаружил необычный, зашитый наглухо клапан. Младший лейтенант разорвал шов и извлек из клапана пропитанную кровью, пробитую пулей книжечку. Он поднес ее к свету, развернул и несколько раз перелистал. На обложке четко выделялись серп и молот.

— Он был коммунистом! — проговорил с уважением один из солдат...

Приказ, что передал нам Оанча, развеял наши надежды на помощь. Мы одни должны были сдерживать гитлеровцев еще в течение целого дня и ночи. И как бы я ни прикидывал, все равно не мог поверить, что мы способны

это сделать — даже ценой своей жизни. Как никогда, нам стал ясен смысл слова «самопожертвование». Но с другой стороны, если мы не выдержим до шести утра следующего дня, то к чему были все наши жертвы и мучения?

И только Мирча Павелеску, как мне тогда казалось, наивно полагал, что наша группа справится с гитлеровцами. Мы разделили патроны и гранаты, доставленные Оанчей. Мирча поставил задачу каждому взводу. Пулеметчикам Мирча дал строгое указание — стрелять только по приказу, так как необходимо экономить патроны. Потом мы раздали хлеб: по одной буханке на шесть человек: каждому досталось по небольшому кусочку. Раненым сделали свежие перевязки и перенесли по другую сторону гребня. Легкораненые, способные держать в руках винтовку, остались на своем посту, готовые сражаться до последнего.

Мирча Павелеску оттянул один из взводов немного назад к нашему укрытию и к нашим траншеям на гребне. Эту меру я считал бесполезной.

— Не имеет никакого смысла, — возразил я Мирче, — ведь все равно нас окружают.

— Неизвестно, — ответил он.

И действительно, я ошибся: этот маневр оказался очень мудрым, своевременным.

Командовать этим взводом Мирча назначил меня. Перед нами стояла задача — контратаковать в случае, если гитлеровцы вклинятся в нашу оборону на гребне. Мы с Мирчей по-разному смотрели на предстоящий бой. Я считал, что это сражение — акт отчаяния, акт нашего высшего самопожертвования, когда мы, окруженные врагами, должны драться до последнего. Мне казалось, что самое главное в этой бешеной схватке — уничтожить как можно больше гитлеровцев.

— А что будет с высотой? — спросил меня Мирча. — Ведь нам нужно удержать высоту еще один день и одну ночь. Так что главное — не погибнуть, а сдержать врага! Кроме того, я думаю, что наша основная задача — даже не удержание высоты. Смысл нашего присутствия здесь, по-моему, в том, чтобы приковать к нам внимание и силы гитлеровцев, пока мотомеханизированный корпус перейдет в наступление и прорвет фронт выше по течению реки...

Мирча был абсолютно прав: так на самом деле и полу-

чилось. Но я никак не мог себе представить, как мы сумеем продержаться еще в течение суток.

— Вот как, — стал объяснять мне Мирча. — Гитлеровцы, безусловно, хотят нас окружить и уничтожить. Мы же не должны попадаться в ловушку... Примем бой. Затем контратакуем... В случае необходимости отойдем на новые позиции. Снова встретим их, снова контратакуем и снова отойдем. И так, если сумеем, до шести утра!

«Какой он ребенок, — подумал я. — Он представляет себе этот бой, как игру в кошки-мышки. Причем мы должны играть роль мышки». Я сделал вид, что Мирча убедил меня.

Охваченные тяжелыми думами, мы сидели в окопе на гребне высоты. Хлестал косой дождь. Вода не впитывалась в глинистую почву, а стекала в траншеи и окопы, образуя клейкую грязь, которая прилипала к ботинкам, одежде, оружию и, затвердевая, становилась как камень. Была еще глубокая, темная ночь. По нашим предположениям, гитлеровцы должны атаковать нас на рассвете, причем теперь уже более крупными силами. Но мы также надеялись, что размокший скользкий грунт на склоне не даст им возможности подтянуть танки. Вскоре забрезжил рассвет и можно было уже различить силуэты наших солдат, рассыпавшихся по траншеям. Тишина, которую только подчеркивал шум дождя, казалась бездонной. Нам надоело всматриваться в расположение гитлеровцев, и, нагнувшись в окопе, чтобы не быть обнаруженными, мы с Мирчей закурили. Он не очень-то был приучен к табаку, то и дело захлебывался дымом и начинал глухо кашлять, закрывая рот ладонями.

— Я только об отце беспокоюсь, — после долгого молчания сказал Мирча.

Мне хотелось как-то развеять его мысли, но это прозвучало бы фальшиво — зачем обманывать друг друга... В душе я поклялся сделать все от меня зависящее, чтобы уберечь Мирчу. Об этом мы как-то договорились и с Тырлэ Петре и теперь старались быть всегда рядом с Мирчей....

Наконец наступил синеватый и мутный рассвет. Занималась мглистая заря. Солдаты, укрывшись плащ-палатками, ничем не выдавали себя, и гребень высоты, перепачканный взрывами, казался пустынной, ничейной землей. Мы напряженно всматривались в долину. Я раздобыл

бинокль и с беспокойством направил его в сторону гитлеровцев. Долина светлела, постепенно выступая из дымчатой пелены, сотканной из темноты и тумана. Траншеи гитлеровцев казались такими же пустынными, но, присмотревшись получше, я увидел перед ними бугорки свежевырытой земли, лишь слегка смоченной дождем. Значит, немцы рыли окопы ночью и теперь притаились в них.

«Сейчас как раз время для атаки, — думал я, ожидая, что гитлеровцы вот-вот выйдут из окопов. — Или, может, сначала начнут обстрел!» И я все прислушивался, ожидая, что с секунды на секунду в воздухе просвистит первый снаряд... Но немцы не начали атаку ни в первый, ни во второй, ни в третий час утра...

— Знаешь, они, наверно, засекли передвижение наших войск и теперь не обращают на нас никакого внимания... — испуганно проговорил Мирча.

Но вот над нашими головами прошуршало несколько мин. Они разорвались по ту сторону Муреша. Затем гитлеровцы ударили по переправе, в то место, где ночью пересек реку радист и откуда до сих пор доносились пулеметные и автоматные очереди. Ближе к обеду обстрел безжалостно обрушился на высоту.

— Наконец начали, — облегченно вздохнул Мирча.

Снаряды падали беспорядочно, сплошным потоком. Высота стонала и вздрагивала, будто началось извержение вулкана. Траншея, в которой мы сидели, так и подскакивала вверх, словно хотела выбросить нас наружу, в огонь и дым. Примерно через полчаса, которые показались нам целой вечностью, на склоне появились серые развернутые цепи. Гитлеровцы шли слегка пригнувшись, скользя по липкой желтой глине. Некоторые из них падали и тут же вскакивали, торопясь догнать ушедших вперед. Сзади, от лесочка, поднимались все новые и новые силы. Вот они уже закрыли собою весь склон...

Я, как мог, подбадривал себя, но чувствовал, как по спине пробегают мурашки. На лбу выступил холодный пот. Я инстинктивно ощупал гранаты и диски, засунутые за пояс, и опять вцепился в бинокль. «Это конец!» — мелькнуло в голове. И в это время я услышал четкий и решительный шепот Мирчи:

— Огонь откроем только с пятидесяти шагов... Будем бить в кучу и остановим их...

Он побежал по окопу к передним линиям. Я поспешил за ним, так как был полон решимости ни на минуту не отходить от него в этом бою. Мы остановились рядом с Тырлэ Петре, который с мрачным видом поджидал гитлеровцев, крепко прижав к плечу пулемет.

— Никому не стрелять! — крикнул Мирча вдоль окопа.

Солдаты из уст в уста стали передавать эту команду:

— Никому не стрелять... Никому не стрелять... Никому не стрелять!

Я снова приложил к глазам бинокль. Гитлеровцы в семь-восемь рядов беспрепятственно поднимались по склону, прижимаясь к земле, как огромные гусеницы. В линзах бинокля их головы в темно-серых квадратных касках были совсем рядом. Мне опять стало не по себе. Обеспокоенный, я посмотрел на Мирчу Павелеску. Он стоял, прижавшись грудью к брустверу окопа, и, слегка сощурившись, смотрел на приближающихся гитлеровцев. С лица его исчезло прежнее детское выражение наивности и неведения. На лбу залегла глубокая складка, что придавало лицу суровый вид.

— Гранаты! — приказал Мирча.

Один из связных протянул ему несколько гранат. Младший лейтенант медленно, не отводя глаз от гитлеровцев, положил их на краю окопа. Обстрел стал еще яростнее. Немцы подошли совсем близко и готовились к штурму. Бинокль уже был не нужен. Глаза Мирчи застыли в напряжении, и только рука, безотчетно гладившая гранаты, слегка дрожала. Я крепко пожал эту руку.

— Надо их остановить, — прошептал Мирча и опять крикнул по окопу:

— Никому не стрелять!

Снова приказ побежал по окопу, повторяясь, как клятва:

— Никому не стрелять... Никому не стрелять!..

Уже можно было отчетливо различить приподнятые над землей лица гитлеровцев, затененные короткими и прямыми козырьками касок. Среди них редко и беспорядочно падали снаряды, выпускаемые нашей артиллерией из-за Муреша. Наши артиллеристы, конечно, знали расположение наших позиций по схеме, доставленной Оапчей, и, видя разрывы снарядов на высоте, они догадались, что гитлеровцы атакуют нас, но без каких-либо дополнительных сведений от нас они не могли вести огонь иначе.

Гитлеровцы находились на линии окопов, которые накануне были в наших руках. Обстрел высоты стал менее интенсивным и снова переместился на Муреш, прибрежные рощи и отмели. Наши позиции, перепаханные сверху донизу снарядами, окутанные постепенно расползающимся облаком дыма, продолжали молчать. Вверх до самого гребня высоты видны были только обвалившиеся или наполовину засыпанные окопы и траншеи или воронки от снарядов. Вокруг опять стало тихо, и лишь изредка, будто из-под земли, доносились слабые стоны раненых. «Господи, — думал я, — сколько нас еще осталось?»

Когда до них оставалось шагов семьдесят — восемьдесят, гитлеровцы из первой цепи остановились и залегли, видимо испугавшись той тишины, которой встречала их высота. Первую цепь фашистов нагнала вторая и третья, и они все смешались, повалившись в вязкую глину. Увидев, что наши, такие желанные для них, позиции продолжают сохранять молчание, некоторые из гитлеровцев встали и, пригнувшись, с опаской двинулись вперед. За ними поднялись и другие. И вскоре вся эта серая масса в черных квадратных касках, с автоматами и ручными пулеметами на бедре, с гранатами с длинными ручками за поясом опять, но уже смелее тронулась вверх...

Я посмотрел на Мирчу Павелеску, Тырлэ Петре и на других солдат, которые были рядом, и мне вдруг стало страшно, что мы не сможем вырваться из охватившего нас оцепенения... Гитлеровцы уже были в каких-нибудь шестидесяти шагах от нас. Они шли размеренным шагом, как на параде. Сердце мое колотилось с такой силой, что удары его отдавались в стену окопа. В висках стучало, и казалось, они вот-вот лопнут от напора крови, в ушах звенела непереносимая тишина.

Мирча придвинулся ко мне. Рука, в которой он держал гранату, уже не дрожала, но голос прозвучал тихо:

— Может, все же остановим их, Драгомир...

Никто теперь точно не знал, сколько нас еще смогло подняться из окопов и траншей и открыть огонь по врагу. И сколько пулеметов и автоматов еще осталось после ураганного обстрела. Я положил автомат на бруствер и тоже взял в руку гранату. «Только бы никто не выстрелил раньше времени!.. Еще секунду, еще одну!» — стучало в висках. А эти секунды были невероятно напряженными, мучительно длинными.

Мирча Павелеску выдернул чеку и приказал по окопу:
— Подготовить гранаты!

Гитлеровцы, видимо уверовав, что мы и в самом деле превратились в прах в результате их обстрела, с диким воем, как зверь на добычу, бросились вперед. Они уже не боялись: безжизненность наших траншей придавала им смелости, притягивала. Перед собой они видели только свежеперерытую снарядами и залитую дождем землю и не знали, что там, в окопах и траншеях, мы, с перехваченным дыханием, поджидали их, вцепившись пальцами в предохранители гранат... И в этот момент Мирча рявкнул изо всех сил:

— Бросай!

Подгоняемые отчаянием и непамятством, мы поднялись все разом, словно привидения, с того вздыбленного снарядами клочка земли. Гранаты прошуршали в воздухе и упали прямо в цель. Густые серые цепи фашистов бросились на землю, прямо в грязь. Переждав, пока кончился грохот взрывов, мы снова поднялись и снова бросили гранаты. Рядом с нами застрочил пулемет Тырлэ Петре, за ним ударили и другие. Мы открыли ожесточенный огонь. Немцы вновь и вновь поднимались в атаку, но каждый раз были вынуждены зарываться носом в землю. Некоторые из них открыли ответный огонь. Другие же шаг за шагом поползли вперед, но мы их тут же пригвоздили к земле автоматными очередями. Вдруг пулемет Тырлэ Петре замолчал. Гитлеровцы сразу же устремились туда. Я бросился вдоль окопа. Тырлэ Петре был ранен. Лицо его было залито кровью. Я встал за пулемет. Немцы попытались еще раз подняться в атаку, но мы опять остановили их гранатами и сплошной стеной огня...

Тырлэ Петре собрался с силами и оттолкнул меня от пулемета.

— Приготовь мне ленты, Драгомир! — попросил он.

Его пулемет застрочил с еще большим ожесточением. Тырлэ Петре велел мне идти к Мирче. Мы снова забросали гитлеровцев гранатами, и они наконец отползли назад. На расстоянии шагов восьмидесяти от нас фашисты начали окапываться. Так мы остановили их бешеный натиск по крайней мере на несколько часов.

Мы думали, что теперь у нас будет передышка, чтобы собрать раненых и убитых и установить, сколько нас еще осталось в живых. Но передышки мы не получили:

на высоту Сынджеорджиу вдруг обрушились три «юнкерса».

Они прилетели слева, со стороны Лудуша, или, быть может, из Клужа и на бреющем полете с металлическим воем прошли над высотой. Развернувшись, «юнкерсы» с оглушительным ревом устремились вниз и сбросили бомбы, поднявшие огромные фонтаны земли, всколыхнувшие всю высоту. От завывания падающих бомб стыла в жилах кровь, волосы становились дыбом... Когда я увидел снижающиеся черные точки, мне показалось, что все бомбы летят прямо на меня... Одной бомбой засыпало солдат в траншее. Другая угодила прямо в укрытие на гребне, разбросав его в щепки. В траншею, где лежали наши раненые, упали три бомбы, так что из раненых в живых осталось человек десять. После этого, сделав широкий разворот над позициями немцев, «юнкерсы» вернулись и обстреляли нас из пулеметов. Самолеты не давали нам высунуться из окопов и траншей, но и в этом аду мы продолжали вести наблюдение за гитлеровцами, чтобы они не застали нас врасплох.

Самолеты улетали и возвращались вновь. И так несколько раз — до самых сумерек... За это время немцы подтянули подкрепления. На высоте опять установилась тишина. Мне казалось, что гитлеровцы больше не будут атаковать, так как они могли с большим успехом сделать это, когда над нами висели «юнкерсы». «Может, они оставят нас в покое, — лыстил я себя надеждой. — Может, они не будут атаковать ночью... А завтра утром по ним ударят наши с фланга и мы будем спасены!»

Но увы, все было не так. С наступлением сумерек немцы снова пошли на штурм, а их артиллерия начала обстреливать переправу, реку и противоположный берег. Гитлеровцы, видимо, боялись оставлять нас на высоте еще на одну ночь, так как были уверены, что наши вновь попытаются переправиться через Муреш, чтобы превратить удерживаемый нами плацдарм в мощную исходную базу для нового наступления. Как я понял, именно на этой уверенности основывалось наше командование, когда поставило перед нами задачу удерживать высоту до следующего утра. Это дало бы возможность нашим частям форсировать реку несколько выше по течению, в Оарбе де Муреш.

Теперь гитлеровцы знали, что высота не пустыня, и

передвигались вперед с опаской, ползком. Весь склон кишел их шевелящимися тенями... У нас еще было несколько мгновений передышки, и, сняв каску, я поставил разгоряченный лоб свежему ветру, тянущему от реки. Я опять покрылся весь противным холодным потом, и меня охватило чувство горькой беспомощности.

Я подошел к Мирче. Мы молча смотрели в сторону гитлеровцев, которые все приближались и скапливались для атаки.

— Что будем делать, братцы? — мрачно спросил нас Тырлэ Петре. Голова его была перебинтована, сквозь повязку просачивалась кровь.

— Что делать? — неопределенно пожал плечами Мирча. — Попытаемся еще раз остановить их. — И, повернувшись ко мне, скорее попросил, чем приказал: — Драгомир, контратакуй сразу, как только увидишь, что они пропикли в нашу оборону!

Я тут же подвел свой взвод на расстояние пятидесяти шагов от наших передовых окопов. Отсюда мне хорошо было видно все, что происходит на наших позициях, и за несколько минут мы могли прийти на помощь в любом месте. Перед уходом мы обменялись с Тырлэ Петре взглядами, я дал ему понять, чтобы он не оставлял Мирчу одного.

Гитлеровцы все приближались. Наши позиции пока молчали. Но на этот раз нельзя было подпускать фашистов на такое же близкое расстояние, как утром: в темноте мы могли оказаться окруженными... Первым, подавая сигнал, ударил пулемет Тырлэ Петре. Тут же заговорили и остальные наши пулеметы и автоматы, чтобы рассеять гитлеровцев издалека. Движение на склоне вроде бы стихло, и темнота засверкала вспышками выстрелов. Наши в передних окопах стреляли непрерывно, жадно и яростно, но немцы подавляли их своим огнем. Я ожидал на краю окопа, готовый в любую секунду поднять в контратаку небольшую группку людей, которая была теперь моим взводом... Послышались взрывы первых гранат, брошенных нашими. Но гитлеровцев будто и не убавлялось. «Много их, — подумал я, — не справиться нам...»

В воздух влетели разноцветные ракеты, осветив весь склон. Тени гитлеровцев подбирались к самому гребню высоты.

— Гранаты! — донесся до меня голос Мирчи.

— Больше нет, господин младший лейтенант, — ответил ему кто-то.

— Огоны! — рявкнул тогда Мирча. — Огоны!.. Огоны!..

Пулеметы загрохотали с еще большим ожесточением, темноту во всех направлениях пересекали нити трассирующих пуль. Гитлеровцы бросились на землю и, выждав, пока утихнет наш огонь, снова пошли в атаку. В этот момент Мирча с автоматом в руке поднялся во весь рост и что было мочи закричал:

— Примкнуть штыки!.. Ура-а-а-а!

За его одинокой телью, как призраки, выскочили из окопов и траншей все солдаты. Наших было так мало, что у меня от жалости и досады сжалось сердце. Они яростно стреляли на ходу и с криками «ура» бежали за Мирчей. Навстречу им поднялась стена гитлеровцев. Завязалась ожесточенная рукопашная схватка, в которой я ничего уже не мог различить. Я подал команду своим также примкнуть штыки... Меня охватило жгучее нетерпение, но надо было подождать еще несколько мгновений... Тут я вспомнил, что в нашем взводе есть горнист.

— Оставь винтовку, — сказал я ему, — и сыграй сигнал атаки! Пейча, — упрашивал я, как ребенок, — сыграй так, как никогда не играл... Другой атаки для нас уже не будет!

Наши все до одного исчезли в образовавшейся мешанине, словно в аду... Я вышел из окопа, взяв за руку Пейчу-горниста.

— Играй, — приказал я... — Потом, повернувшись к своему взводу, я поднял автомат и крикнул: — В атаку, братья!.. Впе-ре-е-ед!

Над высотой ясно и призывно раздался звук горна. Солдаты вскочили с земли и, поблескивая штыками, стреляя и крича на ходу, бросились вперед. Теперь я был твердо уверен, что нам суждено погибнуть на этом клочке земли, обильно политом кровью. Как безумные, мы с ходу врзались в гущу гитлеровцев...

Расстреляв последний магазин, я схватил автомат за ствол и стал размахивать им направо и налево, сплевывая кровь, перемешавшуюся с землей. Оди́н раз, потом еще один рядом со мной ярко вспыхнуло пламя. Раздался взрыв. На третий раз от взрыва гранаты, брошенной откуда-то снизу, темнота передо мной ярко вспыхнула. Я перевернулся на месте и упал на бок, на землю...

Очнувшись, я не сразу понял, где нахожусь. Надо мной было звездное небо, обрамленное по краям темными, густыми тучами. Стояла необычная тишина. Дул влажный ветер. Становилось все холоднее. Я припоминал все, как было: и бешеную атаку гитлеровцев... и нашу штыковую контратаку... и Мирчу... и горниста. Полный отчаяния, высокий и нежный призыв трубы до сих пор звучал у меня в ушах... Все, конечно, погибли. И Мирча, и горнист, и Тырлэ Петре, все... все погибли... Но... что стало с высотой? А где немцы?.. Постепенно приходя в себя, я начал осознавать окружающее. Вокруг меня слышались приглушенные, прерывистые стоны. Раздавались жалобные крики раненых.

— Санитары!.. Санитары!

— Mein Gott... Mein Gott!

— Братцы, не бросайте меня!..

— Мама, ох, мама родная!..

И румыны, и немцы валялись вперемешку там, где упали во время последней отчаянной и беспорядочной схватки. «На гребне еще никого нет, — радостно подумал я. — Гитлеровцы так и не смогли занять высоту! Исход боя остался нерешенным, и теперь мы валяемся на ничейной земле, между нашими и вражескими позициями...»

Потом я подумал, что хоть кто-то из наших должен остаться в живых, и решил добираться на ту сторону гребня. Я приподнялся на одном боку, но тут же рухнул обратно на землю, пронзенный острой болью: правую ногу от колена и ниже нестерпимо жгло. Я нащупал спекшуюся кровь, перемешанную с грязью, и вновь потерял сознание.

Очнулся я от невыносимой жажды. Стиснув зубы, невзирая на боль в ноге, я стал переползать на локтях от одного трупа к другому, ощупывая вещевые мешки и поясные ремни. Наконец я нашел фляжку с водой. Ее хозяин, румынский солдат, лежал лицом вниз, широко раскинув руки, словно обнимая землю. Вода, правда, была не свежая, но холодная, и я почувствовал, как ко мне возвращаются силы...

Но не успел я напиться, как рядом со мной поднялась голова гитлеровца в железной каске. Услышав, как булькает вода, немец выстрелил. Фляга выскользнула у меня из рук и покатилась по земле. Я хотел было наброситься на фашиста, но силы оставили меня. Гитлеровец схватил

флягу и с дикой алчностью поднес к губам. Но и он не успел напиться. Другой немец выстрелил ему в руку и в свою очередь набросился на флягу. Однако вода вылилась, и гитлеровец, обезумев от досады, рухнул на землю...

Снова стало тихо, и я снова вспомнил о своих... Может, не все погибли, может, уцелевшие отошли по ту сторону гребня, в укрытие. Может, и Мирча Павелеску остался жив, и теперь они где-то на новых позициях... А если он попал в руки немцев?! «Нет, — возражал я самому себе, вспомнив, как Мирча поднялся в атаку, — только чудо могло его спасти...» На глазах у меня выступили слезы, сердце сжалось от мучительного отчаяния.

«Как бы то ни было, я должен добраться туда, — решил я. — Может, все же наткнусь на наших... По крайней мере, узнаю, что случилось с ними». И я пополз на локтях к гребню высоты, туда, где горизонт был более светлым. Сама же высота казалась сложенной из плотной темноты, которая прыгала у меня перед глазами. Оттуда двинулись мы в контратаку... Туда я должен был добраться... Нога у меня горела, на лбу выступил холодный пот. Но вскоре боль немного утихла. У меня было такое чувство, будто я тащу за собой обрубок бревна...

Чем больше я приближался к вершине, тем тише и пустынее становилась ночь. «Может, все же кто-то остался из наших!» — теплился огонек надежды, и это придавало мне силы. Я долго полз на животе и локтях и наконец перевалил через гребень высоты. Через пятнадцать — двадцать шагов я остановился, совсем выбившись из сил, и перевернулся на спину. В голове все шло кругом, и я чувствовал, что вот-вот потеряю сознание.

— Стой! — вдруг услышал я.

— Где вы, братцы? — закричал я из последних сил.

— Давай сюда, — позвал меня кто-то.

Я глубоко втянул в себя воздух и пополз дальше. Через несколько секунд меня подхватили чьи-то руки и втащили в воронку. Здесь было еще несколько человек.

— Двадцать шесть, — услышал я. — У него только нога разбита!

«Наши! — От этой мысли у меня перехватило дыхание. — Нас осталось двадцать шесть человек!» Мне хотелось кричать от радости, но силы оставили меня... и я отдался во власть людей, которые подняли меня и положили

на дно воронки. Но я отчетливо воспринимал все, что происходило вокруг: слышал, как кто-то размотал мне обмотку на правой ноге, разорвал до колена штанину и перевязал мою ногу.

— Даже если кость раздроблена, все равно выживет, — произнес чей-то голос.

— Где мы, братцы? — прошептал я одними губами.

Один из тех, кто был в воронке, признал меня и закричал обрадованный, будто прибыл кто-то из его домашних:

— Э, так это же сержант Глигэ!

Мне рассказали, что мы находимся в воронке на месте бывшего укрытия гитлеровцев, которое накануне было разрушено их авиацией, и что действительно из всего нашего батальона осталось только двадцать шесть человек...

— А никто не знает, что с младшим лейтенантом Мирчей Павелеску? — спросил я.

— Никто, — ответили мне.

— А о Тырлэ Петре, стрелке?

— И о нем тоже... Теперь вы за старшего! Вы теперь отвечаете за нас!

«И за высоту», — мысленно добавил я.

Боль в ноге несколько утихла. Я почувствовал себя бодрее. Больше всего меня радовало то, что мы не потеряли высоту и что наш второй батальон еще живет, хотя нас всего двадцать шесть человек. «Ага, проклятые! — с ненавистью думал я о гитлеровцах. — По крайней мере еще разок мы схватимся с вами!» Я был так зол на них, что, казалось, растерзал бы их зубами.

У нас еще было три тяжелых пулемета, немного патронов, несколько автоматов, остальное — винтовки. Я разделил людей на три группы: одна осталась со мной в воронке, а две другие расположились слева и справа от нее...

Между тем до нас добрался еще один раненый. У него была раздроблена только левая рука, правой он вполне мог стрелять. Его перевязали и дали автомат, и я указал ему место на краю воронки между нами. Мы все затихли, устремив взгляды в сторону чернеющей на фоне неба вершины. Было уже за полночь. Над нами виднелся кусочек ясного неба. Его еще не затянуло подступающими со всех сторон тучами. Ничто не нарушало тишины. Ка-

залось, мы очутились на каком-то необитаемом острове. Но эта тишина и пустота только настораживала нас, и мы напряженно всматривались в сторону вершины и прислушивались к ночи. Вдруг я заметил тень. Кто-то полз в нашу сторону. Раненый стонал, останавливался, ощупывал землю руками, потом полз дальше на локтях, опять останавливался.

— Сюда!.. Сюда! — закричали мы.

— Помогите, братцы! — прохрипел раненый с отчаянием в голосе.

Двое солдат побежали к нему. У раненого был забинтован лоб, но его, видно, и второй раз ранило в голову, кровь заливала ему лицо. Поэтому он и полз на ощупь. Кроме этого, у него было тяжелое ранение в живот. К защитникам высоты его уже нельзя было причислить. Один из солдат начал вытирать ему лицо и глаза, а потом хотел перевязать ему живот, но раненый оттолкнул его рукой и спросил:

— Эй, кто знает... о сержанте Глигэ?

У меня перехватило дыхание: это же был Тырлэ Петре.

— Я здесь, Петре! — вздрогнул я, потом дополз до него и лег рядом, приподнявшись на локте.

Тырлэ Петре пошарил одной рукой, так как второй он вцепился в живот, и крепко ухватился за мою руку. Затем еле слышно прошептал всего несколько слов:

— Драгомир... Мирча живой... Там... Вместе с убитыми!

Я не мог вымолвить ни слова. Вцепившиеся в мою руку пальцы начали слабеть. Тырлэ Петре умер. Мне хотелось кричать, выть, проклипать эту ночь, которая все не кончалась... Мирча... Он лежит среди убитых и раненых на склоне высоты. Его нужно во что бы то ни стало спасти... «Я пойду один, — решил я. — Если нас будет много, заметят немцы».

Я попросил двоих солдат помочь мне добраться до вершины. Они остались на гребне ждать моего возвращения. Я взял в одну руку немецкий автомат, в зубах зажал гранату, чтобы в любое мгновение можно было вырвать предохранитель, и пополз к тому месту, где накануне кипел бой. Моя плотно забинтованная нога онемела, и я ее почти не чувствовал. Чтобы рассчитать свои силы, я несколько раз останавливался, и тогда до меня отчетливо доносились стоны... Иногда налетал и начинал шелестеть

в кустарнике ветер. Мне чудилось, что это гитлеровцы поднимаются в атаку, и я замирал с вытянутым пистолетом в руке и крепче впивался зубами в предохранитель гранаты.

Вскоре я добрался до валявшихся как попало убитых и раненых.

Потом я лежал немного лицом вверх, чтобы успокоиться и собраться с силами. Ночь была по-прежнему тихой, при свете звезд далеко по склону были видны, словно небольшие холмики земли, разбросанные тела убитых и раненых. Тишину нарушали только слабые стоны и шорох ветра в кустарнике. Иногда ночь прорезали трассирующие пули. Вот взвилась одинокая ракета. Ее мигающий свет выхватил из темноты наши бывшие позиции, и меня объял ужас: земля была вкривь и вкось перепахана снарядами, окопы и траншеи обрушены и забиты трупами. Я узнал траншею с растущим перед нею кустарником, из которой бросились в последнюю атаку Мирча и Петре... «Он должен быть где-то здесь!» — решил я. Когда погасла ракета, я пополз к этой траншее, а оттуда на локтях спустился вниз по склону, стараясь угадать путь Мирчи. Продвигаясь мимо наших солдат, павших от первых очередей гитлеровцев, я наткнулся на разбитый пулемет. Вокруг него валялось несколько десятков гитлеровцев, скошенных метким огнем. Возможно, это был пулемет Тырлэ Петре.

Меня пронзила мысль, что Мирча, может быть, умер от ран. Я стал переворачивать каждый труп вверх лицом, ощупывая, нет ли на плечах погонов младшего лейтенанта. Переползая от одного убитого к другому, я почувствовал, что силы меня оставляют. Темнота сгущалась. Временами я почти терял сознание. Казалось, что я проваливаюсь в огромную яму, где не было слышно ни стонов раненых, ни шума ветра... И только надежда найти еще живого Мирчу придавала мне силы.

Вдруг совсем рядом прозвучал пистолетный выстрел. Раненый гитлеровец, приподнявшись на одно колено, выслеживал наших раненых и, как только кто-нибудь шевелился, стрелял в них из пистолета... «Собака, — разъярился я, — даже раненых не щадит!»

Гитлеровец заметил и меня. Пуля тонко просвистела рядом с моим ухом. В ответ я бросил гранату. Варыв до меня будто из-под земли. Горячее пламя обо-

жгло глаза. После яркой вспышки ночь показалась еще чернее. «Если я задержусь, у меня не хватит сил... И я даже один не смогу вернуться!» От этой мысли у меня похолодело внутри, и я принялся снова искать Мирчу. И тут я заметил раненого, который упорно пытался ползти вверх по склону. «Он!» — мелькнула у меня радостная догадка, и я покатился туда с боку на бок, так как ползти уже не было сил.

И действительно, это был Мирча Павелеску. Я лихорадочно дрожащими от волнения руками стал ощупывать его. Левая часть тела у него почти вся была раздроблена и обожжена. Липкая грязь смешалась с кровью...

— Мирча, — повторял я словно в бреду. — Мирча, браток!

Мирча, видно, не в силах был говорить. Однако он почувствовал, что это я, и мягко упал на мои руки. Он стонал, как ребенок. Не знаю, откуда у меня взялись силы, но я сделал отчаянное усилие над собой, взвалил Мирчу на спину и, опираясь на здоровое колено и локти, пополз назад, к гребню... Все мои помыслы были сосредоточены на гребне высоты, до которой я должен был добраться и которая маячила у меня перед глазами, приближаясь.

Наконец мы добрались до воронки. Я сразу же перебинтовал Мирчу, связав вместе все бинты, которые у нас оставались, и потом обмотал его, как мумию, полосами, выкроенными из плащ-палатки, а сверху накинул на него френч, всунув в рукав только одну правую руку и застегнув его на одну пуговицу. Левая рука и плечо, грудь с левой стороны и бедро у Мирчи были раздроблены и обожжены взрывом гранаты. Все его тело было словно сплошная рана и покрыто грязью и запекшейся кровью. Мирча потерял много крови, и трудно было поверить, что он выживет. Постелив на дно воронки несколько плащ-палаток, я уложил Мирчу так, чтобы пули и осколки не задели его. Мирча забылся тяжелым, свинцовым сном. Только едва уловимое дыхание говорило, что он еще жив. Я смачивал ему губы водой и влажной рукой проводил по его пылающему лбу. Несмотря на его тяжелое состояние, меня не покидала надежда, что, если он дожидется наших, может быть, удастся его спасти. Мне хотелось бы взвалить его на плечи, спуститься к Мурешу и перебраться через реку к нашим... Но это было нереально. Во-первых, я сам был ранен. И кроме того, я не имел права

оставлять на произвол судьбы эту группу солдат, так как теперь был единственным оставшимся в живых сержантом батальона.

Приближалось утро. Воздух постепенно становился синевато-серым. В долине рассветало медленнее. Дождь словно прижимал к земле остатки темноты. Мирча очнулся. Немного собравшись с силами, он слабым голосом спросил:

— Драгомир... Который час, Драгомир?

Я пожал его здоровую руку и ответил:

— Ни у кого нет часов... но скоро рассвет!

Он пошевелил левой рукой, вспомнив, видимо, про свои часы. Мирча не знал, что взрывом гранаты их сорвало вместе с кожей руки. Я тихонько шепнул ему:

— У тебя тоже нет... Ты их потерял там...

Он вздрогнул и открыл глаза. Из воронки было видно низкое белесое небо, затянутое пеленой дождя.

— Еще немного — и наши начнут атаку, — протянул Мирча. Только бы фашисты не начали раньше. — Помолчав, он добавил: — Остановим...

— Очень мало нас, Мирча! — тихо ответил я.

— Сколько есть, — торопливо и будто рассердившись перебил он меня. — Прежде чем занять высоту, они должны пройти через нас!

Думаю, что только эта мысль и поддерживала его силы. Услышав в тишине стопы раненых, Мирча показал рукой в сторону обратного ската высоты:

— Перенесите раненых туда.

Я подал знак, и несколько солдат начали вытаскивать лежавших без сознания раненых из воронки. Их всех перенесли в другую воронку, на месте бывшего немецкого дота. Вдвоем с одним солдатом мы нагнулись над Мирчей, чтобы и его отнести к тяжелораненым, но он запротестовал:

— Нет... Я останусь здесь... с вами!

«Теперь уж все равно», — сказал я самому себе и оставил Мирчу на плащ-палатках в воронке. В долине наступал рассвет. Позади, на реке и в прибрежных зарослях, все было тихо. Только где-то правее, выше по течению, неумолчно гремели орудия, безостановочно строчили пулеметы... «Наши, — радостно подумал я, — переходят Муреш!» С того места, где я находился, был виден частично и склон в сторону немцев, по которому хлестал косой

дождь, и долина, ведущая к дубовому лесочку. Поле боя между нами и гитлеровцами было все усеяно трупами и казалось вымершим.

— Драгомир, — услышал я голос из воронки.

Мирча лежал с закрытыми глазами. Пергаментное лицо его освещалось слабым утренним светом.

— Посмотри в сторону леса, — попросил он.

Сквозь завесу дождя лес выделялся темным пятном затвердевшего дыма.

— Ничего не видно? — спросил Мирча через некоторое время. «Наверное, чувствует конец, — перепугался я, — и хочет знать, не подходят ли наши».

— Нет, — ответил я. — Но наши должны вот-вот показаться... Может, лет еще шести...

Мирча глухо вздохнул и замолчал, будто у него перехватило дыхание. Я спустился к нему, испугавшись, что он умирает. Снова смочил ему губы и положил свою прохладную и влажную ладонь ему на лоб. Его снова охватил жар, он впал в тяжелый сон, который мог перейти в бесконечный... «Отходит, — с замиранием сердца подумал я. — Отходит, так и не дождавшись наших!» Через несколько мгновений первый залп рассек воздух, разорвав тишину, царившую на высоте. Снаряды упали почти по одной линии, и гребень высоты содрогнулся. Затем ударили и пулеметы.

Мирча попытался приподняться на локте.

— Драгомир... Смотри!

Я быстро подполз к краю воронки.

— Что там такое? — спросил он сердито, видя, что я молчу.

— Немцы, — пришлось признаться мне.

По склону снова поднимались гитлеровцы. Поливаемые дождем, они шли опять такими же плотными серыми рядами и, по-видимому, намеревались широким охватом с флангов окружить высоту 495. Теперь мы уже не могли позволить им приблизиться к нам, так как нас было слишком мало и они раздавили бы нас при первой же атаке... Я крепко ухватился за пулемет и, не останавливаясь, выпустил первую ленту. Открыли огонь наши и из других окопов, и немцы залегли...

— Драгомир, — услышал я опять голос Мирчи из воронки, — помоги мне, Драгомир!

Мирча сполз с плащ-палаток и, стиснув зубы, пытался подняться по обрывистому краю воронки. Я нагнулся, ухватил его за здоровую руку и потянул вверх, ко мне. Рядом со мной лежал автомат на случай, если кончатся пулеметные ленты. Мирча взял автомат, но сил у него не было. Он выпустил очередь вверх и беспомощно соскользнул назад, на дно воронки. Я опять нагнулся и вытащил его наверх. Он лег в небольшую ямку. Я приставил к его плечу автомат, а пальцы его правой руки положил на спусковой крючок. Теперь он был доволен. Он даже попытался улыбнуться.

— Может, не зазря погибнем... Драгомир...

Мы старались быть хладнокровными. Нами овладела отчаянная решимость. Конечно, гитлеровцев нам уже не остановить, но мы должны хотя бы задержать их на какое-то время и прицельным огнем как можно больше уничтожить. Но теперь и фашисты не шли напролом. Они были уверены в своей силе и не торопились: вели редкий, но точный огонь. Пулеметная очередь сразила солдата рядом со мной. В ту же секунду упал еще один солдат возле Мирчи. Был убит один из раненых. Я забрал их оружие и снова лег за пулемет. Стрелял я расчетливо, но яростно, вкладывая в каждую пулеметную очередь всю свою жгучую ненависть к фашистам. Мирча старался из последних сил. На лбу его, покрытом холодным потом, залегла глубокая складка. Когда пулеметный диск кончился, Мирча опустил голову на приклад автомата и закрыл глаза...

Я крепче вцепился в пулемет и выпустил еще одну ленту. Рядом со мной строчили и другие пулеметы. Все, кто еще мог держать в руках винтовку или автомат, — все вступили в бой. Бой становился все ожесточеннее, но мы сохраняли спокойствие, так как знали, что спасения для нас нет. Думаю, что именно это помогло нам не растеряться при виде густых цепей гитлеровцев. Мы стреляли безостановочно, пока гитлеровцы не залегли.

Наступила напряженная тишина, и от этого, видно, Мирча очнулся:

— Может, уже шесть, Драгомир?

— Может быть... Откуда нам знать...

Я положил оставшиеся диски так, чтобы они находились под рукой. Нужно было стрелять очень расчетливо, чтобы хватило патронов до тех пор, пока гитлеровцы

подойдут совсем близко. Ни одна пуля не должна пропасть даром.

— Драгомир, — почти беззвучно прошептал Мирча, — посмотри еще раз...

— Ничего, Мирча, не видно.

— Тогда смени мне диск, — попросил он.

Воспользовавшись минутой передышки, мы пристрелялись по наступающим гитлеровцам, и, когда те снова поднялись с земли, наши пулеметы ударили им прямо в лицо и заставили вновь залечь... Это разъярило фашистов, и, поднявшись во весь рост, они бросились вперед сплошными рядами. Огонь их стал еще яростнее, и пули свистели совсем низко над землей и шлепались в размоченную дождем глину... Короткая очередь прошла воздух между мной и Мирчей, вторая ударила прямо по нему, или это только мне показалось. Но Мирча как-то весь переломился на краю воронки...

Я насмерть впился в пулемет и выпустил еще одну ленту. Волны немцев снова залегли, будто сбитые порывом ветра страшной силы. Но вот они опять поднялись.

— Патронов! — заорал кто-то из наших.

Но это был глас вопиющего в пустыне: патроны у нас кончились. И теперь мы только видели тяжелые, кованые сапоги с короткими и широкими голенищами. Я схватил за ствол валившийся рядом автомат и вышел на край окопа навстречу гитлеровцам... Размахивая автоматом, я старался попасть по железным каскам. Но долго не мог опираться на раненую ногу. Рухнув на землю, я почувствовал, как меня ударили носком сапога по затылку... Перед глазами поплыл густой туман, в который я погружался все глубже и глубже...

Не знаю, сколько времени я провалялся, но очнулся от сильной боли. Фашисты как очумелые бежали по склону назад. Внизу, в долине, дубовая роща гудела, словно налетел ураган. В атаку бесконечными рядами шли наши! Впереди с ревом летели, раскачиваясь и стреляя на ходу из пушек, зеленовато-желтые танки с трехцветной эмблемой на броне. Наступал наш мотомеханизированный отряд. За ним, рассыпавшись по всей долине, бежали солдаты, окружая гитлеровцев. Протяжные, грозные крики «ура» волнами прокатывались внизу. От радости у меня закружилась голова, и я вновь потерял сознание.

Когда я пришел в себя, вершина высоты была в на-

ших руках. Гитлеровцы все еще сопротивлялись, пытались вырваться из железного кольца. Но спасения им не было: и сзади и с боков их настигал вал огня...

Я подвинулся, хромая и покачиваясь, как пьяный. Забинтованная нога горела сверху донизу. Перед глазами еще мелькали сотни кованых фашистских сапог, и я будто слышал их топот по склону, но это был уже мираж. Протерев глаза, я увидел, что ко мне бегут наши уцелевшие солдаты. Их было не больше десятка. Обезумев от радости, они кричали, отчаянно размахивали автоматами и винтовками, приветствуя наших, поднимающихся по склону...

Вокруг меня сгрудились раненые. У кого была перебинтована голова, у кого грудь, у кого рука. Кровь просочилась через повязки и засохла темными пятнами. Более крепкие поддерживали своих товарищей. Один капрал, весь перебинтованный, вышел из окопа. Капрал стонал от боли и еще держался на ногах, но на плече тащил раненого друга.

Я вспомнил о Мирче и, хромая, вернулся к воронке. На краю ее поперек автомата лежал Мирча и стонал. Автоматная очередь еще раз прошила его забинтованную руку. С тяжелым предчувствием я повернул его лицом вверх. Лицо его осунулось, высохло, глаза были закрыты. Он чуть дышал. Сломленный болью и горем, я опустился на землю рядом с ним...

«О господи, что они с тобой сделали!» — прошептал я, и глаза мои наполнились слезами. Как в тумане, я увидел, что к нам идет командир полка в окружении нескольких офицеров. Они приближались быстрым шагом, глядя в нашу сторону.

— Мирча, — пробормотал я, — господин полковник идет!

— Подними меня, — простонал Мирча.

Я подставил плечо под его руку и хотел поднять его, но Мирча не мог держаться на ногах и стал медленно сползать на землю. Из-под его растянутого френча было видно левое плечо, левая рука, грудь и живот, стянутые пропитавшимися кровью бинтами. Один из солдат приподнял каску, съехавшую ему на лицо, и поправил ремешок под подбородком, как во время доклада. Уцелевшие солдаты, перепачканные грязью и кровью, собрались позади нас. У меня не было сил сделать хотя бы

еще один шаг. И, придерживая Мирчу, я застыл на гребне высоты.

Полковник, сопровождаемый офицерами из командования полка и группой солдат, которая все пополнялась рядами тех, кто поднимался по склону, увидев нас, подготовившихся встретить его, ускорил шаг. Затем он прошел мимо лежавших как попало на земле убитых и раненых румын и немцев и остановился в шаге от нас... Мирча попытался принять положение «смирно» и поднял правую дрожащую руку к козырьку стальной каски. Полковник был потрясен. В глазах его мелькнула теплая искорка. Он также встал по стойке «смирно» и предложил руку к фуражке. Замерли офицеры и солдаты.

— Господин полковник, — слабым голосом начал Мирча. — Имею честь доложить. — Он замолчал на мгновение, и все подумали, что он замолчал навсегда, но Мирча собрал последние силы и договорил: — Задача батальона выполнена!

Полковник с повлажневшими глазами крепко обнял Мирчу. У всех на глаза навернулись слезы. Это было замечательно и в то же время очень грустно...

Я первым пришел в себя. Мы уложили Мирчу на плащ-палатку, которую взяли несколько солдат. По пути к Мурешу Мирча тихо и незаметно скончался. Его голубые, детские глаза смотрели в небо, откуда шел мелкий дождь. Казалось, природа оплакивала нашего Мирчу и всех тех, кто погиб, защищая этот клочок земли...

В СЕРДЦЕ ГОРОДА

Записки военного корреспондента

Как очумелый, я вскочил с постели. Голова была словно подушка, набитая пухом. Сквозь окна пробивались яркие лучи солнца. Прерывисто постукивали ставни, раскачиваемые ветром. За моей спиной трещал телефон — он-то и разбудил меня. Я не сразу понял, где нахожусь. Заплетающимся шагом пошел к окну, чтобы открыть ставни, и споткнулся о какую-то одежду. Да ведь это же моя военная форма и я не где-нибудь, а у себя дома!

Серое небо затягивали тучи. Улица была пустынной. Только несколько прохожих защищались от пронизывающего ветра. Возле стен и тротуаров лежал смерзшийся снег, похожий на глыбы грязной, синеватой соли. В комнате, конечно, было немного теплее, чем на улице, и я весь продрог до мозга костей. Возле двери стоял мой вещевой мешок, затянутый пряжками. Телефон надрывался. «Ведь я и в самом деле дома!» — хотелось кричать мне от радости...

Подняв трубку телефона, я сразу же узнал хрипловатый голос моего друга Констандиной из «Союза патриотов».

— Который час? — спросил я.

Время приближалось к обеду. Таким образом, я проспал почти двенадцать часов.

— Значит, — сказал Констандиной довольным тоном, — ты в Бухаресте... Ты в Бухаресте, а никто об этом не знает.

— Прибыл только вчера вечером. Как раз зажигали огни, когда наш почтовый самолет садился в Пипере...

— Откуда? — спросил он.

— Из Венгрии, из-под Мишкольца. Вернее, я там садился в самолет, а вообще возвращаюсь с гор Бюкк и из-под Шальготурьяна. Наши войска позавчера, в первый день рождества, освободили Шальготурьян.

— Интересно было, конечно...

— Очень... Наши храбро сражались, особенно в горах Бюкк. Есть и новости. Стала давать о себе знать помощь венгерских рабочих и шахтеров.

— И когда мы прочитаем обо всем этом? — поинтересовался Констандиной.

— Может, под Новый год.

— Значит, на Новый год остаешься здесь?

— Хм, я же сказал, что только вчера прибыл, — рассердился я. Но чтобы он не почувствовал моего раздражения, продолжал другим тоном: — Если хочешь, встретим Новый год вместе. По этому случаю я прихватил пару бутылок: одну токай и одну эгерского...

— Токайское мое, — быстро решил он.

— Хорошо, но эгерского я тебе не дам... Это такое черное, мягкое и густое вино... Не зря его называют «бычьей кровью»...

— А палинки не прихватил?

— Прихватил, но это для редакции, хотя ты можешь выбирать!

— Так уж и быть: токайское, — рассмеялся Констандиной в трубку, потом задумчиво добавил: — Значит, ты только что приехал...

— Да, а что?

— Завтра утром в Будапешт отправляется наша колонна из двадцати грузовиков с подарками и продуктами

для солдат... Под Новый год должны быть там... Я подумал, может, ты хочешь тоже поехать? — спросил он.

— Э, так я только что прибыл, — со злостью в голосе воскликнул я. — Даже в редакцию не зашел... А потом должен же я написать обо всем, что видел в горах Бюкк.

— Что ты кричишь? — упрекнул он меня. — Я только спросил... Чтoб потом не говорил, что тебе не сказали... — И продолжал: — Если тебя интересует, колонна отправляется завтра утром затемно, в пять часов... Я буду здесь до вечера, до восьми. Понял?

— Понял, — пробормотал я.

Я долго стоял с трубкой в руке. Промозглый ветер свистел в окнах, и от его порывов дребезжали стекла. В конце улицы со скрежетом развернулся в сторону города трамвай. По мостовой проехала повозка. Мерно покакали копыта. Потом на какую-то минуту установилась тишина. И вдруг с порывами ветра до меня донеслись выкрики запоздавшего продавца газет: «Румынские войска у ворот Будапешта!.. Румынские войска у ворот Будапешта!»

Я положил трубку на рычаг, взял с телефонного столика сигареты и спички и сел на край кровати, задумавшись. После долгого сна сигарета казалась особенно приятной, и я с удовольствием вдыхал ее аромат. Мне вспомнился фронт под Будапештом.

Три недели назад, в начале декабря, советские и румынские войска подошли к трем поясам обороны венгерской столицы, к так называемой линии Атиллы, которую немцы считали неприступной. Направляясь с юго-запада, наши войска форсировали Тиссу и, резко повернув на запад, нацелились, как стрела, на город.

Тогда, в начале декабря, наши части еще вели бoп на холмистом и лесистом массиве в районе Гёдёллэ, важном узле внешней обороны Будапешта. Однако, овладев этими укрепленными ключевыми позициями, румынские войска уткнулись, как в стену, в полукольцевую линию обороны города. Три пояса обороны, эшелонированные на глубину тридцати километров, своими флангами упирались в Дунай, а изгибом выступали далеко на восток, до позиций советских и румынских войск, осадивших Будапешт. В зоне этих линий обороны все населенные пункты, леса, водные преграды и каналы, дороги и шоссе, железнодорожные линии — все было приготовлено к длитель-

ному и упорному сопротивлению. Местность изрезали укрепленные оборонительные позиции, траншеи и ходы сообщения, фортификационные сооружения, блиндажи, проволочные заграждения и замаскированные минные поля. Все эти позиции были заняты пехотными и моторизованными дивизиями, отрядами вооруженных гражданских, танками и артиллерией, минометами, пулеметами и всякого рода оружием — то есть всем тем, что могли послать на фронт гитлеровское командование и такой крупный город, как Будапешт.

Предстояло преодолеть, разрушить, смести с лица земли эти три линии обороны... Наши войска позволили себе несколько дней передышки; нужно было собраться с силами, пополнить поредевшие ряды. Командование разрабатывало план крупного наступления...

В один из этих лихорадочных дней я находился в Данае, на самом переднем командном пункте 7-го армейского корпуса. Мне довелось быть свидетелем визита Маршала Советского Союза Родиона Малиновского, командующего тогда 2-м Украинским фронтом, и генерала Шумилова, командующего 7-й гвардейской армией под Будапештом.

Маршал Малиновский и генерал Шумилов прибыли в желто-зеленой военной машине. Малиновский был высокого роста, крепкого сложения, широкоплечий. На золотых погонах сверкала маршальская звезда. Шинель, застегнутая на два ряда блестящих пуговиц, мягкими складками спадала ниже колен. Обут он был в черные сапоги из мягкой тонкой кожи. На голове — фуражка простой формы с низкой тульей и небольшим, круглым и узким козырьком. Черные как смоль живые и пронизательные глаза, согретые едва улавливающейся мягкостью, смотревшие из-под густых черных бровей, выдавали сильный характер и твердую волю.

Генерал Шумилов был еще выше ростом и шире в плечах. Казалось, под его шагами прогибается земля.

Навстречу им быстрым шагом вышел наш генерал, командующий армейским корпусом. Он тоже был высокого роста, но более худощавый. В его быстром взгляде можно было прочесть решительность, уверенность в себе и чувство собственного достоинства. На нем была низкая шапка, отделанная серым каракулем, узкая шинель цвета хаки, тоже подбитая мехом, и желтые сапоги, заты-

нутые на лодыжках шнурками. Большой и широкий воротник шинели также был из серого каракуля. На плечах нашего командующего поблескивали генеральские нашивки. Докладывая, он будто врос в землю. В его быстром взгляде можно было прочесть сознание большой ответственности за предстоящее сражение...

Часовые, щелкнув каблуками, замерли у входа в штаб. Пожав руку нашему генералу, Малиновский размеренным шагом поднялся по ступенькам. У входа маршал Малиновский и генерал Шумилов пожали руку румынским офицерам из штаба корпуса и в сопровождении нашего генерала вошли в большую приемную штаба. Дружески поприветствовав собравшихся офицеров, они остановились возле карты, занимавшей всю стену. Наш генерал подал знак офицеру-переводчику подойти ближе и стал объяснять русским тактический замысел будущих военных действий румынских войск в сражении за Будапешт.

— Мы считаем необходимым планировать развертывание этого сражения, — уверенно говорил румынский генерал, — в двух различных фазах, обусловленных характером обороны противника и поставленной перед нами задачей... Первая фаза — прорыв трех поясов обороны... Вторая — проникновение в город и развертывание стремительного наступления в направлении центра города, к Дунаю...

Слегка нахмурившись, маршал слушал объяснения генерала внимательно и сосредоточенно, не отрывая прищуренных глаз от карты. Затем лицо его просветлело, будто он услышал именно то, что хотел. Глаза его приобрели прежний блеск. Он только один раз прервал генерала, поинтересовавшись дополнительными мерами против вражеских танков и состоянием саперных частей. Затем, обратившись к генералу Шумилову, Малиновский спросил, какие меры приняты для обеспечения связи корпуса с двумя советскими армейскими корпусами, в промежутке между которыми он действовал.

Наш генерал рассказал о глубине обороны противника и наличии у него большого количества танков и сделал вывод, что в боях по прорыву трех поясов обороны противника следует применить не позиционную, а маневренную борьбу. Выслушав замечания румынского командующего, Малиновский сказал:

— Хорошо! Правильно!

Он также одобрил намерение румынского командования прорвать вражеские линии обороны, сконцентрировав силы на главном направлении, на участке фронта протяженностью всего лишь три километра.

Дискуссия возникла лишь по поводу ведения боев в центре города. После некоторых дебатов пришли к единому мнению: не следует допускать распыления сил в многочисленных и мелких атаках за каждый дом, за каждую стену; действовать надо мощными отрядами, чтобы глубоким и широким маневром обойти и опрокинуть позиции противника, захватив целые кварталы города...

Было намечено вести наступление в направлении квартала Матиашфёльд — аэропорт — ипподром — казармы Франца Иосифа — Восточный вокзал...

Маршал Малиновский отметил, что предлагаемый тактический замысел атаки крупного города успешно применялся Советской Армией. Он крепко пожал руку нашему генералу и сказал, что сражение за Будапешт можно начинать. Затем, обращаясь ко всем присутствующим, маршал громко произнес:

— Спасибо!.. Я с большим уважением отношусь к румынскому командованию, преклоняюсь перед героизмом и храбростью румынских солдат!.. Я убежден, что и на этот раз успех не изменит вам... Желаю победы, товарищи!

Утром следующего дня артиллерия всего фронта возвестила о начале великого сражения за Будапешт...

«И вот теперь, — подумал я, — наши войска прорвали три пояса обороны и находятся на окраине города!» Незаметно для себя я стал торопливо надевать свою военную форму. Вместе с бутылками в вещевой мешок запихнул и две пары чистого белья. Опустил на окна ставни, взял планшетку и мешок и, накинув шинель, вышел на улицу, на холодный, пронизывающий ветер.

В редакции никого не было: все ушли на обед. Только начальник нашего отдела сидел в своем кабинете и красным карандашом терпеливо правил какую-то корреспонденцию. Шеф не заметил моего прихода. Тогда я щелкнул по-военному каблуками.

— А, хорошо, что ты приехал! — воскликнул он, сверкнув стеклами своих очков.

— Только для того, чтобы поздороваться с вами, потому что я опять уезжаю!

— Ты еще дверь не успел закрыть!.. Сначала гони материал!.. То есть ма-те-риа-лы!

Я пошарил в вещевом мешке, извлек бутылку палинки и с торжественным видом поставил ее на стол. Глаза шефа, увеличенные стеклами очков, заблестели, на скулах заиграл румянец. Он молча взял бутылку, приставил горлышком к носу и, прищурившись, протяжно понюхал. «Готово! Сделка заключена», — обрадовался я. Однако шеф засунул бутылку в ящик письменного стола, повернул ключ и повторил еще более строгим тоном:

— Ма-те-риа-лы!

— У меня есть материал, но нет материалов... Я только сегодня ночью прибыл и уезжаю снова...

— Поедешь позже, — сказал он.

— Хорошо, — согласился я, скорее для того, чтобы приготовить удар. — Ночью на фронт, под Будапешт, выезжает колонна Союза патриотов с подарками к Новому году... Вас это не интересует?

Шеф пристально и недоверчиво посмотрел на меня. Соблазн был велик... «Я его купил!» — подумал я.

— Очень даже интересует, — ответил он... — Но ты не уедешь, пока не оставишь два материала: один о том, что ты видел в горах Бюкк, и второй — под Новый год...

— Я их пришлю оттуда, с фронта, — попытался было увильнуть я.

Шеф решительно поднялся со стула, вытолкал меня в соседнюю комнату и повернул за мной ключ.

— Дайте хоть несколько листов бумаги, — закричал я.

Ничего не поделаешь! Пришлось повесить на вешалку планшетку и шинель и достать блокнот со своими записями. Через два часа я просунул под дверь первый материал и постучал, надеясь, что мне откроют.

— Сиди спокойно, — сказал мне шеф, забирая бумаги. — Я говорил с Констандином... Подождут, без тебя не уедут!

Я снова сел за стол, но вторая корреспонденция не клеилась: мысли разбегались в разные стороны. На улице уже темнело. Я целый день в Бухаресте и еще не позволил той, о которой часто думал на фронте. Мать тоже ждала меня. Мы хотели вместе встретить Новый год, и теперь нужно было ей написать. Да и Констандиной не мог же ждать меня до полуночи.

Я встал из-за стола и снова постучал в дверь. К моему удивлению, шеф сразу же мне открыл. Он вопросительно смотрел на меня.

— Не идет, — пробормотал я... — Пришлю с фронта самолетом...

Одевшись, я прошел в другую комнату. Мои коллеги шумно встретили меня, а потом вдруг замерли, выстроившись в один ряд, как солдаты: как-никак ведь из всех я один был офицером запаса. На письменном столе стояла откупоренная бутылка палинки и пять-шесть стаканов. В установившейся тишине шеф разлил палинку. Потом мы все подняли стаканы и весело чокнулись. Пригубив палинки, я пожал всем руки и направился к выходу.

Я почти побежал по улицам... «Бедная мама, — упрекал я себя. — Всегда у меня не хватает времени для тебя!» Забежав на почту, я успел написать лишь несколько строк, сообщив матери о своем отъезде. Потом wygrеб из карманов все деньги и послал их телеграфом, чтобы мать получила до Нового года.

С почты я пошел вверх по Каля Виктории. Встречный ветер бил прямо в лицо. Бухарест теперь освещался лучше, чем во времена маскировок, хотя лампы висели только на углах улиц. Но и при таком слабом освещении были видны следы прошедшей по городу войны. Напротив «Военного клуба», там, где зияли развалины здания «Румынской книги», темнота казалась особенно мрачной. За телефонной станцией она надолго свила себе гнездо в развалинах Национального театра. На улице почти не было прохожих. Только изредка куда-то спешили пары. Рядом с баром «Континенталь» остановилась повозка с крытым верхом. Из нее вышел сначала мужчина в шляпе и пальто с высоким воротником, потом женщина, прятавшая лицо в воротник шубы. На какое-то мгновение через дверь бара на улицу прорвались пронзительные звуки музыки и волны пара и дыма...

В Союзе патриотов я застал одного Константиноя. Положив голову на стол, он ждал меня. Двадцать третьего августа его освободили из лагеря. Волосы, еще больше поредевшие от лагерной жизни, теперь даже не закрывали его макушки. Лицо с синеватыми мешками под глазами при слабом свете казалось особенно худым и усталым. Однако зеленоватые глаза горели прежним, живым пламенем.

Констандилой поднялся из-за стола, со сдержанной, заговорщической улыбкой пожал мне руку. Он был явно доволен, что я клюнул на его удочку. Затем, выдвинув ящик письменного стола, он извлек оттуда мое командировочное предписание, но не отдал его мне, а прижал к груди:

— Сначала бутылку...

Одной рукой я протянул ему бутылку, другой схватил бумагу и не мог удержаться от смеха. Рассмотрев на свет янтарное густое вино, он чмокнул губами и завернул бутылку в газету.

— Первую рюмку я выпью за твое здоровье в ночь под Новый год! — заверил он меня.

Теперь мне оставалось только отыскать мою знакомую. Несмотря на поздний час, она еще не вернулась из госпиталя, и я позвонил туда. Пришлось долго ждать. Наконец я услышал ее взволнованный, певучий голос.

— Как хорошо! — воскликнула она. — Этой ночью я дежурю, а завтра весь день свободна.

— Но завтра утром я уезжаю обратно...

— Это невозможно! — прошептала она упавшим голосом.

— Так нужно, — сказал я и, немного подумав, добавил: — Сейчас еду к тебе.

В госпиталь возле моста Котрочени я приехал за полночь. Огромный, слабо освещенный зал был битком набит ранеными, которым не хватило места в палатах. Здесь они ожидали сортировки. Те, у кого было легкое ранение, сидели у стен или на ступеньках лестницы. Тяжелораненые лежали прямо на каменном полу, тесно прижавшись друг к другу. Свою знакомую я нашел у лестницы, возле раненого, который не переставая хрипел. Много я видел крови на фронте, но ни разу не приходилось мне видеть сразу столько раненых. И я никак не мог представить свою возлюбленную среди этого моря стонов и крови. Взволнованный, я наблюдал за ней. Она помогала сестре делать раненому укол в руку и, когда процедура была закончена, отошла к следующему. Переходя от одного раненого к другому, она то поправляла одеяло, то своей белой, как мрамор, рукой определяла жар. У каждого она внимательно осматривала раны. В эти минуты у меня не хватило мужества подойти к ней ближе. Во все глаза я смотрел на нее как зачарованный.

Наконец наши взгляды встретились. Глаза ее вспыхнули от счастья. Взявшись за руки, мы поднялись наверх, в комнату дежурных сестер. Здесь стояли белый столик, больничная койка, заправленная казенным одеялом и несколько стульев. Она помогла мне снять шинель, усадила на стул, одной рукой сняла фуражку, а другую запустила в мои волосы. Ее поцелуй обожгли мне глаза. Я смотрел на нее, не отрываясь, и в исступлении целовал ее колени. Она вырвалась из моих объятий и ласково сказала, что ей осталось дежурить около двух часов, а потом она зайдет за мной. От нее я узнал, что раненные, доставленные в госпиталь в тот вечер, были из-под Будапешта...

— А я как раз еду туда, — сказал я.

— И когда вернешься? — спросила она, помрачнев.

«Я еще не уехал, а она уж думает о возвращении», — промелькнуло у меня в голове.

— Как можно быстрее, — пообещал я.

— И потом опять уедешь?

— Думаю, больше не нужно будет никуда уезжать... Война не может протянуться долго!

Она задумалась и глубоко вздохнула:

— Мне нужно идти вниз...

Она вышла, а я долго смотрел на дверь, за которой она скрылась. Вернулась она только под утро, часа в четыре, когда я уже собирался уходить. Она устало опустилась на кровать, обхватив лицо руками. Конечно, она была изнурена не столько физически, сколько морально. Каждый день все ужасы и боль войны безжалостно и грубо врываются в госпиталь вместе с изуродованными телами солдат. Я стал на колени возле нее. Ее рука замерла на моей щеке, и я почувствовал, что моя любимая вот-вот расплачется. Нам оставалось быть вместе считанные мгновения. Она прижалась ко мне, положив голову на мою грубошерстную шинель. Я поцеловал ее мягкие пепельные волосы, глаза, полные слез, влажные горячие губы.

— Давай, пообещаем друг другу не сдаваться, — сказал я.

Она согласилась, потрянув головой, и разрыдалась.

Нужно было расставаться. Быстро достав бутылку красного эгерского вина, которую намеревался выпить вместе с ней под Новый год, я наполнил две белые эма-

лированные кружки. Свою я выпил до дна, она из своей сделала только один глоток. Уходил я с чувством потерянности и безграничной грусти.

— Видишь, я не плачу! — крикнула она с порога, но голос ее дрожал.

Ни одно из наших расставаний не тревожило мою душу так сильно. Мысленно я был уже на фронте, но сердце оставалось здесь...

Выехали мы затемно на двадцати грузовиках. На головном грузовике, в кабине которого я ехал, висел плакат «Все для фронта, все для победы!». На ночь мы остановились в Араде возле моста у Муреша. Утром пересекли границу и в полдень были в Сегеде. Отсюда лежал прямой путь на Будапешт.

Погода стояла пасмурная, дороги были разбиты, грязь едва прихватило морозцем. Впереди нас застряла колонна орудий и повозок, и нам пришлось остановиться.

Мне никак нельзя было задерживаться, и я пошел вдоль колонны. На перекрестке мне удалось сесть в попутную легковую машину. В ней ехал румынский майор из штаба корпуса, который подтвердил, что наши войска действительно находятся на окраине Будапешта и готовы к штурму. Он также сообщил мне, что как раз сегодня намечено послать через линию фронта парламентариев к немцам. Стремясь предотвратить разрушение крупного города и спасти тысячи человеческих жизней, командование 2-го Украинского фронта решило предложить окруженным немецко-хортистским войскам сдаться... «Может случиться, что как раз под Новый год мы вступим в Будапешт!» — загорелся я... Мне захотелось обязательно присутствовать при таком событии, и я попросил майора захватить меня с собой в Будапешт.

Под вечер, когда до фронта оставалось всего двадцать пять километров, мы попали под обстрел гитлеровской авиации. Нашу машину разбило, а майора ранило. Снова пришлось идти пешком, и только на следующий день с колонной советских самоходных орудий я добрался до командного пункта корпуса.

Румынские дивизии располагались теперь на линии Цинкота — Ракошлитет — Ракошчаба на окраине Будапешта. Меня удивило, что на командном пункте почти никого не было. Оказалось, генерал, начальник штаба и большинство офицеров разъехались по дивизиям и полкам.

— Наверное, что-нибудь случилось, — сказал мне унтер-офицер, печатавший что-то на машинке. — В полчаса все исчезли...

— А парламентары?... Чего добились парламентары? — спросил я нетерпеливо.

— Неизвестно... Сегодня ждем ответа немцев...

Далеко, в стороне города, гремели орудия. Надвигались свинцовые тучи, предвещая снег. Низко над землей, вспугнутая канонадой, со зловещим карканьем пролетела стая ворон. Оголенные ветки верб раскачивались под порывами ветра. В помещении было холодно; печки остыли, а старшина еще не принес дров. Письменные столы были сдвинуты на середину комнаты. У одной из стен стояла железная кровать, на которой отдыхали по очереди офицеры штаба. Усталость взяла свое, и я, забыв о еде, растянулся на кровати, подложив под голову кипу газет, что привез с собой из Бухареста. «Война... война... война... Разрушение и смерти! — проносилось у меня в мозгу. — Неужели немцы не понимают, что бессмысленно приносить в жертву такой город, как Будапешт?»

Затем мысли перенесли меня домой, к моей пареченой, с которой я надеялся провести ночь под Новый год и тогда же обвенчаться, что я все время откладывал до «после войны», к матери, которая была в вечном и мучительном ожидании. Вспомнил я и о неясной беспокойной обстановке в стране, где реакции удалось вытащить на свет божий генерала Радеску, о положении рабочих и крестьян, которые вступили в борьбу за власть и землю... Так с грустными мыслями в голове я и заснул.

Проснулся я уже за полночь. Склонившись над картами, разложенными на сдвинутых столах, офицеры штаба молча работали. Я спросил, здесь ли начальник штаба. Мы познакомились с ним в начале декабря в Данае, и теперь при его содействии я рассчитывал попасть на передовую. Один из офицеров кивком головы показал на дверь, что вела в комнату командира корпуса. Меня охватило беспокойство. Но вот дверь из комнаты генерала распахнулась и на пороге появился начальник штаба, молодой, высокий полковник с усталыми глазами и тронутыми сединой висками. Он сразу узнал меня и протянул мне руку. Полковник был чем-то расстроен.

— Что с парламентарями? — спросил я. — Вернулись?

— Нет, — скрипнул он зубами. — Немцы их застрелили!

От неожиданности я онемел.

Полковник протянул мне бумаги, с которыми он вышел от генерала. Я подошел к лампе и стал лихорадочно читать, передавая по листку другим офицерам. Это был приказ командующего корпусом:

«Храбрые солдаты 7-го армейского корпуса!

Уже более четырех месяцев вы ведете тяжелые, беспрерывные бои... До сегодняшнего дня, жертвуя вашими жизнями, вы полностью выполнили свой долг. От Баната через Тиссу вы вышли к воротам Будапешта... Вы сражались решительно и одерживали победы...

Вся страна признательна вам...

Еще один решительный и смелый шаг вперед — и победа будет за нами!»

Когда я прочитал приказ, полковник протянул мне и остальные бумаги, написанные рукой генерала, четким, разборчивым почерком. Это был специальный приказ, который прилагался к основному. Его нужно было довести до сведения солдат уже в эту ночь.

«Возможно, — говорилось в этом приказе, — что противник будет упорно драться за каждую улицу, за каждый дом. Возможно также, что его сопротивление быстро ослабнет и он сдастся.

И в первом и во втором случае наши войска должны преследовать одну-единственную цель — сражаться с вооруженными силами противника, добиваясь их быстрого и окончательного разгрома, делая все необходимое для достижения этой цели и не допуская никаких действий, идущих вразрез с этой целью.

Гражданское население, не принимающее участия в боях, должно быть взято под защиту, и ему должны быть обеспечены жизнь, спокойствие и сохранность имущества...

Разрушение, уничтожение или перемещение имущества из одного здания в другое строго запрещено как для военных, так и для гражданских лиц.

Памятники, произведения искусства, культурные учреждения и места общественного пользования должны тщательно оберегаться. Никакое покушение на их целостность не может быть оправдано.

Установки всякого рода (водопровод, освещение, телефон, трамвай и т. д.), обеспечивающие жизнь города, должны быть сохранены в неприкосновенности.

В заключение требую от войск 7-го армейского корпуса упорно сражаться во имя победы и в то же время вести себя лояльно, с достоинством и гуманно, чтобы ничем не приуменьшить величия победы!»

Я задумался. Начальник штаба курил, пристально изучая карты, разложенные на столе и исчерченные всевозможными красными стрелками. Офицеры молча читали приказы, передавая их из рук в руки. Снаружи было слышно, как прибывают на мотоциклах связные из дивизий и полков. Старшина между тем разложил на кровати пакеты, приготовленные для отправки приказа. Я вложил в каждый пакет по нескольку десятков свежих газет. Потом повернулся к полковнику и попросил отправить меня с одним из связных на передовую.

— Поедешь с нами, — ответил начальник штаба. — Сейчас мы выезжаем туда.

Я с радостью принял приглашение, так как таким образом я быстрее смог бы добраться до места, но в душе решил, что там постараюсь отстать от них и останусь среди солдат.

Из кабинета вышел генерал. Полковник представил ему меня.

— Ах, пресса, — сказал генерал с явным неудовольствием, но все же протянул мне руку и, улыбнувшись, добавил: — О том, что здесь, в Будапеште, было и еще будет, можно написать очень много!

На другую ночь я остановился на одной из наших позиций в районе аэропорта. Здесь сражались третий и девятый полки 9-й кавалерийской дивизии. Дивизия обходила аэропорт с юга, а части 19-й пехотной дивизии, продвигавшейся вдоль полотна железной дороги на Цинкоту, — с севера. Таким образом наши захватили аэропорт в первый же день и перерезали всякую связь гитлеровцев с осажденным городом.

— Мы наскочили на аэропорт как вихрь, — хвастался сопровождавший меня связной. — Немцы даже не предполагали такой атаки...

Петляя между руинами домов, связной проводил меня к будапештской окружной дороге. Здесь гитлеровцы и хортисты остановили продвижение наших войск. Я искал

взвод младшего лейтенанта Райку. Меня интересовал сержант Иордаке, о котором я много наслышался. Говорили, что у него есть *идеи*. Так, однажды ночью Иордаке со своим отделением пробрался по канализационным ходам на территорию аэропорта и на рассвете, когда наши перешли в атаку, неожиданно открыл огонь с тыла.

Я шел, слегка пригнувшись. Вверху, на насыпи, несколько солдат возились у пулеметов, другие спешно копали окопы и укрытия. Наши не стреляли. Со стороны гитлеровцев и хортистов изредка раздавались пулеметные очереди, пули с визгом вбивались в насыпь. Иногда из темноты зданий справа бухали орудия, и снаряды с грохотом разрывались где-то поблизости.

— Это стреляют с фабрики Вандер, — пояснил мне младший лейтенант. — Плохо, что мы не подтянули ближе противотанковые орудия: они все равно не могут вести огонь с насыпи. И потом эти орудия должны в первую очередь оборонять аэропорт. Ведь гитлеровцы могут сбросить там десант.

Младший лейтенант позвонил на батарею, расположенную позади нас, и вскоре по фабрике Вандер было сделано несколько артиллерийских залпов, от которых задрожала земля. Но вот пулеметы и орудия немцев замолчали. Со всех сторон нас окружило безмолвие ночи. Казалось, мы были всеми забыты между полем аэропорта и каменными громадами города. Было тихо и слева, за вокзалом Ракоци, где советские войска весь день вели бой в районе заводов. Солдаты кончили копать, их тени исчезли в окопах на насыпи. Младшего лейтенанта свалил сон. Опершись о стенку окопа, он дремал, опустив голову на грудь. Мне тоже хотелось спать, но мороз покрепчал, и я никак не мог согреться. Кроме того, установившаяся тишина казалась мне обманчивой. Мои нервы были напряжены до предела.

Я дополз до солдат, дежуривших у пулеметов на насыпи. Перед нами, по ту сторону железной дороги, находился пустырь с редкими деревьями и высохшим кустарником. Земля кругом была разворочена снарядами и бомбами. С насыпи темнота не казалась такой плотной, а тишина такой глубокой.

Я хотел узнать у сержанта, как они пробрались ночью под Новый год в тыл расположения противника.

— Кто здесь Иордаке? — спросил я.

— Тсс! — повернулась ко мне тень.

В темном небе я услышал приближающийся рокот моторов. Наверняка это были гитлеровские самолеты, так как они шли со стороны Дуная и Буды. Шум моторов усилился и повис у нас над головами...

«Сейчас они будут бомбить», — со страхом подумал я...

Самолеты продолжали кружить над нами, как будто бы даже снижаясь. Рокот моторов становился все ближе, но видно ничего не было. «Может, они еще не знают, что аэропорт в наших руках, и хотят приземлиться», — пришло мне на ум. Но тут я вспомнил слова младшего лейтенанта о том, что немцы могут сбросить на аэропорт воздушный десант, и уставился в темное небо... В этот момент позади нас, на поле аэропорта, раздалось несколько взрывов. Послышался грохот обрушивающихся стен, глухой шум разлетающихся кирпичей. Ночь наполнилась пылью и дымом.

— С аэропортом покончено! — услышал я тонкий, певучий голос, который, по-видимому, принадлежал сержанту Йордаке. — Аэропорт был заминирован, потому что свиста бомб не было слышно... Если бы немцы хотели вернуться, они не стали бы взрывать аэропорт!

Самолеты удалились в сторону поля, но через несколько минут вернулись. Теперь они шли еще ниже над землей. «Насыпь железной дороги, на которой расположены наши позиции, — хорошая цель для них», — снова подумал я. Самолеты с приглушенными моторами прошли над нами и приземлились по ту сторону пустыря. И снова заговорили немецкие пулеметы и орудия, будто предупреждая, что гитлеровцы еще не ушли.

Я вернулся в укрытие возле насыпи. Младший лейтенант Райку уже проспался.

— Приземлились на ипподроме, — пояснил он мне. Потом взял телефонную трубку и доложил, что у немцев теперь есть другой аэродром.

Наши орудия и минометы стали обстреливать ипподром. Снова послышался звук моторов: немецкие самолеты поднялись и скрылись в темноте в сторону города. И так всю ночь над нами гудели самолеты. И хотя наши не прескращали обстрела, на ипподроме слышался рокот моторов. Наверняка немцы подвозили боеприпасы и продукты, бензин для танков, доставляли подкрепления и эвакуировали раненых. Значит, ипподром стал одним из

важных пунктов вражеской обороны в Будапеште. В ту же ночь наши части получили приказ атаковать на рассвете ипподром.

Я остался во взводе младшего лейтенанта Райку. Шум немецких самолетов, взлетающих и приземляющихся на ипподроме, утих только к утру. Наша артиллерия тоже прекратила огонь. Смолкли немецкие пулеметы в районе фабрики Вандер. Солдаты, изнуренные бессонницей и продрогшие на морозе, забились по двое — по трое в окопы, стараясь согреться и урвать хоть несколько минут тревожного сна. Но вот прибыли артельники и стали раздавать кофе. На насыпи вновь замелькали тени солдат.

К Райку подошел сержант Иордаке. Он был небольшого роста, плотный, быстрый в движениях. Лицо у него было маленькое, овальное.

— Господин младший лейтенант, у меня есть *идея*, — начал он со скрытой хитрецей в голосе.

Райку молча продолжал пить кофе.

— Что, если сейчас, до начала атаки, нам перебраться за насыпь? — предложил сержант Иордаке.

Райку вышел из укрытия.

— Давай посмотрим, — проговорил он.

Младший лейтенант был тоже низкого роста, но более худощавый и стройный. Я последовал за ними. Мы вползли на насыпь и стали всматриваться в темноту перед нами. На расстоянии сорока — пятидесяти шагов виднелись воронки от снарядов и обрушившиеся окопы. Далее чернели кустарники и обгоревшие деревья. Их верхушки вырисовывались на фоне светлеющего неба. Иордаке подобрал у рельсов несколько камешков и бросил их за воронки в окопы.

— Там никого нет, — шепнул он убежденно.

— Попытайся, — разрешил ему Райку.

Иордаке собрал своих людей, и они поползли с насыпи, держа оружие сбоку. Видя, что все спокойно, младший лейтенант Райку подал знак остальным, весь взвод спустился с насыпи. За нами стали переползать через скованную морозом насыпь и остальные взводы. Вдруг что-то звякнуло о рельсы — то ли чья-то винтовка, то ли лопата, а скорее всего — котелок, и сразу же из скрытых в темноте деревьев раздались пулеметные очереди.

В это время, подготавливая атаку, заговорила наша артиллерия. Не дожидаясь окончания артподготовки, дру-

гие роты тоже начали перебираться на эту сторону насыпи. По насыпи вовсю застрочили пулеметы гитлеровцев и хортистов. Взвод Райку забросал вражеские окопы гранатами, и это дало возможность пересечь насыпь всему батальону.

Я наблюдал за продвижением наших солдат в воронке из-под снаряда. Ко мне прыгнул командир роты. На поясе у него висели две гранаты, пистолет, в руках он держал автомат.

— Надо было обождать на насыпи, — сказал он озабоченным тоном.

Видя, что у меня кроме вещевого мешка, планшетки и пистолета ничего нет, он повернулся к сопровождавшему его связному:

— У тебя будто был еще автомат?

— Тяжело с двумя, — пробормотал тот. — Когда пужно, возьму у фашистов.

Капитан сжалился надо мной и протянул мне на прощание одну из своих гранат, шепнув, что не исключена возможность контратаки гитлеровцев.

Батальон справа от нас был остановлен на насыпи огнем гитлеровцев с фабрики Вандер. За насыпью окружной железной дороги остались и действовавшие слева советские войска. Таким образом только мы оказались по другую сторону насыпи. Наши солдаты лежали на открытом месте, поливаемые перекрестным огнем вражеских пулеметов. Если бы наши справа или русские слева были ближе, взвод Райку сделал бы рывок вперед и достиг группы деревьев. Гитлеровцы и хортисты тоже не могли двинуться с места, так как их тут же косили наши пулеметы и орудия, установленные на насыпи. Весь день, зарывшись в землю, мы подстерегали друг друга.

Я так и не смог выбраться из своей воронки и, окочевев от мороза, ждал вечера. На город опустилась пелена дыма, перемешанного с туманом, отчего сумерки наступили раньше. «Еще немного, и я смогу пробраться к своим», — успокаивал я себя. Под прикрытием сумерек немцы подобрались к нам на расстояние каких-нибудь пятидесяти шагов. Наши забросали их гранатами и поднялись в контратаку. В это время наш батальон справа пересек насыпь и атаковал противника, засевшего на фабрике Вандер.

Хортисты оказались отрезанными и побежали. Наши

настигли их возле кустарника. После короткой схватки хортисты подняли руки. От них мы узнали, что кроме ипподрома у гитлеровцев нет больше ни одной посадочной площадки в городе, так как стадион в Ворошилите и ипподром около вокзала слишком малы для их самолетов.

Наши роты перебрались с насыпи к группе деревьев. Сюда же были доставлены пулеметы и орудия. Немцы и хортисты перегруппировались в глубине перепаханного взрывами парка. За их окопами виднелось гладкое пространство ипподрома, используемого гитлеровцами в качестве аэродрома. А еще дальше — плотное нагромождение городских зданий, скрытых в густой пелене тумана и дыма. Немецкие орудия и минометы пристреливались по группе деревьев, где теперь залегли наши.

Я опять попал в один окоп с тем самым капитаном, который сунул мне за пояс гранату. Теперь он высказывал большие опасения, так как мы еще дальше оторвались от наших. Русские оставались за окружной дорогой, а другой наш батальон — у группы домов возле фабрики Вандер. Только справа по ту сторону площади части 21-й пехотной дивизии вели бои за группу домов.

Всю ночь мы с досадой прислушивались к рокоту моторов немецких самолетов на ипподроме. И хотя гитлеровцы находились в каких-то двух шагах от нас, мы не могли двинуться с места, так как подступы к ипподрому были окружены плотной стеной огня.

— Что будем делать, Йордаке? — спросил я сержанта.

— Туда можно пробраться разве только под землей, — ответил он.

Нужно было пробиться хотя бы на окраину ипподрома, но гитлеровцы, оставшиеся на фабрике Вандер, мешали нам. Однако под утро 19-я пехотная дивизия захватила часть домов по ту сторону площади, и гитлеровцы сразу оказались зажатыми между нами и пехотинцами.

— У меня есть идея, — сказал тогда Йордаке с улыбкой. — Сейчас мы подложим немцам мину!

Отделение Йордаке, прихватив пулемет, скрылось в темноте. На рассвете, когда еще не рассеялся утренний туман, они открыли огонь по гитлеровцам с тыла. Одновременно поднялся в атаку и другой батальон, а наша

артиллерия начала обстрел вражеских позиций в глубине парка. Оба наших батальона пошли на штурм. Фабрика Вандер оказалась в наших руках. Гитлеровцы и хортисты оставили пустырь.

— Так, так, надо насыпать им соли на хвост, — услышал я голос Иордаке...

Прямо перед нами простиралось ровное поле ипподрома, которое из конца в конец перекрещивали полосы от самолетов, что взлетали и приземлялись здесь два дня и две ночи. Воронки от бомб посередине были засыпаны битым кирпичом и желтели на сером фоне. Наш конец ипподрома был абсолютно открытым, другой же скрывался между зданиями и парком, откуда гитлеровцы продолжали обстрел. Ожесточенный огонь их пулеметов и орудий снова прижал наших к земле. Немцы и хортисты засели также на трибунах и в глубине, где у них были еще не вскрытые нами огневые точки. Наши неоднократно пытались подняться в атаку, но всякий раз их встречала сплошная стена огня.

— Копайте окопы глубже, — слышались голоса офицеров.

Лежа на животе и положив оружие впереди себя, солдаты принялись рыть окопы. Верхний слой земли промерз и с трудом поддавался лопатам. Несмотря на это, вскоре наш конец ипподрома опоясался ожерельем окопов, протянувшихся влево, в сторону расположения советских войск, которые уже вышли к вокзалу Кебанья.

Наши солдаты несколько раз бросались в атаку, но ураганный огонь противника снова и снова возвращал их в свои окопы. Так прошел весь день. Вечером под прикрытием тумана паши молча поползли вперед по полю ипподрома и за несколько минут продвинулись метров на триста. Гитлеровцы и хортисты открыли ураганный огонь, но было уже поздно: наши наскоро отрыли новые укрытия. Теперь весь ипподром был полностью накрыт нашим огнем, и гитлеровские самолеты уже не могли сюда приземлиться.

Вперед была тяжелая ночь. Мы выдвинули вперед пулеметы, мелкокалиберные автоматические орудия, минометы. На какое-то время установилась тревожная тишина. Я отправился на поиски взвода Райку, чтобы встретиться с Иордаке. Добравшись ползком до его окопа, я вдруг услышал рев моторов. Танки...

Окоп Иордаке был на самом краю ипподрома, с левой стороны, где наши позиции ближе всего подходили к немцам. Рев моторов нарастал, замерзшая земля дрожала, и вскоре из темноты показались танки. Следом за ними шли десятки, а может и сотни, гитлеровцев. Три танка направлялись к позициям батальона, подошедшего со стороны фабрики Вандер. Один танк шел прямо на нас. Наши пулеметы и орудия поспешили открыть огонь, но этим только обнаружили себя. Первым же залпом танков были уничтожены несколько наших пулеметных гнезд. Наши ползком стали отходить за ипподром.

Мы с Иордаке остались одни перед надвигавшимися стальными машинами. На лбу и висках у меня выступил холодный пот. До этого я принимал участие в боях как зритель и поэтому, видимо, ни разу не осознавал смертельной опасности, которой неоднократно подвергался.

— У меня есть идея! — прошептал Иордаке. — Мы останемся на месте!.. Танки пройдут мимо нас и вернутся обратно... Сейчас темно и туман... Не останутся же они на поле!

Сотрясая окоп, в котором мы укрылись, и обдав нас запахом бензина и перегоревших газов, танки действительно прошли дальше. Но справа от немцев развернулось несколько рот хортистов, и мы вынуждены были отойти в другие окопы, где находились Райку и капитан со своей ротой. Командир роты, который снабдил меня гранатой, не тронулся с места. Он держал наизготовку автомат, рядом лежали гранаты... «А я думал, что он трус!» — упрекнул я себя.

Под прикрытием танков гитлеровцы снова заняли окопы, в которых располагались днем. Ипподром опять стал свободен для немецких самолетов, поддерживающих связь с осажденным городом. Танки повернули назад и скрылись в направлении улицы Унгария.

На поле ипподрома установилась долгожданная тишина. Капитан снова засунул гранаты за пояс. Вдруг зазвонил телефон.

— Где вы находитесь? — спросил командира роты полковник.

— По плану города — в квадрате 23-52.

— А немцы?

— В квадрате 23-51. Мы на их фланге...

— Очень хорошо, — сказал полковник. — Приготовьтесь к контратаке!

— Оказывается, и у полковника есть *идеи*! — обрадовался Иордаке.

В роте оставалось около сотни бойцов. Прижавшись к земле, они поползли в сторону ипподрома. Впереди были капитан, Райку и Иордаке. Остановились мы на краю ипподрома, почти как раз в тылу у немцев, прорвавшихся сюда с помощью танков. Опомнившись, гитлеровцы открыли огонь из пулеметов, но в это время батальон с пуштыря с криками «ура» пошел в атаку и забросал немцев гранатами. Гитлеровцы отступили к трибунам.

Вскоре прилетели немецкие самолеты, но приземлиться они не смогли. На позиции гитлеровцев стали опускаться парашюты с тяжелыми, объемистыми ящиками. Несколько таких ящиков упало и в расположении нашего батальона. Только один ящик оказался с продуктами, в остальных были патроны, пулеметные ленты, гранаты, мины. Покружив над ипподромом до полуночи, самолеты скрылись в сторону Дуная и Буды.

Наконец все утихомирилось. Никто больше не контратаковал, артиллерия не стреляла, не жужжали моторы самолетов. Иордаке сладко спал на дне того самого окопа, в котором нас застали танки. Я завернулся в плащ-палатку и растянулся рядом, возле солдата, дежурившего у пулемета. От этого солдата я узнал, что у Иордаке есть и другие *идеи*.

— Говорит, до весны покончим с немцами, вернемся домой и покончим с боярами, — рассказывал мне солдат. — Говорит, пройдемся со своими полками по боярским имениям и разделим землю между крестьянами... Если кто будет сопротивляться, познакомится с нашими пушками... Ох, — мечтательно вздохнул солдат, — хоть бы одну очередь выпустить по имению Франгопола!..

От пленных немцев стало известно, что сам Гитлер приказал удерживать ипподром-аэродром до подхода четырех немецких танковых дивизий, двигавшихся с Балатона. Они должны были прорвать кольцо окружения. В эту же ночь в наш кавалерийский полк прибыл командир корпуса и приказал на рассвете захватить ипподром.

Много раз поднимались в атаку наши солдаты, но гитлеровцы вели ураганный огонь, и наши с большими потерями возвращались в свои окопы. От огня немцев и

хортистов не уцелела бы и травинка, если бы на ипподроме был бы какой-нибудь газон. Особенно ожесточенный огонь вели пять-шесть пулеметов и два противотанковых орудия, установленные между зданиями в глубине ипподрома. Очереди шли будто бы из-под земли и прочесывали вдоль все пустынное поле ипподрома до самых наших позиций. Напрасно наши батареи из тыла и противотанковые орудия, установленные в укрытиях на пустыре, обрушивали концентрированный огонь по огневым точкам противника. Огонь гитлеровцев становился все более яростным и всякий раз останавливал наших на скованном морозом поле ипподрома, словно на огромном пустом металлическом подносе.

— У них там блиндажи, — предполагали солдаты.

Капитан, в окопе которого я провел весь день, долго рассматривал в бинокль позиции гитлеровцев. Потом протянул бинокль мне. Я увидел поле ипподрома, на котором, прижавшись к черной земле, застыли плотные ряды наших солдат, словно выросшие из-под земли кочки, и в стороне немцев — два небольших черных холма свежей земли. Оттуда шла лавина огня и железа, подметавшая поле ипподрома. Где-то там, среди солдат, прихваченных на поле, был и Иордаке. И когда снова наступил туманный и дымный вечер, я не встретил Иордаке, так как капитан оттянул свою роту с ипподрома и неожиданно атаковал трибуны слева, потеснив хортистов.

На следующий день нашим также не удалось сколько-нибудь продвинуться в секторе ипподрома. Огонь из замаскированных немецких укреплений казался непреодолимым.

— Там у них действительно доты, — подтвердил капитан.

Всю вторую половину дня, укрывшись за бетонной стойкой с биноклем в руках, он корректировал огонь наших батарей по немецким дотам. Но вечером, когда солдаты вновь поднялись в атаку, их встретил такой же ожесточенный огонь противника. Было просто непонятно, что за доты сооружены у гитлеровцев.

Ночью части 19-й пехотной дивизии атаковали гитлеровцев с тыла, на центральной трибуне, и с фланга, в конце ипподрома. Огонь обоих дотов тут же переместился в том направлении. Воспользовавшись этим, капитан со своей ротой по очереди захватил все небольшие

трибуны с левой стороны ипподрома. Казалось, еще один рывок — и злополучные доты будут захвачены. В парк за трибунами был подтянут батальон кавалерийской дивизии, который до сих пор стоял в резерве... И на этот раз именно взвод младшего лейтенанта Райку и отделение Иордаке нашли выход из создавшегося положения.

Штурм должен был начаться на рассвете. Сломленный усталостью, я свалился рядом с капитаном на истертую в порошок солому. В это время к нам подошел Иордаке.

— Господин капитан, это вовсе не доты! — сказал он с веселым удивлением. — Это зарытые в землю танки! Я подкрался поближе и видел, как они задом выезжали из своих укрытий... У меня есть идея, господин капитан, — уже просительным тоном продолжал он. — Разрешите с отделением подкрасться поближе к ним... Господин младший лейтенант говорит, что в случае нужды взвод тут же бросится на помощь.

Капитан вышел из-за бетонной перегородки. Ночь рассеивалась. Вернувшись, капитан долго молчал, а потом грустно, с дрожью в голосе проговорил:

• — Боюсь, потеряем мы их... и Иордаке, и Райку...

Затем он поднял трубку и попросил, чтобы артиллерийская подготовка и атака нашего батальона были начаты на четверть часа раньше. В самый разгар атаки, когда импровизированные доты изрыгали смертельный огонь, вдруг в той стороне послышались треск автоматных очередей и взрывы гранат. Через мгновение раздался мощный взрыв. В воздух взметнулся столб пламени, сажки и земли. Капитан со своей ротой рванулся из-под трибун, и они скрылись в облаке пыли и дыма.

Наши солдаты с криками «ура» пересекли поле ипподрома. Пыль и дым рассеивались. Разгоралась багровая, словно подкрашенная кровью заря. В двух огромных воронках дымились танки, уткнувшись своими орудиями в землю. Невдалеке лежал изрепеченный пулями младший лейтенант Райку. Из всего его взвода осталось в живых семь-восемь солдат. Погиб и Иордаке. Из его отделения уцелел лишь один человек — тот самый солдат, что две ночи назад рассказывал мне, как Иордаке мечтал вернуться домой... Теперь этот солдат рыдал, как ребенок, над трупом Иордаке...

Заплетающимся шагом, уставившись в землю, шел я обратно через поле ипподрома. Меня неотступно преследовал образ истерзанного Йордаке. Я будто наяву слышал его озорной голос: «Господин младший лейтенант, у меня есть идея».

На ипподроме, где в течение нескольких дней непрерывно свистели пули, рвались снаряды и мины, теперь было тихо. Казалось, люди покинули эти места. И чем дальше я удалялся от наших передовых позиций, тем глубже становилась тишина. Только в стороне города продолжали греметь взрывы атак, начатых на рассвете. Высоко над головой продолжительно свистели снаряды, которые затем падали где-то далеко в расположении немцев. Горизонт затянуло пылью и дымом, земля глухо стонала.

Остановившись по ту сторону пустыря, во дворе фабрики Вандер, я увидел пеструю вереницу людей, которая растянулась вдоль полуразрушенных, закопченных стен. Старухи и дети, седые старики, опирающиеся на палки, девочки с косичками в тонких, разноцветных платицах, мужчины-горожане со свежими перевязками, дрожа от холода, молча, будто в оцепенении, медленно двигались с горшками, кастрюлями или солдатскими котелками в руках к двум дымящимся полевым кухням. Так же молча солдаты опрокидывали большие алюминиевые половники в подставляемую посуду. Обездоленный войной рабочий люд городских окраин нашел здесь ту человечность, о которой говорилось в новогоднем приказе. У большинства женщин были заплаканные глаза: может, именно здесь, в Будапеште, погибли их мужья, братья или сыновья. Голодные дети нетерпеливо пробирались к солдатским котлам, от которых поднимался горячий ароматный пар. Один из наших солдат посадил к себе на колени босого, посиневшего от холода мальчугана и кормил из своего котелка. Глаза ребенка горели лихорадочным голодным блеском.

Я был не менее голоден, чем эта несчастная толпа, так как вот уже два дня артельники не могли добраться до нас. Но меня глубоко потрясло увиденное, и я прошел мимо кухни. «Эх война!.. Кому она нужна, эта война?» — спрашивал я самого себя и снова вспомнил Йордаке...

В полуразрушенном здании аэропорта я встретил начальника штаба корпуса. Полковник отмечал на карте

города наш передний край. Он обрадовался, увидев меня, и протянул мне две телеграммы, которые носил в своем кармане почти целую неделю. Одна была от моей невесты с поздравлениями с Новым годом, вторая — из редакции с требованием прислать обещанные материалы.

— И генерал говорит, что ты должен написать обо всем, — сказал мне начальник штаба.

— Сейчас я не в состоянии что-либо писать, — признался я. — Лучше скажите, куда мне теперь идти? Здесь я больше не могу...

— На Центральную почту, — посоветовал он мне хмуро. — Там стоит побывать, увидишь сам...

Полковник дал мне связного, который по тылам 26-го пехотного полка повел меня в сектор Центральной почты.

Когда мы шли, повалил снег. С густо-синего неба медленно падали крупные снежинки, и земля словно поседела. Горизонт затянуло туманом. Время от времени земля коротко и глухо вздрагивала от взрывов. В обе стороны, куда ни посмотри, белели окопы, и только руины стен оставались такими же голыми и грязными, уныло поднимаясь к небу. Между ними связные и телефонисты уже протоптали тропинки. Вскоре мы прыгнули в ход сообщения и подошли вплотную к линии огня: перед нами была Центральная почта.

Мы прибыли к началу атаки. Обстрел уже заканчивался. Батальон, в котором я остановился, укрылся в траншеях и окопах, и все припорошенное снегом пространство перед почтой казалось пустынным. Командир батальона, майор, рассматривал в бинокль вражеские позиции. Тут же сгруппировались связные, телефонисты командного пункта и несколько артиллеристов, корректировавших огонь своих батарей. Вокруг были окопы роты второго эшелона, а впереди них позиции рот, которые должны были идти в атаку. До Центральной почты было метров двести. Сначала шло гладкое, белое пространство, далее тянулся высокий чугунный забор, разбитый и искореженный взрывами, и сразу за ним серые, массивные каменные стены главного здания почты. Другое здание было справа и еще одно слева в глубине, в дальнем углу огромного двора, а между ними еще несколько более низких и длинных зданий. При прямом попадании снарядов массивные каменные стены главного здания почты сотря-

сались и обволакивались дымом и красновато-кирпичной пылью. Бомбы поднимали черные горы земли.

Майор взглянул на часы и повернулся к корректировщикам. Те передали по телефону какие-то команды.

Обстрел сосредоточился на главном здании, и первые роты ринулись в атаку. Почти в это мгновение гитлеровцы открыли бешеный пулеметный огонь из здания почты. Солдаты зарылись в снег, накрытые пулеметными очередями и минометным огнем. Облако пыли и дыма, окружавшее почту, рассеивалось, и из синевато-белой тени постепенно выступали стены. Из окон и дверей сверкали очереди десятков пулеметов. Через несколько мгновений наши снова поднялись в атаку и опять вынуждены были залечь. На площади осталось несколько трупов. Меланхолично падающий снег постепенно прикрыв их.

Батальону слева короткими и быстрыми перебежками удалось пересечь площадь наискосок и выйти к железной дороге и улице Унгария. Одна из рот с ходу развернулась вправо и одним рывком вышла во двор почты в глубине. Наши роты, залегшие перед зданием почты, рванулись вперед. Но больше чем на сотню метров приблизиться к зданию не удалось. Как только хотя бы один солдат начинал шевелиться, на него обрушивался целый град свинца. Тогда майор выдвинул немного вперед несколько пулеметов и два небольших орудия и приказал им безостановочно вести огонь по окнам здания. Сам же во главе с ротой резерва начал ползком обходить справа позиции гитлеровцев.

Майор был хмур и неразговорчив. Перед уходом он сказал мне:

— Держи бинокль. Может, пригодится. — И, нагнувшись в окопе, крикнул в трубку: — Маринеску! Я с первой ротой ударю по зданию справа... Когда увидишь, что мы атакуем, поднимайтесь снова...

И действительно, через некоторое время первая рота показалась на правой стороне площади и устремилась к зданию в правом углу двора почты. Остальные роты тоже бросились вперед. И на этот раз им удалось добраться до чутунных ворот.

Я наблюдал за всем происходящим в бинокль. Наши сгрудились по обе стороны от разрушенных обстрелом чутунных ворот. Невысокая стена, на которой был установлен забор и выступавшая всего на несколько ладоней над

землей, прикрывала их от яростного пулеметного огня из окон здания. Вход Центральной почты также был разрушен снарядами, но гитлеровцы и хортисты забаррикадировали его мешками с песком. Наши снаряды залетали в образовавшуюся темную пустоту и с треском разрывались там, разбрасывая мешки с песком. Песок тек через дверь по ступенькам лестницы и смешивался со снегом. Расположившиеся рядом со мной телефонисты, связные, артиллеристы продолжали вести огонь по окнам почты... «Нельзя задерживаться у ворот, — думал я, наблюдая за солдатами у забора. — Немцы могут забросать их гранатами!»

Но вскоре застрочили пулеметы наших рот, занявших здания справа и слева от Центральной почты. Солдаты, перескочив забор, снова бросились в атаку. В дверях один за другим раздавалось несколько взрывов, сверкнуло желто-лиловое пламя. Первые солдаты перескочили по другую сторону забора и с автоматами на груди рванулись вверх по ступенькам, засыпанным снегом и песком. Гитлеровцы перенесли теперь огонь ближе к входу в здание. В это время из-за забора бросились вперед еще пятнадцать — двадцать солдат во главе с лейтенантом Маринеску. Высоко подняв автомат, он одним прыжком взбежал по лестнице, но тут же упал, тяжело раненный. Наши солдаты забросали гитлеровцев гранатами. Серое здание задрожало от выстрелов и взрывов. Немцы, отстреливаясь, прыгали прямо в окна. Некоторые так и оставались лежать неподвижно на мостовой, постепенно засыпаемые белым снежным покрывалом; другие же поднимались и, хромя, переступали с ноги на ногу или ползли за углы здания, во двор. Время от времени из окон то тут то там еще раздавались пулеметные или автоматные очереди, пули со свистом вбивались в мостовую. Здание еще гудело некоторое время, потом все успокоилось. К вечеру Центральная почта была в наших руках.

Когда совсем смерклось, я направился вслед за телефонистами и санитарями к почте. Вход был завален трупами. Солдаты собирали наших убитых. Санитары хлопотали возле раненых. В огромном зале с высоким потолком были установлены пулеметы, сбоку у окон стояли солдаты с автоматами и гранатами наготове. Белый потолок, звонко гудевший под ботинками солдат сверху,

поддерживался массивными столбами, полированными, как и пол, на котором валялись истертая солома, патроны, пулеметные ленты, брошенные винтовки и автоматы, несколько плащ-палаток и пустые ящики из-под патронов.

У одной из колонн я нашел лейтенанта Маринеску, рота которого атаковала здание почты. Он сидел на венгерской плащ-палатке, прислонившись спиной к колонне, и, уставившись в окно, смотрел, как падает снег. Грудь лейтенанта была вся в бинтах. На плечи наброшена шинель.

— Господин лейтенант, — просительным тоном говорил ему один из солдат. — Прибыли санитары, господин лейтенант!

Но лейтенант продолжал молчать, не отрывая глаз от темнеющих окон. Затем он сделал телефонисту знак рукой. Тот поставил рядом с Маринеску телефон. Солдат со слезами на глазах еще раз тихо проговорил:

— Господин лейтенант, санитары прибыли...

— Костикэ! — простовал Маринеску с упреком.

Круглое лицо лейтенанта вытянулось, стало бледно-желтым, почти бескровным. Темные глаза лихорадочно блестели из-под черных, густых бровей. Черные короткие усы и черные волосы, выбивающиеся из-под барашковой шапки, сдвинутой на макушку, еще больше подчеркивали бледность лица.

Тишину неожиданно нарушили пулеметы, установленные в окнах.

— Что случилось, Кэлэрашу? — воздрогнул офицер.

— Ничего, господин лейтенант, — подошел к нему сержант. — Гитлеровцы и хортисты со всех сторон собираются в складах в глубине двора. Вот мы их и припугнули...

Снова установилась тишина. Казалось, лейтенант впал в забытие. Дыхание его едва улавливалось.

— Костикэ, — пробормотал он через некоторое время. — Посмотри, может, все же нашли Войнеску Илию... Пусть поищут его на улице, на ступеньках, он там упал... — Войнеску Илия был командиром отделения, которое первым попыталось прорваться в здание.

Костикэ побежал к входу. Вернулся он с одним из солдат, неся за углы плащ-палатку, на которой лежал наспрап Войнеску. Его сразила в живот автоматная оче-

редь. Глаза лейтенанта часто заморгали, на них выступили слезы. Солдаты поспешно унесли капрала.

Вскоре телефонист обеспечил связь с командиром батальона, который вместе с резервной ротой занял здание справа от почты. Майор вызывал Маринеску. Костик протянул лейтенанту трубку.

— Да, овладели, господин майор! — тихо проговорил лейтенант. — Понял, господин майор... Удержим до завтрашнего утра!

Силы оставили Маринеску, и он прижал трубку к груди. Придя в себя, лейтенант поспешно приставил трубку к уху.

— Да, ранен, господин майор, — ответил он. — Теперь бесполезно, — прибавил он с грустью. — Но вы не беспокойтесь! До завтрашнего утра в любом случае продержимся!.. Корреспондент?.. Какой корреспондент? — удивился он... — Здесь нет никакого корреспондента!

— Есть! — выскочил я из темноты и взял трубку.

Командир батальона спросил меня о состоянии лейтенанта, и я сказал правду.

— Он требует, чтобы я вас эвакуировал! — сообщил я лейтенанту.

— Нет, — запротестовал Маринеску, — ни за что на свете!.. До утра я отсюда не уйду!..

— Постараюсь сделать все возможное, господин майор! — пообещал я, стараясь скрыть свою неуверенность.

— Благодарю! — прошептал лейтенант и сделал мне знак присесть рядом с ним. — Ты должен понять, — умоляющим тоном продолжал он. — Здесь погибло столько людей, и я не могу уйти, пока есть малейшая опасность потерять здание... Слышишь? — потянул он меня к себе и горячо зашептал на ухо: — Я рад, что ты здесь... Если вдруг я не дотяну до утра, останешься вместо меня...

Несколько пулеметов в окнах ударили снова, и по огромному залу прокатилось гулкое, раскатистое эхо. Лейтенант позвал сержанта и, узнав, что пулеметчики стреляли по гитлеровцам, показавшимся у склада, приказал:

— Не расходуйте зря патроны, чтобы хватило до утра...

И опять на время установилась полная тишина. Лейтенант вновь впал в забытие. Его дыхания совсем не

стало слышно. Перепуганный ординарец сдавленным голосом позвал:

— Господин лейтенант...

— Что, Костикэ? — прошептал тот, очнувшись.

— Я просто так, — смущенно ответил солдат.

Лейтенант слабым голосом попросил:

— Костикэ, может, найдешь где-нибудь света?

— Сейчас, господин лейтенант, — вскочил со своего места солдат.

Через несколько минут Костикэ вернулся со свечой, которую достал у санитаров. В это время солдаты у окон зашевелились и беспокойно защелкали замками пулеметов.

— Что там, Кэлэрашу? — спросил лейтенант.

— Гитлеровцы и хортисты тайком выходят из гаража, — ответил сержант.

— Дайте им собраться, — сказал лейтенант. — Подпустите их шагов на сто и тогда открывайте перекрестный огонь...

Я подбежал к окну и прижался к стене сбоку. Пустынный двор был покрыт белым покрывалом чистого, нетронутого снега. Возле низкой и длинной стены гаражей, в глубине двора, чернели тени гитлеровцев и хортистов. Вот они поползли в нашу сторону, зарываясь в мягкий, белый пух. Сержант действительно подпустил их на сотню шагов и дал команду открыть огонь. В ответ немецкие пулеметы ударили по нашим окнам. Пули засвистели по залу, как град забарабанили по стенам. Пулеметная дуэль продолжалась недолго. Гитлеровцы отступили обратно, к гаражам. Во дворе на снегу чернели трупы.

— Почему так тихо, Кэлэрашу? — спросил Маринеску сержанта.

— Немцы, господин лейтенант, перепугались, не лезут больше!..

У лейтенанта начался сильный жар. Мы настойчиво уговаривали его эвакуироваться, но он сердито отказывался. Рана в груди все больше мешала ему дышать. В уголках рта и вокруг глаз легли тени. Отяжелевшие веки закрылись, голова бессильно упала на грудь.

Я сделал знак солдатам, чтобы они вызвали санитаров. Когда мы положили его на носилки, лейтенант очнулся. Он молча обвел взглядом тени обступивших его

людей и попросил поднести его к окну, чтобы видеть двор и гаражи в глубине. Было ясно, что только желание дотянуть до утра поддерживало его.

На рассвете наша артиллерия начала обстреливать гаражи и строения справа и слева от них. Здание почты заходило ходуном. Две роты справа и слева от нас устремились к гаражам. Группа солдат во главе с Кэлэрашу тоже бросилась туда через заснеженный двор, усеянный трупами гитлеровцев.

Маринеску лежал у окна и, время от времени открывая глаза, спрашивал о гитлеровцах.

Бой внутри гаражей был жестокий и кровавый. Лавируя среди грузовиков и легковых автомашин, солдаты дрались врукопашную. Наши захватили около двухсот пленных, приблизительно столько же автомашин, десятки мотоциклов, три почтовых самолета, большое количество пулеметов, орудий, боеприпасов.

Только к полудню все успокоилось. Я поспешил в здание Центральной почты, чтобы рассказать обо всем лейтенанту, но в зале его не было. Разыскав санитаров, я узнал, что Маринеску умер. Костикэ завернул его в плащ-палатку и в сопровождении нескольких солдат понес на кладбище Ракошлигет. Он хотел похоронить лейтенанта именно на кладбище, чтобы потом отыскать его могилу.

Я вдруг почувствовал себя разбитым и одиноким в этом огромном пустом зале со следами пуль и снарядов на каменных стенах. Эхо моих шагов глухо замирало. Я вышел на улицу. Перед глазами снова и снова возникал образ лейтенанта Маринеску. Я старался вспомнить все до мельчайших подробностей... Да, огромные жертвы приносили наши солдаты в этой жестокой схватке за Будапешт!

Под вечер я попал на позиции нашей артиллерии в районе аэропорта. В каких-нибудь пятидесяти шагах прямо передо мной грохотали орудия. Батареи скрывались по ту сторону железной дороги в карьерах. Когда я пересек железную дорогу, то остановился, пораженный. Внизу, почти колесо к колесу, выстроилось в одну линию около ста орудий. Этот способ ведения массированного артиллерийского огня на разрушение наши позаимство-

вали у русских. Здесь была сконцентрирована почти вся артиллерия армейского корпуса. Сейчас, пока еще было светло, она пристреливалась для ведения огня ночью.

— По чему вы стреляете? — спросил я солдат у орудий.

— По казармам, — ответили мне.

Позади орудий, возле низкой открытой машины, я увидел генерала, командира корпуса. Он внимательно слушал доклад командира артиллерии корпуса.

— Думаю, хорошо бы подождать их! — говорил командир корпуса. — Если начнем обстрел одновременно, мощь огня и неожиданность будут еще большими.

Генерал посмотрел на часы и кивнул в знак согласия. Увидев меня, протянул мне руку. Я рассказал, что прибыл с Центральной почты, рассказал о понесенных жертвах, об отделении капрала Войнеску, о подвиге лейтенанта Маринеску и солдате Костика, что похоронил своего командира на кладбище Ракоплигет. Генерал помрачнел:

— Да, это правда... Во имя победы над гитлеровской Германией и мы понесли большие жертвы. Это священные жертвы. История всегда будет помнить об этом... — И дрогнувшим голосом добавил: — Могила порастут травой... Города станут еще красивее... Наша страна будет цвести... Но кто вернет матери погибшего сына, вдовам — мужей, детям — отцов, что сложили голову в борьбе с фашизмом?

Генерал замолчал. В карьер свернули тяжелые советские военные автомашины. Они выстроились позади наших орудий в одну линию. Командир колонны по-военному представился нашему генералу. Солдаты стали снимать с машин брезенты. Над грузовиками поднялись металлические каркасы из труб, близко расположенных друг к другу наподобие стальных сот.

— Ты когда-нибудь видел «катюши»? — спросил меня генерал.

— Нет. — Я отрицательно покачал головой.

— Сейчас увидишь.

Советские офицеры, развернув карты, окружили генерала, и он показал расположение казарм Франца Иосифа, по ту сторону ипподрома. После короткой пристрелки произвели необходимые расчеты, сверили их с данными наших артиллеристов. Начался обстрел. Сначала со страшным грохотом стреляли орудия, подпрыгивая на

месте и сверкая пламенем из жерл. Воздух вверх заколебался, жестко зашелестел, словно кто-то развевал в воздухе огромные шелковые полотнища. Затем вдалеке, среди каменных стен, на которые опустилась обманчивая почь, услышались первые взрывы. Выслушав по телефону ответы корректировщиков с передовой, офицеры дали команду вести непрерывный огонь.

В карьере поднялся невообразимый грохот. Казалось, орудия соревнуются между собой, кто больше пошлет снарядов по врагу. Все вокруг дрожало от потока железа, одновременно выбрасываемого в воздух. Но когда заговорили «катюши», темнота в карьере вспыхнула десятками, а может, и сотнями огромных языков желтовато-голубого пламени, которые ослепительной дугой рванулись вверх и осветили ночь, словно воспламенившийся ветер. Взрывов я, конечно, не слышал, так как из карьера вылетела новая волна снарядов и все вокруг наполнилось страшным грохотом и шуршанием языков огня. В этой картине было что-то чудовищное, и я чувствовал себя так, будто присутствую при конце света.

— Ну пошли, — позвал меня генерал. — Они и без нас закончат свое дело...

Я сел в машину позади генерала и все время оборачивался, чтобы еще раз увидеть шквал огня, вырывавшегося из карьера.

— В казармах заперлось два полка хортистов и, может быть, еще столько же гитлеровцев, — пояснил генерал.

На командном пункте я привел в порядок свои записи. Успел даже черкнуть несколько строк своей невесте, решив про себя, что по возвращении мы сразу же с ней поженимся. Приятные воспоминания захватили меня, на душе от этого стало как-то легче, и я заснул.

Всю ночь, склонившись над картами, офицеры штаба разрабатывали план решающего, последнего этапа в битве за Будапешт. Начальник штаба показал мне приказ, полученный из группы армий. В приказе говорилось: «Нанося главный удар левым флангом в направлении Восточный вокзал — проспект Ракоци во взаимодействии с частями 30-го корпуса и советского 18-го отдельного гвардейского стрелкового корпуса, румынский 7-й армейский корпус должен уничтожить противника и захватить центр города Будапешта...»

— Увидим, значит, Дунай, — обрадованно сказал начальник штаба.

— Обязательно, — ответил я.

Меня интересовало положение наших войск в горах Бюкк и в Мишкольце, откуда я уехал накануне Нового года. Начальник штаба с нескрываемой гордостью показал по карте, что наши войска, участвовавшие в освобождении северо-восточной Венгрии, перешли границу и теперь сражаются в Чехословакии.

Я принялся было готовить материалы для редакции, но генерал снова взял меня с собой в город. Когда мы добрались до передовых позиций, было уже совсем светло. Машину пришлось оставить на центральной трибуне ипподрома и весь остальной путь пробираться пешком. Мы обогнули перекресток железнодорожных путей в конце улицы Унгария и вышли на улицу справа от казарм, что вела к вокзалу.

Под прикрытием артиллерийского обстрела накануне нашим частям удалось выйти к крепостным стенам казарм Франца Иосифа. В ответ немцы развернули ожесточенный огонь. На улице то и дело раздавались взрывы. Прижимаясь к стенам домов, мы шли в сопровождении нескольких солдат с автоматами наготове. Генерал во что бы то ни стало хотел добраться до угла улицы, откуда открывался обзор как в сторону Восточного вокзала, так и вдоль проспекта Ракоци. Тротуар был весь завален осколками битого стекла и кирпича, и мы с трудом двигались вдоль стен от двери до двери.

Вдоль улицы протяжно просвистел снаряд. Один из солдат выбил раму большого окна, и мы спустились в подвал. Переходя из дома в дом через пробитые снарядами стены, мы вышли к углу улицы. В одном из подвалов вокруг металлической бочки, в которой горел костер из обломков мебели, сидели несколько старух, женщин и семеро ребятишек. Люди не боялись наших солдат и поэтому спокойно продолжали греться у огня. На углу мы вышли на улицу также через окно.

На этом месте раньше был магазин. Сейчас же опущенные широкие железные жалюзи и все стены были заклеены плакатами и приказами гитлеровского командования. Мы остановились перед одним из подобных объявлений. Толстыми жирными буквами было выведено: «Hig-

delmeny»¹. За нарушение каждого пункта приказа предусматривалась смертная казнь.

— Война, которую надеются выиграть с помощью виселиц, заранее проиграна, — вслух подумал генерал.

Вокруг объявления было наклеено несколько больших плакатов: на кроваво-черном фоне в полной военной форме красовались хортисты, и девушки с улыбкой провожали их на войну. Многие афиши и плакаты были разорваны пулями и осколками снарядов, а может, и самими венгерскими солдатами.

Генерал спросил у солдат расположившейся здесь минометной батареи, где проходят позиции гитлеровцев и хортистов. Вскоре прибыл командир батальона, что сражался на этой улице, и генерал остался с ним. Я же вернулся обратно, так как не хотел пропускать боев за казармы Фрэнца Иосифа. Связной провел меня сначала на левый фланг наших войск, и только ночью я добрался до частей, расположившихся непосредственно у стен казарм. В пути мне встречались целые конвои санитаров с носилками. Они доставляли раненых на пункты первой помощи.

— Вы откуда? — спрашивал я.

— От казарм...

Возле самой железной дороги на тропинке я увидел двух солдат. У одного из них нога была вся в бинтах, от колена до самой ступни, и он осторожно держал ее на весу, боясь задеть ею землю. Раненый стоял на одной ноге, обняв товарища за шею. Другой солдат, более низкий и худощавый, обхватил его правой рукой за талию, а левой под мышкой, по-охотничьи, держал две винтовки...

— Здесь я тебя оставлю, — сказал низкорослый раненому. — На тропинке тебя кто-нибудь увидит и проведет дальше...

Он усадил раненого на насыпь железной дороги, положив возле него одну из винтовок, и какую-то секунду стоял задумавшись, опираясь на свою винтовку.

— Ион, — проговорил низкорослый, — теперь ты уж в любом случае вернешься домой... Если тебя спросит Гергина, не говори, в какой мясорубке я нахожусь... Эх! Скажи — на войне как на войне!.. И что до весны, мол,

¹ Объявление (венг.).

вернется... А если уж не суждено мне вернуться, — продолжал он спокойным тоном, — она еще молодая, как-нибудь управится... Лошадей у нас забрали на войну, но у нее осталась повозка... Подрастут ребята, подсобят!.. Делянку, что на холме, пусть запахивает осенью: там земля очень сухая, так чтобы за зиму влагой пропиталась... Кукурузу пусть высаживает в низине: там сырость держится до позднего лета, когда завязываются и растут початки... А если будут делить поместье Стэнкулясы, то замолви за нее словечко, чтоб и она получила... — Подавленный, он замолчал, но через несколько минут заговорил вновь: — Становится тяжело, как подумаю о детях...

Вдруг он вздрогнул и повернулся к казармам. Над ними взвилось вверх несколько ракет.

— Все, я пошел, — решительно сказал низкорослый и поспешно исчез в той стороне, где небо вспыхнуло красным светом ракет.

Я велел связному довести раненого до пункта первой помощи, а сам пошел вслед за низкорослым солдатом. По между зданиями с южной стороны казарм я потерял из виду своего проводника и дальше вынужден был добираться до наших позиций сам по себе. Так я попал во второй батальон 31-го кавалерийского полка, который расположился в руинах зданий в секторе у левой степы, окружающей казармы. В этот ночной час здесь стояла полнейшая тишина. Это было настолько необычно, что немцы, видимо напуганные этой тишиной, начали пускать ракеты из-за стен казарм.

— Какая у вас тишина, — обрадовался я.

— Ни в коем случае, — возразил мне командир батальона, высокий худощавый человек. — Сейчас начинаем атаку!

До полуночи оставалось несколько минут. Я посмотрел в окно. Шел мокрый снег. В конце улицы Унгария поднимались зубчатые крепостные стены казарм и строения внутри крепости: высокие, прямые, группами по четыре-пять зданий. Казармы были выстроены из красного кирпича и камня еще во времена габсбургской династии. Теперь в результате ожесточенного обстрела крыши были разрушены, потолки провалились, но стены стояли прочно. Ночью, сквозь пелену медленно падающего снега, тени зданий мрачно смотрели из темноты. Наши части уже в течение двух дней яростно штурмовали этот

бастион, но сумели подойти только к восточным и южным стенам. Все попытки пропикнуть внутрь казарм кончались безрезультатно.

— Поэтому и родилась идея окружения казарм, — пояснил мне майор. Слева от нас, между казармами и кладбищем Керепеши, и севернее, за зданиями вдоль железной дороги, загрохотала канонада. К рассвету казармы Франца Иосифа были почти полностью окружены. Осажденным гитлеровцам и хортистам остался только узкий коридор в направлении резиновой фабрики и Восточного вокзала. Противник перешел в контратаку с кладбища Керепеши, стремясь вновь пробиться к стенам казарм, но был отброшен назад.

— Теперь наша очередь, — сказал майор и спустился вниз.

Командир батальона подтянул батарею полевых орудий и приказал им вести огонь прямой наводкой по крепостной стене, чтобы пробить в ней брешь. Грохот орудий эхом прокатывался в руинах, а по земле стлался густой, белесый дым. Попадая в стену, снаряды поднимали облако пыли и битого кирпича. После пятнадцати — двадцати попаданий в стене образовалась огромная брешь, через которую артиллеристы открыли огонь по первому зданию во внутреннем дворе.

На рассвете первый взвод пятой роты ринулся в атаку через проделанную брешь. Их встретил яростный пулеметный огонь. Брешь превратилась в ад. Группа людей, прорвавшихся в крепость, оказалась зажатой в огненные тиски, пригвожденной к стене. Почти целый час бились наши у крепостной стены, отражая атаки хортистов. Одному раненому удалось выбраться обратно. Он рассказал, что из взвода, прорвавшегося внутрь, в живых осталось только человек пять во главе с командиром взвода, который тоже ранен.

Наши орудия заговорили вновь и проделали в стене еще две бреши. Все взводы пятой роты одновременно бросились через проломы. К полудню рота захватила три первых здания, расположенных в форме буквы U. К вечеру в казарму прорвались и остальные роты. Окруженные хортисты в течение всей ночи предпринимали отчаянные атаки, но второй батальон прочно удерживал захваченные позиции.

Ночью я оказался в отделении, ведущем наблюдение

со стороны стены, примыкающей к кладбищу. Солдаты ни на секунду не отходили от пулеметов и держали наготове автоматы, положив их стволами на подоконники. В здании напротив засели хортисты. Нас разделял небольшой двор, устланный битым кирпичом. Все попытки противника пересечь двор оканчивались безрезультатно. Как только показывались тени солдат, пулеметные и автоматные очереди тут же сметали их. Только вблизи самой стены был проделан ход сообщения, но и он находился под неусыпным наблюдением как с нашей стороны, так и со стороны хортистов.

Всю ночь мы не сомкнули глаз. Дежурные не отходили от окон. Чтобы как-то скоротать время, я стал рассказывать солдатам о последних военных новостях, о потерях, понесенных нами в Будапеште, о начавшейся на родине борьбе за власть и землю. Меня слушали затаив дыхание.

Вдруг снизу раздались несколько слабых ударов. Все прислушались. Через некоторое время стук повторился. Казалось, стучат в полусгнивший деревянный пол.

— Что бы это могло быть, господин сержант? — прошептал один из солдат, и я узнал в нем того низкорослого, что беседовал у насыпи с раненым товарищем.

Все, кроме дежурных у окон, стали в темноте на четвереньках обшаривать пол. В одном из углов большого зала до самого потолка были навалены железные кровати. Стук слышался оттуда. Когда перетаскивали кровати в другой угол, сержант обнаружил на полу кольцо большого квадратного люка. Кто-то зажег спичку, низкорослый ухватился за кольцо и потянул. Сержант просунул в люк ствол автомата и приказал в темноту кому-то неизвестному выйти из подвала. Снизу засветился фонарь, и деревянная лестница закрипела под чьими-то шагами. Сначала показалась каска, затем плечи и грудь. Это был хортистский солдат. Высунувшись из люка наполовину, он испуганно поднял руки. Сержант вырвал у него фонарь и осветил ему лицо.

— *Nadifogoly*¹, — проговорил хортист с достоинством, как бы подчеркивая, что сдался добровольно.

В подвале послышался шорох, и сержант с опаской посмотрел вниз. Затем стал спускаться вслед за хорти-

¹ Пленный (венг.).

стом, держа в одной руке фонарь, в другой — автомат. Низкорослый солдат и я тоже спустились в подвал.

Положив автоматы у своих ног на полу, вдоль стены выстроились четверо мрачных, давно не бритых хортистских солдат. Сержант молча осмотрел каждого. Под лестницей из-под плащ-палатки торчали чьи-то ноги в сапогах. Низкорослый откинул плащ-палатку. Это был труп совсем молоденького хортистского младшего лейтенанта. Один из пленных, самый старший по возрасту, с пушистыми усами и серыми, сумрачными глазами, показал жестами, что офицер задушен.

— Кто его задушил? — спросил я.

— Egesz¹, — испуганно ответил усатый.

Тот, кто первым поднялся по лестнице, слегка дрожащим голосом стал объяснять, что они спрятались в подвале в тот вечер, когда стреляли «катюши». Они решили сдаться и поэтому больше не выходили из подвала. Когда же ночью на них наткнулся этот офицер, они сразу же задушили его.

— Но почему? — прервал я.

— Он офицер, — ответил пленный, потупившись.

Под конвоем мы отвели хортистов в подвал первого здания, где находились все пленные. Растянувшись на одной из железных кроватей, я думал о драме хортистов. Решив оторваться от своих, они, видно, были так напуганы, что без единого слова задушили офицера, который, может быть, случайно наткнулся на них. Целых два дня и две ночи они провели в подвале рядом с трупом, прислушиваясь к малейшему шороху наверху, пока, наконец, решились постучать...

«А если офицер тоже хотел скрыться?» — спрашивал я самого себя...

На рассвете вновь заговорили пулеметы и послышались разрывы бомб, сбрасываемых на казармы. Мощное серое здание прямо перед нами сотрясало до основания. Наши рванулись во двор и, утопая в мокром снегу, ползком стали продвигаться вперед. Другая группа во главе с сержантом прыгнула в ход сообщения у стены и, пригнувшись, приближалась к зданию, занятому хортистами. Следом за сержантом пробирался тот низкорослый солдат. Когда огонь усиливался, он опускался на колени и

¹ Все (венг.).

выпускал несколько очередей вверх, по окнам. Одним рывком нашим удалось занять нижний этаж здания, но из верхних этажей хортисты были выбиты только вечером.

В тот же день наши части продвинулись вперед в секторе между казармами и кладбищем. 96-й пехотный полк занял почью резиновую фабрику. Таким образом, гарнизон казарм оказался полностью окруженным и потерял всякую связь со своими частями, поспешно отступившими к Восточному вокзалу.

Всю ночь во дворе казарм слышались пулеметные и автоматные очереди и разрывы гранат. Гитлеровцы и хортисты, засевшие в центральных зданиях казарм, где, по-видимому, находился их штаб, стреляли по любой промелькнувшей тени.

Взрытый двор, рупны казарм, развороченные бомбами стены, кучи щебня и кирпича, резкий запах серы, окровавленный снег и непрерывная трескотня! Мои виски словно сдавило железными обручами. Только под утро, когда наши замкнули кольцо вокруг гитлеровцев и хортистов, я сумел проскочить в ход сообщения и затем от одного здания к другому стал пробираться через руины.

Я проплутал почти час, пока нашел отделение, где воевал тот низкорослый солдат. Мне сказали, что зовут его Михалаке Пую и что теперь он пулеметчик: заменил своего раненого товарища. Рота Михалаке Пую сдвинулась вправо и наладила связь с теми, кто проник в казармы с северной стороны. Наше отделение оказалось теперь прямо напротив высокого центрального здания из серого шероховатого камня. Другие десятки, а может и сотни солдат укрылись в окопах и траншеях, пересекавших во всех направлениях мостовую. По-видимому, перед этим мощным зданием раньше производились построения гарнизона казарм. Сзади нас, из окон разрушенного низкого и длинного здания, наши открыли огонь по темным глубоким окнам центрального корпуса...

Ночью я снова вспомнил расставание двух земляков у железнодорожной насыпи, и мне в голову пришла идея написать статью «С солдатом Михалаке Пую на фронте в Будапеште... и дома с его земляками». Я написал бы только первую часть, а другой корреспондент поехал бы в село и закончил статью...

Я отправился искать Михалаке. Уже начинало светать. Разрушенные, обожженные взрывами стены казарм мрачно смотрели из темноты. Низкорослый солдат дежурил у пулемета. На бруствере окопа сержант разложил гранаты. Все остальные солдаты также держали готовые автоматы и гранаты. В каких-нибудь ста шагах от окопа находился главный вход с массивным фронтоном из серого камня. В поредевшей мгле можно было различить сточенные сапогами ступеньки и поднявшихся на дыбы львов из черного гранита по обе стороны входа. Литую чугунную дверь в нескольких местах продырявили снаряды. Над дверью был высечен орел с растопыренными и скрюченными когтями — герб старой габсбургской династии. Ни один снаряд, ни одна пуля еще не задела орла. Нагнувшись над пулеметом, низкорослый как раз целился по двери.

— Откуда ты родом, Михалаке? — спросил я.

— С Дуная, из Коман, — ответил он, не спуская глаз с двери.

— Земля у вас есть?

— Два погона¹ всего.

— Дети?

— Трое... Самому старшему шесть лет...

— А поместья в ваших краях есть?

— Два... Одно на четыре, другое на две тысячи погон... Меньшее, что в Фотаке, в пойме, — прямо чистое золото, а не земля... Эх, если бы там получить три-четыре погона!

Позади нас по окнам и дверям главного корпуса ударили пулеметы и мелкокалиберные автоматические орудия. Михалаке тоже начал стрелять из своего пулемета и как будто слился с ним воедино. По команде сержанта солдаты бросили по нескольку гранат на ступеньки лестницы. Черных гранитных львов и центральный вход тут же заволокло дымом. В двери зазяло глубокое черное отверстие. Солдаты бросили туда еще по одной гранате. Сверкнув голубоватым пламенем, автоматическое орудие сзади нас выпустило несколько коротких очередей. Клубы беловато-черного дыма обволокли лестницу и каменный фронтон здания.

В этот момент сержант выскочил из окопа, за ним

¹ Погон — мера поверхности, равная 5012 кв. м.

последовали Михалаке и другие солдаты. Сержант и Михалаке ползком добрались до львов, от которых остались одни лишь каменные лапы. Спрятавшись за дверь, сержант начал стрелять внутрь из автомата, а Михалаке — из пулемета. Под прикрытием их огня остальные солдаты подползли ко входу и открыли огонь по окнам. Гитлеровцы и хортисты внутри здания замолкли. Сержант подал своему отделению знак, и все одновременно бросились к двери. В этот момент раздался сильный взрыв. Чугунная дверь и каменный фронтон с орлом взлетели на воздух: гитлеровцы заминировали вход в здание.

Подоспевшие другие отделения развернули внутри здания ожесточенную схватку — не на жизнь, а на смерть. Весь день в центральном корпусе гремели выстрелы, грохотали взрывы гранат, раздавался треск автоматов и пулеметов. Поздно ночью из подвалов и других потайных мест было выведено почти четыреста пленных. Санитары стали собирать погибших. Труп Михалаке невозможно было распознать. Сердце мое сжалось от боли.

Выйдя за большие ворота казарм, я остановился и посмотрел в сторону города. Там, у Восточного вокзала, снова гудела канонада и взрывы разрывали темноту, освещая ночь всполохами пламени.

На другой день пал и Восточный вокзал. Наступила копечная фаза битвы за Будапешт: теперь необходимо было выйти к Дунаю и занять административный центр города. В здании вокзала я увидел начальника штаба корпуса. С группой офицеров он молча рассматривал панораму той части города, что спускалась к Дунаю. Полковник, видно, очень устал, но не утратил живости движений и бодрости духа.

— Вас опять искали из газеты, — сообщил он мне.

— Сегодня вечером обязательно напишу что-нибудь, — ответил я, с ужасом подумав, что прошло две недели, а я не послал в газету ни одной строчки. «Может, начну как раз со статьи о Михалаке!» — размышлял я...

От полковника я узнал также, что к вечеру должен прибыть генерал, чтобы лично осмотреть место, где намечаются боевые действия корпуса. У стен вокзала, на площади с воем разрывались противотанковые снаряды, то и дело протяжно свистели автоматные и пулеметные очереди. Стреляли с площади Ракоци, из зданий напротив

вокзала, где сосредоточились немцы и хортисты, отступившие из казарм, с кладбища и от вокзала.

— Если хотите видеть что-нибудь особенное, — посоветовал мне полковник, — перейдите через улицу и отыщите роту капитана Чепраги...

— Как вы думаете, сколько времени немцы еще продержатся в Будапеште? — спросил я.

— Восемь — десять дней, — ответил мне полковник. — Самое большое — две недели, — добавил он задумчиво. — Битва нами уже выиграна... Осталось только уничтожить противника, окруженного здесь в центре города...

Выйдя с обратной стороны вокзала, я подождал связного, и мы одним рывком пересекли улицу. По улице опасно было идти, так как немцы и хортисты бешено обстреливали ее. Дома стояли близко друг к другу, стена к стене. Мы вскочили в первый попавшийся подъезд и стали перебираться из одного здания в другое через бреши, сделанные в стенах. Это было нелегко: в поисках выхода мы то спускались в подвал, то поднимались на первый или второй этаж, в зависимости от расположения проема, через который можно было проникнуть в соседний дом. Повсюду валялись битый кирпич, стекло, доски, разбитая мебель, брошенное оружие, патроны и пулеметные ленты. Чем дальше мы продвигались вперед, тем яснее слышались глухие взрывы, а дома ходили ходуном, как во время землетрясения.

В холле одного из зданий я нашел капитана Чепрагу. Он стоял возле винтовой лестницы и наблюдал, как солдаты пробивали стену. Капитан был высокого роста, стройный, в хорошо пригнанной шинели. На его осунувшемся остроносом лице горели беспокойные глаза. Солдаты с ожесточением били в стену.

— Господин капитан, — крикнул один из солдат, — никак не поддается...

— Как это не поддается? — нетерпеливо спросил капитан.

— Стена толстая и не поддается... Все лопаты положили...

— Подложите тротил.

— Кончился.

Капитан сердито хмыкнул и пошел вверх по лестнице. Я последовал за ним.

— Если упустим время, — объяснил он мне на ходу, — немцы вновь организуют оборону и тогда нам долго не добраться до конца бульвара...

Начиная с третьего этажа лестница была разбита, ступеньки повисли в воздухе, и нам пришлось подниматься, цепляясь за железную балюстраду, висевшую в воздухе. На четвертом этаже около сорока наших солдат пытались пробить стену, но железобетонная стена не поддавалась. Тут же валялось несколько сломанных лопат. Оценив обстановку, капитан решительно сказал:

— Пойдем по крышам...

Солдаты загорелись этой идеей. Пробираясь с чердака на крышу и с крыши на чердак, наши бойцы время от времени бросали гранаты и строчили из автоматов по растерявшимся от неожиданности гитлеровцам, которые попадались нам на чердаках и крышах. Это были фашистские посты наблюдения за воздухом. Почти все их мы ликвидировали.

Сверху Будапешт был виден как на ладони. Прямо внизу под нами начинался прямой, словно канал, прорытый в камне, проспект Ракоци. В конце его серебряной полосой блестел Дунай. Город был весь окутан дымом и пылью. В центре города еще хозяйничали фашисты. Но сердце города не перестало биться. Я видел, как в темных подвалах, в почерневших от копоти руинах, вокруг тлеющих костров и солдатских кухонь собирались измученные горожане. В их обожженных войной душах зарождалась слабая надежда.

«Да, — вдохновенно думал я, — именно об этом и должен быть мой первый материал из Будапешта!» Тут же мысленно я продиктовал себе и название статьи: «Сердце освобожденного города начинает биться». «Потом пошло и репортаж о Михалаке Пую», — размышлял я.

По крышам домов мы прошли мимо вокзала и миновали площадь Баррас. Теперь перед нами внизу начинался проспект Ракоци. Мы спустились на первый этаж здания на углу улицы Ротенбилера и площади Барон. Раньше здесь находилось центральное венгерское агентство путешествий «Ибус». На стенах, среди гитлеровских плакатов и угрожающих приказов, сохранилось несколько старых светло-голубых афиш с видами озера Балатон, с изображением зубчатых стен башни рыбаков в Буде, ажурного здания парламента и достопримеч...

тельностью города Печ. На углу улицы Фиуме виднелась гостиница «Парк», занятая нашими войсками накануне, во время прорыва к вокзалу... В конце проспекта Ракоци с обеих сторон были еще две гостиницы — «Империял» и «Кёзпонта», в которых засели гитлеровцы. Из этих двух гостиниц яростно строчили пулеметы, а со стороны проспекта Ракоци время от времени ухали немецкие орудия.

В одной из комнат агентства я отыскал письменный стол, заваленный щебнем и битым стеклом. Смахнув со стола мусор и смастерив из нескольких коробок из-под патронов стул, я стал писать. Нужно было кончить засветло. Я долго работал и успел черкнуть несколько строчек своей невесте. «Не беспокойся, — писал я. — Дней через восемь — десять битва за Будапешт кончится... У меня много материалов... Может, даже попытаюсь написать книгу обо всем, что видел здесь!..»

Обстрел все усиливался. Осколки стекол, оставшиеся в окнах, дребезжали от воздушной волны. Где-то совсем близко, видимо у здания вокзала, упала бомба. В дверях появился капитан Чепрага. Увидев меня за письменным столом, он потребовал, чтобы я спустился в подвал или вообще вернулся назад... Я же торопился закончить материал для газеты. Немецкие самолеты вновь вернулись. Жуткий, нарастающий вой... Несколько взрывов сотрясли землю в стороне парка Ворошлигет...

Господин майор!

Имею честь направить вам документы и блокнот с записями военного корреспондента, которого вчера вечером в расположении наших позиций застигла бомбардировка вражеской авиации. Его останки были собраны и захоронены санитарями, по-видимому, на Ракошлигет.

Будапешт, проспект Ракоци, 15 января 1945 г.

Капитан Чепрага.

АЛОЕ ЗНАМЯ

Рассказ старшего сержанта

Утопая по пояс в снегу, сквозь пургу и метель мы весь день спускались по склону горы и неожиданно для гитлеровцев вышли на их фланг в долине. Вечером наш передовой батальон зарылся в снегу в двухстах шагах от немцев. Второй батальон остался позади нас, готовый при необходимости развернуться. Вместе с другим полком, что вышел на склон слева, мы должны были закрыть гитлеровцам выход из долины и зажать их с обеих сторон. Но немцы, видимо, заметили наше движение и, прекратив бой, отошли вверх по долине в заранее подготовленные укрытия и траншеи. И теперь ни одному из наших полков не удавалось приблизиться к ним.

Укрепления гитлеровцев скрывались за сугробами и редкими елями, но ближе к хребту лес кончался. Линия обороны противника проходила поперек долины у ее верхнего края и таким образом преграждала нам путь через горы. Как только гитлеровцы замечали какое-ни-

будь движение на наших позициях, их пулеметы открывали перекрестный огонь. Когда пулеметы замолкали, как бы притаившись, вся долина погружалась в белое безмолвие.

Полковник изучал вершину горы, покрытую мелколесьем, а мы готовились к ночлегу в одном из немецких укрытий среди елок. Здесь все было брошено в спешке: на лавках остались разостланные постели, в центре на каменной плите еще тлели угли. Блиндаж был просторным и теплым, стены и потолок — из толстых елей. «Здесь и перезимовать можно», — обрадовался я. Быстро, пока не потухли головешки, мы достали из-под лавок дрова и раздули огонь.

Я командовал отделением при командовании полка и отвечал за оборудование и охрану КП. Мы всегда радовались, когда находили вот такие укрытия, как это: не нужно было копать землю и пилить лес. Кроме того, в только что построенном укрытии всегда было сыро, и полковник, входя, обычно недовольно шевелил усами и сердито кричал мне:

— Мокаву... Я замерз!

Войня, так звали полковника, был мерзляк от природы: как только начинался листопад, он всегда дрожал от холода. «Но теперь-то он не накричит на меня!» — думал я, довольный. Оставив солдата присматривать за огнем, я пошел звать телефонистов и выставять часовых...

Наступила ночь. Поземка прекратилась. Небо прояснилось. Сухой, спрессованный снег скрипел от мороза под сапогами. Высокий, закутанный в шубу полковник слушал донесения связных. Шапка Войни была надвинута на лоб. Покрытые инеем брови придавали его лицу угрюмый вид. Одного из связных полковник отослал в расположенный впереди батальон с приказом установить связь с полком на другом склоне горы и не допускать просачивания гитлеровцев через стыки подразделений. Полковник Войня взглянул еще раз на белеющие в тылу немцев хребты, через которые нам предстояло пройти, и, съезжившись от холода, вошел в укрытие. Разместив часовых в оставленных немцами окопах, я тоже возвратился в блиндаж.

В блиндаже были Войня, несколько офицеров из штаба полка, телефонист и солдат, который топил в котелках снег для чая. Солдаты нашего отделения, свободные от

нарядов, пристроились на ступеньках. Измученные трудным переходом через горы, мы быстро заснули. Войня тоже задремнул, но каждый раз, когда телефонист шепотом умолял кого-нибудь не беспокоить полковника, Войня вздрагивал.

— Мне приказано не будить его! — оправдывался телефонист.

— Будить, если немцы начнут атаку, — еле слышно прошептал Войня. Спал он на редкость чутко.

Проснулся я часа через два. Меня растолкал один из солдат. Снаружи короткими очередями строчил пулемет. Я кинулся к лестнице, споткнулся о чьи-то ноги и наконец выбрался наверх, на мороз. Я подбежал к часовому. Он наблюдал за лесной поляной, расположенной между нами и передовым батальоном. Пулемет стрелял почти у самой вершины. Это наше передовое охранение на правом фланге открыло огонь по серым теням лыжников, удалявшихся в сторону немецких позиций. На снежном фоне гитлеровские лыжники были едва различимы. Вот они обогнули группу елей и вскоре совсем исчезли из виду.

Я долго стоял возле часового в окопе, вглядываясь в склон горы... «Немцы знают расположение нашего укрытия, — подумал я. — Они хотят спуститься и захватить нас!» Перед нами находилась 3-я немецкая горнопехотная дивизия, и с тех пор как мы вступили в горы, гитлеровские лыжники-патрули не давали нам покоя. Всего две ночи назад фашистские патрули внезапно обрушились на командный пункт батальона соседнего полка и устроили там резню. Прибыв туда позднее, связные полка увидели страшную картину: часовые заколоты, укрытие полно убитых и раненых.

Встревоженный такими мыслями, я вернулся в укрытие, разбудил нескольких солдат и удвоил наружные посты.

— Что там, Мокану? — очнулся полковник.

— Немцы крутятся возле нас, как волки! — как можно спокойнее ответил я.

— Да, да! — кивнул полковник и снова задремал.

А у меня сон пропал. Меня взволновало появление немецких лыжников, да и продрог я на морозе. Я стал подкидывать дрова в огонь.

Примерно в полночь полковник разбудил офицеров,

они начали разрабатывать маршрут движения полка на следующий день. В последние ночи спать приходилось мало. Сопротивление немцев усиливалось, становилось все более ожесточенным, и полковник, возможно, опасаясь, что мы не успеем вовремя выполнить боевую задачу — перевалить через хребет и выйти немцам в тыл.

В конце января 1945 года после нашей внушительной победы у Рознова, где мы взяли в плен почти две тысячи гитлеровцев со всем их командным составом и боевой техникой, наши части двинулись через заснеженные горы прямо на запад, к Брезно. Одни полки направились по шоссе от Рознова к Добшине и Телгарту и далее по долине Грона; другие по шоссе от Желсава к Мурану и Тисовеку, а затем через горы — также к Брезно. Немцы усиленно обороняли эти две дороги, разделенные узкими хребтами заснеженных гор. Никаких других путей в горах не было: только лес, глубокие ущелья да острые хребты. Вот через эти горы и предстояло нам пройти, чтобы внезапно обрушиться с тыла на гитлеровцев, оборонявших шоссе, ведущее к Добшине...

Два дня подряд, утопая в снегу, мы пробивались к верхнему краю долины под ожесточенным огнем фашистов, но так и не смогли оттеснить их к гребню. На третий день в метель нам удалось обойти их стороной и спуститься по склону, но немцы вовремя отошли к другому краю долины. Стало ясно, что с этих позиций очень трудно выбить гитлеровцев. Тогда Войня приказал полку зарыться в снег и переждать, выставив лишь охранение и часовых... «Эх, черт побери, как же мы выбьем их? — спрашивал я самого себя. — Немцы сидят в надежных укрытиях, окруженных проволочными заграждениями и, возможно, даже минными полями!.. Мы же притащили с собой на руках только малые и средние минометы. Пушки здесь не могли пройти, и мы направили их по шоссе, на которое и спешили теперь выйти через хребет... А тут еще глубокий снег мешает нам продвигаться, и мы прыгаем по сугробам как зайцы...»

Разогревшись у костра, я все-таки заснул. Разбудил меня зуммер телефона. Телефонист, уставший за день, крепко спал. Я быстро схватил трубку и на другом конце провода услышал голос командира дивизии:

— Войня... Войня... Войня!

— Господин полковник, — тихо позвал я. — Это господин генерал!

Войня мигом поднялся с лавки и, придерживая шубу на плечах, взял трубку. Снаружи донесся отдаленный треск пулеметов.

— Слушаю вас, господин генерал! — ответил полковник спокойным, мягким голосом. — Все, господин генерал! — добавил он немного погодя. — Не может быть! Все роты на месте... Перед позициями Матая, в тылу у немцев? Во всяком случае — не мои... Разумеется, господин генерал! Я вас понял... Проверю еще раз и доложу вам!

У Войни был озадаченный вид. Он вызвал связанного из батальона первой линии. Никто уже не спал. Вдалеке слышались глухие взрывы гранат, и я поспешно выскочил из укрытия, приказав солдатам следовать за мной. Ночь была светлая. Сильный мороз сковал все вокруг. На наших позициях было тихо. Но на левом склоне горы перед другим полком, за боевыми позициями гитлеровцев, строчили пулеметы и время от времени мелькали голубые огоньки от разрыва гранат. Немцы вели огонь вниз по позициям соседнего полка и вверх в сторону гребня, откуда слышалась стрельба.

— Что это может быть, господин старший сержант? — спросил меня один из солдат.

Я пожал плечами, не зная, что ответить, и в сопровождении солдат направился к первому посту.

— Это, должно быть, наши, — сказал один из часовых.

— Возможно, заблудились вчера вечером в метель и теперь пытаются прорваться к своим, — добавил кто-то из солдат.

— Не может быть, они идут из тыла немцев... Ты что, не видишь? — возразил другой.

— А может, немцы; перепутав, открыли огонь по своему же патрулю? — предположил третий.

— Слишком уж сильный огонь для патруля! — засомневался я.

Перестрелка вдруг окончилась, и только время от времени в долине раздавались одиночные выстрелы. Когда к нам подошел полковник, кругом воцарилась тишина.

Со сменой часовых я вернулся в укрытие. Полковник заслушал по телефону доклады всех командиров рот и доложил генералу, что подразделение, которое вело пере-

стрелку с немцами, было же из нашего полка. Затем Войня и находившиеся на КП офицеры разложили на коленях карты и стали обсуждать предстоящую утром атаку.

До рассвета оставалось еще несколько часов. Я отвечал за охрану КП и не должен был теперь спать. Часа через два снова слышались пулеметные очереди, но теперь уже ближе. Я мгновенно выскочил в окоп. Сначала мне показалось, что пулеметы строчат со всех сторон. Эхо усиливало это впечатление. Я схватил пригоршню снега и принялся растирать себе лицо, сгоняя дремоту. Стрельба велась перед нашими позициями, напротив роты, расположенной в долине, но и на этот раз в тылу немецких подразделений.

Из укрытия вышли Войня и другие офицеры. Спрятавшись за соснами, мы наблюдали за боем. Гитлеровцы бешено отстреливались, стремясь заглушить внезапно обрушившийся на них с тыла сильный огонь.

В темноте на краю долины непрерывно сверкали огоньки выстрелов. Полковник попросил соединить его с командиром роты, расположенной в долине. Но и тот откровенно признался, что эта сильная перестрелка в тылу немецких позиций и для него как гром среди ясного неба. Тогда Войня доложил генералу, что перестрелка на этот раз началась в нашем секторе и опять за позициями немцев.

— Нет! — возразил Войня. — Думаю, что это та же часть, господин генерал... Видимо, она попыталась сначала пройти на участке Матая, а теперь прорывается в нашем секторе. Скорее всего, это наши подразделения, вышедшие в тыл немцев с шоссе, ведущего на Муран и Тисовека... Может, они заблудились в метель и теперь хотят выйти к нам...

После разговора с генералом полковник приказал роте, расположенной в долине, открыть огонь, чтобы посмотреть, как на это будут реагировать немцы. Но внезапно перестрелка прекратилась, и долина снова погрузилась в предрассветную тишину. Мы вернулись в блиндаж. Полковник и офицер оперативного отдела принялись изучать карты. Через некоторое время Войня предложил командиру дивизии план атаки гитлеровцев, чтобы прорвать их позиции и выйти на гребень высоты. Получив разрешение, полковник сосредоточил все минометы полка недалеко от нашего укрытия, чтобы иметь возможность самому непосредственно руководить их огнем.

Наступал рассвет. Стали отчетливо видны белые хребты гор. Вскоре и вся долина заполнилась светом. Участки леса на склонах гор казались большими муравейниками. Снег, прихваченный сильным морозом, сверкал как серебро. Полковник некоторое время зачарованно смотрел на эту белую пустыню, но, взглянув на часы, быстро повернулся к одному из офицеров и кивком головы показал на телефон. Вскоре позади нас, будто шелест огромных листов бумаги, послышалось колыхание сухого воздуха, и через мгновение над немецкими позициями появились белые барашки дыма и раздались приглушенные взрывы. На снегу остались черные круги, будто кто-то рассыпал в беспорядке золу. Одна из мин попала в ель и расщепила ей макушку. И теперь эта ель торчала на опушке леса как черное чучело. Полковник сосредоточил огонь минометов именно на линии этой ели, потому что там находились укрытия и окопы гитлеровцев. От частых взрывов мин опушку леса быстро заволокло дымом. Войня снова посмотрел на часы и отдал по телефону приказ начать атаку.

В редком лесу появились темные силуэты солдат. Они с трудом продвигались по глубокому снегу, то и дело останавливаясь, чтобы отдышаться. Оружие приходилось держать высоко над головой. Гитлеровцы подпустили их до опушки леса, а потом сразу открыли перекрестный пулеметный огонь по всему склону. Застрекали и наши пулеметы. Солдаты ползли, укрываясь за елями. Наши минометы старались ликвидировать огневые точки гитлеровцев, и, где это удавалось, наши сразу же продвигались вперед. Казалось, что вот-вот немецкие позиции будут заняты. Но тут на белых хребтах за немецкими позициями показались расплывчатые силуэты множества людей, которые разворачивались в цепь.

— Господин полковник... К ним идет подкрепление! — воскликнул один офицер.

— Перенеси огонь впереди них! — приказал Войня минометчику.

Мины стали падать дальше, прямо перед рядами людей, двигавшихся в сторону немцев.

— Хорошо! — сказал полковник. — Держите их так, чтобы не перешли линию заграждения.

Вдруг на белой вершине гор взвилось развернутое знамя. Кто-то широко размахивал им. Силуэты людей

теснее сомкнулись вокруг знамени и двинулись дальше.

— Прекратить огонь! — крикнул полковник.

Он взял бинокль у стоявшего рядом солдата и поднес его к глазам. Другие офицеры последовали его примеру.

— Это не немцы, господин полковник! — сказал офицер оперативного отдела.

— Какие-то штатские... — произнес другой офицер.

— У них красный флаг, господин полковник! — воскликнул кто-то.

— Должно быть, это партизаны, — тихо сказал Войня. — Они, по-видимому, пытались сегодня ночью пробиться к нам!

Полковник отдал приказ передовому батальону возобновить наступление.

— Не давай немцам ни минуты покоя! — сказал он, обращаясь к офицеру-минометчику.

Опушку леса вновь заволокло дымом от взрыва мин. Наши солдаты опять поползли по снегу. Немецкие пули все чаще вбивались в сугробы, и то там то тут на снегу оставались одинокие фигурки солдат. Когда до гитлеровцев оставалось не больше сотни шагов, наши роты вынуждены были остановиться: всякого, кто пытался двигаться дальше, разносили в куски мины, или он запутывался в скрытых под снегом проволочных заграждениях. Теперь гитлеровцы могли обрушить свой огонь на тех, кто наступал у них в тылу. И хотя и наши, и партизаны открыли перекрестный огонь, нам не удалось выбить немцев с занимаемых позиций.

Пулеметная дуэль продолжалась до полудня. Партизаны неожиданно отступили за хребет и оттуда долго слышались отдаленные очереди их пулеметов. Полковник остановил наступление передовых рот и, злой, продрогший, вернулся в укрытие. Он как-то сразу постарел, уселся на скамейку и съежился под шубой. Я быстро развел огонь, и на каменной плите вновь запылало пламя. Войня сидел задумчивый. В укрытии нас было только двое. Я подкидывал поленца и хвою на жар и не мешал ему. Через некоторое время полковник очнулся от задумчивости и послал меня за другими офицерами. Я уже был на пороге, когда полковник остановил меня:

— Стой, Мокану! Приготовься идти к партизанам!

Вечером, когда совсем стемнело и лишь белые сугробы вырисовывались словно в дымке, я отправился к партизанам, взяв с собой двух человек из отделения командования: капрала Дану и Григоре Сырбу. Дана был крепко сложен, жилист, силен как медведь. На него можно было положиться: такой не оставит в беде. Сырбу Григоре был поменьше ростом, худощав, сообразителен и быстр как чертенок. Еще со времен боев в Трансильвании мы прозвали его Лисой. У него действительно был острый нюх, как у старой лисы, и умение легко ориентироваться в лесу и в горах.

Еще в укрытии мы надели белые маскхалаты и через наши позиции проползли незамеченными. Углубившись в заснеженный лес, стали осторожно пробираться по склону от одной ели к другой. Нам предстояло по гребню обойти немецкие позиции. Гитлеровцы занимали долину и склоны. Вершину горы охраняли их патрули-лыжники, потому что никто не осмелился бы решиться на такой крюк к хребтам. Вершина была голой, без единого деревца. Немецкие лыжники попытались спуститься ниже, но их отогнали наши пулеметы.

На опушке леса мы спрятались под большой развесистой елью и стали наблюдать за пустынной снежной вершиной. Окутанные ночью, в глубоком безмолвии стояли горы. Мы должны были обогнуть их по долине, чтобы выйти в тыл немцам на шоссе, ведущее к Добишно. В темноте снег казался голубоватым. От снега ночь не была такой густой, и мы могли просматривать местность впереди себя шагов на триста — четыреста. Кругом стояла глубокая тишина. Мы выползли из-под ели и попластунски стали преодолевать белую пустыню. Я полз впереди, а Дана и Лиса — на два-три шага позади меня. На вершине мы остановились и прислушались. Все было спокойно.

От вершины первым шел Лиса. За ним, ступая по его следам, двигались я и Дана. До хребтов нам предстояло пройти километра три. Сначала мы шли пригнувшись, все дальше удаляясь от немецких позиций в долине. И вот, когда уже казалось, что опасность позади, Лиса вдруг упал в снег. Мы мигом последовали его примеру. Слева наискосок по склону медленно поднималась группа немецких лыжников. Время от времени, опираясь на палки,

они оглядывали местность. Совсем рядом, в каких-нибудь ста шагах от нас, их высокие тени остановились. Немцы как будто почувствовали опасность. На самом деле, нам было очень удобно стрелять по ним. Мы могли бы всех гитлеровцев срезать одной очередью...

Немцы поднялись выше на вершину и, как белые привидения, ринулись вниз, в сторону наших войск...

Остаток пути мы шли уже в полный рост. Теперь нужно было отыскать партизан. Оказавшись на одной из снежных вершин, мы опустились на колени и стали изучать белую пустыню. Холодный ветер обжигал лицо. Мы устали от напряжения и ходьбы, и нам не терпелось найти своих...

— Они, наверное, ушли! — испуганно проговорил Дана.

— Не могли они уйти! — возразил Лиса. — За теми хребтами тоже должны быть немцы, так как там проходит шоссе на Добшину.

Вглядевшись в снежную равнину, мы поняли, что еще не дошли до партизан. Защищаясь от ветра, тронулись дальше. И вот перед нами открылась небольшая котловина, как чаша, заполненная снегом. Но и здесь не было видно партизан.

— Я же говорил, что они ушли! — настаивал Дана.

— Стой! Кто вы такие? — услышали мы окрик на русском языке.

— Румынски!.. Румынски! — закричал обрадованно Лиса.

Нас окружили человек шесть, одетые, как и мы, в белые маскхалаты. Мы не могли прийти в себя от радости. Один из русских все время повторял:

— Братцы... Братцы... Хорошо, что вы пришли!

Вскоре подошли и остальные. Возбужденные встречей, они ощупывали на нас обмундирование, каски, автоматы, жали нам руки. Потом мы все вместе спустились в долину. Здесь было потише. На серовато-белом фоне вершин мы стали различать белые силуэты других партизан. Покрытые снегом, к скале прилепились палатки. Из одной выскочили нам навстречу несколько мужчин в ватниках, в шапках-ушанках. Мы обнялись и все вместе втиснулись в палатку.

Нас усадили на ящики с патронами. Один из партизан зажег свечу. Слабый ее свет выхватил из темноты заросшие лица и пытливые глаза партизан. В углу па-

латки на носилках лежал раненый с забинтованной ногой. Он приподнялся на локте. Узнав, что мы румыны, он сказал что-то по-чешски одному из бородачей. Тот вышел и скоро вернулся с партизаном, знающим румынский. Раненый между тем уже по-русски о чем-то советовался с крепко сложенным человеком, который сидел на корточках возле носилок. Партизан, знавший румынский язык, был одет в короткий овчинный кожух, подпоясанный военным ремнем. На голове у него красовалась огромная чабанья шапка.

— Ты румын? — спросил я его.

— Да, — ответил он с трансильванским акцентом. — Нас, румын, всего семь человек. Четверо из Марамуреша и Оаша, а трое — пограничники. Они дрались с немцами 23 августа в Молдове. Потом ушли в горы и натолкнулись на партизан... Сначала нас было тринадцать... Пятеро погибли, одного захватили немцы...

Я рассказал ему, кто мы такие и откуда пришли. Румын в свою очередь представил нам всех, кто находился в палатке. Чех на носилках был командиром отряда, русский — его помощником. В палатке оказалось еще два чеха, один венгерский солдат, дезертировавший из хортистской армии, украинец и поляк. Всего в отряде насчитывалось 73 человека, из них — 11 раненых. Больше всего было словаков и чехов. Много было русских и украинцев из Закарпатья, где и сформировался отряд в июле 1944 года. В Марамуреше к ним присоединились румыны. Партизаны все время отходили на запад, оставаясь в тылу у немцев.

Узнав, что я младший командир, раненый чех стал рассказывать мне более подробно, как они хотели выйти на шоссе, ведущее к Добшине, стремясь напасть на обозы немцев, и затем отступить к Татрам. Но на той стороне хребта, на шоссе, оказался сильный немецкий заслон, который вынудил их отступить в горы. Партизаны дважды пытались выйти в долину, но не сумели пробиться через немецкие позиции и вновь отступили к хребтам.

— Мы перерезали линии связи гитлеровцев в долине, но и сами не можем двинуться с места! — перевел мне дальше румын слова чеха. — Мы тоже потеряли связь с нашими...

Я спросил командира, сколько времени они еще смогут продержаться.

— Это зависит от немцев, — разумно ответил чех.

— Но до рассвета следующего дня продержитесь?

— Думаю, что продержимся! — сказал он, внимательно посмотрев на русского. — Но если немцы атакуют нас и с другой стороны, это будет наш последний бой! — добавил он через некоторое время.

Я сообщил чеху, что на рассвете наш полк снова перейдет в наступление в долине. Один батальон попытается прорваться к партизанам, но они должны остановить гитлеровцев, если те попытаются перейти хребет с той стороны гор...

— Хорошо... Хорошо! — с радостью воскликнули чех и русский. При этом чех сразу же добавил: — Я думаю, румынские друзья поняли, что наше положение очень тяжелое?!

Я молча кивнул головой и спросил, известны ли им подробно позиции гитлеровцев, так как нам нужна была точная схема.

— Конечно, — серьезно сказал чех и, повернувшись к русскому, попросил: — Иван Кузьмич... Бери карандаш!

Русский пошарил по карманам, ища бумагу и карандаш, но потом, видимо, раздумал и начал тихо, почти шепотом, говорить о чем-то с чехом и другими партизанами. Посоветовавшись, чех предложил нам взять с собой русского, который хорошо знал расположение немецких позиций. Командир партизанского отряда порекомендовал захватить с собой и местного чеха в качестве проводника нашего батальона...

«Впятером труднее будет проскользнуть мимо немцев, — подумал я. — Но русский и чех действительно помогут нам!» Командир отряда, видя мое молчание, добавил, что чех надежный человек, а русский — советский офицер, бежавший из лагеря военнопленных.

— Хорошо! — согласился я и поднялся. — До полуночи мы должны вернуться в полк... Ну пойдем!

По вершине, что была слева от немцев, мы шли цепочкой: впереди — Лиса, за ним — русский и чех; Дана замыкал цепочку, все время оглядываясь. Теперь на спуске идти было легче хотя бы потому, что пронзительный ветер дул нам в спину. Ночь была светлой и холодной. От края долины и до самой опушки леса, где были немецкие позиции, кругом было белым-бело. Но между

елей мы заметили неясное скопление теней. Может быть, это было укрытие, а может быть, батарея минометов с дежурными расчетами. Напротив немецких позиций мы ускорили шаг, стараясь быть ближе к Лисе, который прокладывал тропинку и внимательно вглядывался в сторону гитлеровцев. Оставалось всего несколько сот шагов, и мы бы миновали передовые линии немцев и их проводочные заграждения, занесенные снегом. Но вдруг сзади раздался голос Даны:

— Ложись!..

Мы бросились в снег. Над нами резко просвистели автоматные очереди. Мы быстро развернулись вправо, но не успели открыть огонь, как гитлеровские лыжники, стреляя на ходу, вихрем промчались мимо нас. Мы знали, что они вернутся, и стали поспешно окапываться в снегу. Окутанные снежной пылью, лыжники появились вновь. Теперь они выстроились в одну линию. Их было всего пятеро...

Немцы быстро приближались. Их пули снова прошли над нами. Гитлеровцам нелегко было в нас попасть, так как мы отлично маскировались в снегу. В сорока — пятидесяти шагах от нас немцы вновь повернули к вершине и таким образом по очереди попали в сектор нашего огня. Вот один из лыжников рухнул и полетел вниз по склону, поднимая тучу снежной пыли. Как голодная стая волков, почуявшая добычу, гитлеровцы бросились в нашу сторону. Мы дали им приблизиться, и, когда они пронеслись рядом, Дана уложил еще одного лыжника.

— Здорово! — удовлетворенно воскликнул русский.

Гитлеровцы, остановившись на склоне, выстрелили вверх белую ракету. Вскоре со стороны их позиций появилась другая группа лыжников.

— Лиса, — крикнул я, — беги!

— Пусть идет Дана, господин старший сержант...

— В бога твою мать, — вскипел я. — Сейчас же беги!

Лиса мгновенно исчез. Я оставил Дану встретить гитлеровцев, а сам пополз к русскому и чеху.

— Иван Кузьмич, — зашептал я в заросшее лицо русского, показывая рукой в сторону, куда побежал Лиса. — Румыны... там... там!

— Никогда! — оборвал меня русский.

— Уходите сейчас же! — приказал я.

Я пожал им руки. Русский и чех поползли в сторону

наших позиций. За ними было кинулось несколько гитлеровцев, но я открыл огонь и отрезал немцам путь. Дана уложил еще одного гитлеровца и заставил залечь других. Но в это время один из фашистов бросил в сторону Даны гранату. Сверкнув голубым пламенем, она разорвалась на снегу. Наступила тишина. Автомат Даны замолчал. Я подполз к Данае, не переставая стрелять по гитлеровцам.

— Господин старший сержант, уходите и вы! — простонал Дана.

— Куда тебя ранило?

— В живот... Теперь все... Уходите! — повторил он и снова схватил автомат.

Я взвалил раненого на спину и пополз, пятясь назад, оставаясь лицом к немцам. Время от времени я останавливался и выпускал из автомата длинные очереди. Сначала стрелял и Дана, но вскоре силы его оставили и он упал в снег, прямо на автомат. Гитлеровцы, видимо, поняли, что я остался один. Они уже смелее приближались ко мне со всех сторон. Я опять дал длинную очередь — еще один немец покатылся вниз. Остальные снова зарылись в снег и открыли сильный огонь. Вскоре я израсходовал все патроны, и гитлеровцы набросились на меня. Первого я сбил автоматом, другому вцепился в горло. Мы покатылись в снег. Немцы связали меня и ожесточенно избили ногами. Потом двое остались возле меня, а остальные встали на лыжи и начали спускаться в долину по следам Лисы и русского с чехом.

* * *

Очнулся я в густой темноте. В голове шумело. Сильная боль в боку перехватила дыхание. Хотелось повернуться, но руки и ноги были связаны, и я остался лежать на животе, уткнувшись в землю. Постепенно я разглядел бревенчатые стены. Рядом со мной неподвижно лежали еще двое. В первом, полном и румянном, одетом в поношенное, изодранное кожаное пальто, я узнал шедшего с нами чеха. Второй, длинный и костлявый, с заросшим лицом и рыжими волосами на голове, был русский. Телогрейка на нем была расстегнута, весь живот его — в крови. Русский громко стонал.

Я услышал какие-то шаги и, затаив дыхание и не шевелись, повернул голову в ту сторону. К нам приблизи-

лись черные сапоги. Где-то наверху, может быть на стене или в руках у кого-то, мерцал слабый свет, но я не мог взглядом дотянуться до него. Я видел только колени топтавшегося возле нас немца да здоровый кулак, сжимавший черный широкий ремень.

— Фу! — с отвращением произнес гитлеровец и ударил по голенищу ремнем. — Russe... Rumäne, Tscheche... einige Fehegeburt¹.

Я вдруг сразу все припомнил. Когда лыжники приволокли меня в убежище, гитлеровский офицер начал допрашивать меня: что я делал на вершине, кто еще со мной был, откуда мы шли, где наши позиции и какими силами располагаем мы в долине. Я молчал. Гитлеровец разозлился, как черт, и хотел ударить меня по лицу. Но я упредил удар и сильно двинул ботинком по коленям фашиста. Офицер взревел. Солдаты свалили меня и связали ремнями. Потом передали вот этому унтер-офицеру. Эта скотина истлестал меня сначала ремнем, а затем со звериной ненавистью стал пинать и топтать ногами. Я потерял сознание. Очнувшись, словно сквозь туман, увидел, как в укрытие привели чеха. Его подталкивали сзади и били как животное. Русского притащили за руки и за ноги: он был ранен и не мог двигаться. «Русский, наверное, дрался с ними до последнего», — мелькнула у меня мысль, и я снова потерял сознание...

«Хорошо, что Лиса ушел!» — успокаивал я себя, рассматривая сапоги гитлеровца. — Лиса теперь в любом случае добрался до полка!» Я вспомнил, что, когда меня тащили к укрытию, в долине затрещали пулеметы. «На рассвете, — думал я, — наши перейдут в наступление и прихватят немцев! Только бы гитлеровцы не узнали о нашей договоренности с партизанами!.. Русский, конечно, не скажет. Он военный и знает, что это значит! Чех тоже не выдаст. Он партизан... А мы боремся и за их свободу...»

Меня мучил навязчивый вопрос, как удалось немцам захватить нас. Они, наверное, обнаружили наши следы на вершине и сидели, замаскировавшись, в засаде, ожидая, когда мы будем возвращаться...

Я вновь открыл глаза. Сапоги гитлеровца остановились возле русского. Дыхание Ивана Кузьмича станови-

¹ Русские... Румыны, чехи... Подошвы! (нем.)

лось все слабее и прерывистее... Чтобы привести его в сознание, гитлеровец, не нагибаясь, начал бить русского по лицу пряжкой ремня.

— Der Bolschewik! — кричал со злостью фашист. — Говори!

Иван Кузьмич беспомощно ворочался, стараясь спрятать лицо от ударов, но у него не было сил; сжав зубы, он лежал с закрытыми глазами, на которые спадали густые рыжие волосы.

Разъяренный гитлеровец нагнулся над русским и кулаком ударил его в подбородок:

— Говори... сволочь!

Русский, почувствовав на своем лице дыхание гитлеровца, собрал последние силы и привстал на локоть, открыв глаза.

— Тьфу! — с отвращением плюнул Иван Кузьмич прямо в лицо немца и бессильно упал на землю.

Гитлеровец набросился на него как дикий зверь и стал бешено бить ногами и ремнем. В это время снова появился тот офицер, что допрашивал меня, и унтер-офицер, тяжело дыша, отошел в сторону. Офицер с мрачным видом остановился около чеха и посмотрел на часы. По его приказу унтер-офицер быстро развязал чеха и поднес к его лицу свечу. Только теперь я увидел, что чех намного старше меня и русского. Почувствовав себя развязанным, чех вздрогнул, но не открыл глаза.

— Мне жаль тебя! — понял я кое-что из слов немецкого офицера. — Они солдаты. Ну а ты? Что тебе до них? Ответишь, и я сразу тебя отпущу... Можешь идти к партизанам или домой, куда хочешь!

Чех открыл глаза и уставился в потолок укрытия. На его левой щеке был большой синяк от удара. Он больше не стонал, и казалось, перестал дышать. Сжав зубы, с погасшим взглядом, он молчал. Если бы я не видел, как колыхнется его грудь, можно было бы подумать, что он мертв...

— Sprich!¹ — процедил офицер и носком сапога приподнял голову чеха. Тот продолжал молчать. Вбешенный немец выхватил из кобуры пистолет и щелкнул предохранителем перед немигающим взглядом чеха.

— Eine Minute! — сухо отрезал офицер. Чех не вы-

¹ Говори! (нем.)

молвил ни слова. И только когда гитлеровец приставил дуло прямо к виску пленного, чех запрятал голову под бок русского и заплакал. Офицер два раза выстрелил и исчез, крикнув:

— Schlag!.. Schlag!¹

Меня и русского снова начали бить ремнем. От резкой боли я вновь потерял сознание.

Когда я очнулся, в землянке было холодно и сумрачно. Наверху, в потолке, виднелась дыра величиной с кулак. Через нее и проникал слабый свет. На земле лежало окоченевшее тело чеха, уткнувшегося в бок Ивана Кузьмича. Рядом с чехом неподвижно лицом вверх лежал русский. Его рыжие волосы разметались по земле, а борода, скрывавшая молодое лицо, спуталась. Одной рукой он обнимал чеха.

В другом углу укрытия слышался голос гитлеровца, который испуганно кричал на кого-то. Я очнулся именно от этого крика и теперь наблюдал за офицером. Когда он замолчал, я услышал другой голос, пытавшийся установить связь по радию. Офицер снова начал говорить, но теперь уже реже и спокойнее. Из того, что я понял, мне стало ясно, что он требовал от другой части быстро перейти горы и выручить их...

— Schnell... Schnell! — кричал он, все более распаляясь.

Через дыру в потолке укрытия было видно, что приближается рассвет. Я перевернулся на живот и тихо подполз к изголовью русского.

— Иван Кузьмич, — тихо прошептал я, — светает! Утро... Утро! — повторил я шепотом уже по-русски.

Но Иван Кузьмич уже не дышал. Тяжело раненный, он стойко перенес издевательства гитлеровцев. Возможно, и меня немцы считают уже мертвым и поэтому оставили меня в покое... «Ну в бога вашу маты!» — с ненавистью выругался я. Теперь я страстно, как никогда, молил, чтобы наступление нашего полка было удачным. Леса, конечно, добрался до Войны, и момент атаки уже близок. «Я должен дожить до этого момента!» — говорил я самому себе... И, напрягая все силы, стал развязывать ремни на ногах. Лежа на животе, согнувшись в три погибели, я пальцами ухватился за узел. Потихоньку-потихоньку

¹ Бей!.. Бей! (нем.)

хоньку, сдерживая дыхание и подавляя стон, я все же развязал ремни.

В этот момент невдалеке слышались приглушенные снегом взрывы. Наши минометы главным образом вели огонь по передовой линии обороны немцев, и только время от времени то одна, то другая мина разрывалась над укрытием, сильно встряхивая его. «Началось... Началось!» — повторял я про себя, все больше теряя терпение. Я попытался развязать себе и руки, но не сумел. Обессиленный, снова свалился на землю. Минометный огонь усилился и перенесся на участок, где было укрытие. «Второй батальон в сопровождении Лисы теперь должен быть на вершине!» — подбадривал я себя. Укрытие сотрясало от взрывов, как при землетрясении, но потом разрывы стали все реже и реже. Снаружи донесся треск пулеметов, вдалеке слышались крики «ура». Это наши солдаты шли на штурм.

Я собрал все свои силы и подполз ближе к порогу землянки, чтобы следить за гитлеровцами. Офицер отчаянно кричал в телефон, а толпившиеся возле него солдаты в суматохе хватали автоматы, шипели, каски и выбегали из укрытия. Офицер со злостью швырнул телефонную трубку и начал медленно складывать карту. Измывавшийся над нами унтер, поставив одну ногу на ступеньку, держал в руках раскрытую планшетку, нетерпеливо ожидая офицера.

В этот момент мина угодила прямо в дверь укрытия, и бездыханный унтер распластался у ног офицера. Солдат с каской в руке бросился к выходу. Волосы на его голове взмокли от пота, а лицо побелело, как мел.

— Herr Oberst¹... — проговорил он.

Офицер окинул его ледяным взглядом, нагнулся, взял планшетку из рук мертвого унтера и направился вслед за солдатом. Но, видимо вспомнив про нас, он остановился на пороге землянки и так же хладнокровно, как стрелял в чеха, разрядил пистолет в полумрак, где лежали мы.

Если бы я не поднялся, чтобы броситься на него, гитлеровец, возможно, и не попал бы в меня. Но я поднялся... Казалось, в грудь, под правую лопатку, всадили раскаленный гвоздь, и я упал рядом с русским и чехом.

¹ Господин полковник (нем.).

Очнулся я на носилках. Глаза ослеплял белый свет. От холодного, сухого воздуха перехватывало дыхание. Рана в груди казалась куском льда. Санитары остановились, чтобы передохнуть. Они не возвращались в долину, а шли вперед, за полком. Первый батальон уже преодолел позиции немцев и теперь поднимался выше по склону, к партизанам. Другой батальон, стремясь скорее соединиться с партизанами, вышел по вершине в долину между хребтами. Теперь над немцами нависла угроза с фланга и тыла. Гитлеровцы спешно оставляли долину. Наверху, над белыми просторами, снова развевалось алое знамя партизан. Скалы содрогались от выстрелов и взрывов.

Один из санитаров пояснил мне, что партизаны одновременно с нами атаковали гитлеровские позиции и отрезали таким образом путь к отступлению тем немецким частям, что отошли из долины перед нашим полком. Но в этот момент на помощь гитлеровцам подошли с противоположного склона другие немецкие роты и атаковали партизан. Видимо, это были те самые немцы, которых вызвал по радиации гитлеровский офицер. Партизаны теперь оказались между двух огней.

— Где господин полковник? — спросил я взволнованно.

— Полковник, увидев, что наши еще не дошли по вершине до партизан, снова повел батальон вперед...

Действительно, вершина справа была пустынной, голой и белой от снега.

— Наш батальон направился между хребтами, — уточнил мне санитар. — Но, наверное, тоже встретился с гитлеровцами.

— А Лиса разве не был с ним?

— Был. Они в любом случае должны выйти к партизанам.

Склон горы напротив нас был усеян движущимися фигурами. Наши развернутым строем теснили немцев к хребту. Румыны то ползком, то короткими перебежками продвигались вперед по снегу. Но гитлеровцы отходили организованно, шаг за шагом, все время прикрываясь огнем. Часть немцев завязала бой за хребтом, стремясь проложить путь к своим через горы. Войня понимал, в каком тяжелом положении оказались партиза-

ны. Он снова и снова поднимал в атаку батальон, находившийся в долине.

На линии горной гряды немцы остановились. Видимо, решили оказать сопротивление. Они установили сплошную завесу огня по всей долине и заставили наших зарыться в снег. Между хребтами гитлеровцы продолжали штурмовать укрепленные позиции партизан. Бой там разгорался все сильнее. Но вот над горами стали подниматься облака белого дыма. «Лиса провел батальон к партизанам!» — обрадовался я. Шум боя из-за хребтов доносился все сильнее. Вот послышались продолжительные крики «ура». Они эхом пронеслись по долинам. Значит, наши на противоположном склоне поднялись на штурм, а через некоторое время мы увидели вдалеке столпившихся гитлеровцев с поднятыми руками...

Я не спускал глаз с алого знамени, под которым наши солдаты встретились с партизанами. Санитары подхватили носилки и пошли напрямую к вершине. Под натиском наших войск гитлеровцы отступали в котловину между хребтами. Другие наши части, смешавшись с партизанами, спускались на противоположный склон гор. Я упросил санитаров идти за полком и дальше. Они спустились к шоссе и направились к селу в долине. Роты впереди нас выбили гитлеровцев из села и теперь преследовали их по шоссе. Немцы бежали в соседнее село, не подозревая, что туда уже спустился наш соседний полк.

На окраине села я увидел солдат из нашего отделения и Войню. Здесь же был и командир партизан. Его несли на носилках двое мужчин. Ко мне радостно кинулся Лиса:

— Господин старший сержант!

Он рассказал, что искал меня на вершине и что нашел там окоченевший труп Даны. Затем спросил об Иване Кузьмиче и чехе. Услышав, как их мучили и убили гитлеровцы, Лиса помрачнел. Я узнал, что это он вывел по вершине второй батальон к партизанам.

Когда меня увидел Войня, он от удивления вздрогнул и его осунувшееся лицо просветлело. Не говоря ни слова, полковник наклонился ко мне и по-отечески пожал мою руку. Его замерзшие пальцы дрожали. Полковника сопровождали пятеро румын партизан. Они упрашивали Войню взять их в полк.

— Я их возьму в свое отделение, господин полковник! — предложил я.

— Кого ты еще возьмешь? Ты поедешь в Румынию, в госпиталь.

Только теперь я понял, что мне предстоит навсегда разлучиться с полком. На душе у меня стало тоскливо. День Победы, который был уже так близок, я не смогу встретить рядом со своими боевыми товарищами. А между тем наши громили немцев на шоссе к Добшине, гитлеровцы в панике отступали. Население со слезами радости обнимало солдат и партизан. Меня и командира партизан несли на носилках. Впереди шли полковник Войня и другие офицеры. Вот перед ними остановилась девушка и, приложив одну руку к сердцу, другой показала на окруживших нас жителей. Это была учительница села. Она вытерла глаза, заправила под цветастую косынку волосы и произнесла несколько слов приветия. На глазах у меня выступили слезы. Мысли мои перемешались. От волнения у меня закружилась голова. Как будто издавека я слышал бархатный голос девушки, которая проклинала гитлеровцев и называла нас «храбрецами и освободителями». Потом я услышал, что мы «вместе с русскими братьями принесли братскому чехословацкому народу свободу!»

Войня не мог сдержаться, и, когда девушка кончила говорить, он протянул к ней руки и осторожно поцеловал ее в лоб. Население и солдаты кричали «ура». Войня повернулся к носилкам, на которых были я и мертвый чех, видимо, хотел что-то сказать, но только обвел всех нас — и солдат, и партизан — руками. Народ, конечно, понял его и без слов. Нас окружили, чьи-то руки подняли наши носилки и осторожно понесли. Покачиваясь, словно на волнах, я снова увидел небо, снежные горы, лес. Все это крутилось и наклонялось, а потом исчезло в потоках ослепительного света...

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Ночной эшелон	5
Смерть командира	29
Огонь на границе	64
Голубая батарея	82
В горном селе	106
В засаде	128
Окровавленная земля	153
В сердце города	221
Алое знамя	267

Аурел Михале
НОЧНОЙ ЭШЕЛОН

Редактор *Павлов П. Л.*
Литературный редактор *Кобозева А. Г.*
Художественный редактор *Константинова Л. А.*
Художник *Абакумов Н. А.*
Технический редактор *Мельникова Л. Д.*
Корректор *Тамбовская Л. Н.*

Г-5 №69.	Сдано в набор 1.12.67.	Подписано к печати 29.01.68.
Формат 84×108 ¹ / ₂ мм. Печ. л. 9. (Усл. печ. л. 14,76). Уч.-изд. л. 15,177.		
Бумага типографская № 2. Тираж 65.000 экз.		
Изд. № 10/311	Цена 91 коп.	Зак. 1152

Военное издательство Министерства обороны СССР
Москва, К-160
1-я типография
Военного издательства Министерства обороны СССР
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3